

© 2025. И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Христианский град Оксиринх. К истории «душевного города» Н. В. Гоголя

Аннотация: Задача адекватного понимания гоголевского наследия остро встала перед отечественной наукой в начале 1990-х гг. Собственные комментарии Гоголя к его произведениям, в частности, пьеса «Развязка Ревизора» (1846), где писатель предложил увидеть в чиновниках его комедии «душевный город» каждого на последней «ревизии» у «неподкупного Ревизора», долгое время считались «придуманными» и навязанными задним числом, не отвечающими смыслу его творчества. В статье доказывается несостоятельность предвзятых мнений. Последовательно рассматривается связь проблематики «Развязки...» не только с «Ревизором», но и с другими гоголевскими произведениями, ранними и поздними: поэмой «Ганц Кюхельгартен» (1827–1829), «Тарасом Бульбой» (1834–1842), драмой «Альфред» (1835), статьей «Женщина» (1831), «Игроками» (1832–1842), «Театральным разездом...» (1836–1842), первым томом «Мертвых душ» (1835–1842), отдельным наброском к финалу поэмы (1843–1845) и др. Изучается вопрос об источниках гоголевской художественно-историософской концепции и отражение в ней личного жизненного опыта писателя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Платон, блаженный Августин, преосвященный Стефан (Яворский), А. Смит, концепт, город, употребление талантов, агиография, история, патристика.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.11.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 12.01.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Виноградов И. А. Христианский град Оксиринх. К истории «душевного города» Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 44–161. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 44–161. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 44–161. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Igor A. Vinogradov
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Christian City Oxyrhynchus. On the History of N. V. Gogol's "Spiritual City"

Abstract: The task of adequately understanding Gogol's legacy became acute for Russian science in the early 1990s. Gogol's own comments on his works, in particular, the play *The Denouement of the Government Inspector* (1846), where the writer suggested seeing in the officials of his comedy the "spiritual city" of each person on the last "inspection" of the "incorruptible Government Inspector," were for a long time considered "invented" and imposed retroactively, not corresponding to the meaning of his work. The article proves the inconsistency of preconceived opinions. The connection between the problems of *The Denouement...* is consistently examined not only with *The Government Inspector* but also with other Gogol's works, early and late, such as the poem *Ganz Küchelgarten* (1827–1829), *Taras Bulba* (1834–1842), the drama *Alfred* (1835), the article "Woman" (1831), *The Gamblers* (1832–1842), *Theatrical Passage...* (1836–1842), the first volume of *Dead Souls* (1835–1842), a separate sketch for the finale of the poem (1843–1845), etc. The article examines the issue of the sources of Gogol's artistic and historical philosophical concept and the reflection of the writer's personal life experience in it.

Keywords: N. V. Gogol, A. S. Pushkin, Plato, St. Augustine, Reverend Stefan (Yavorsky), A. Smith, concept, city, realization of talents, hagiography, history, patristics.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Received: November 18, 2024

Approved after reviewing: January 12, 2025

Published: March 25, 2025

For citation: Vinogradov, I. A. "Christian City Oxyrhynchus. On the History of N. V. Gogol's 'Spiritual City.'" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 44–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-44-161>

Символика города у Гоголя носит глубоко религиозный характер. Подобную проблематику отечественные исследователи вследствие идеологических причин долгое время обходили: все, что касалось религиозных вопросов, было под запретом. Публикация работ по теме была возможна лишь за рубежом¹. В настоящее время объем литературы, посвященной духовным аспектам гоголевского образа города, заметно растет². К наблюдениям добавляются новые черты, уточнения и обобщения³. Однако изучаемая проблема настолько широка, что многое в мотиве, устойчивом для всего творчества писателя, еще предстоит узнать.

Мышление Гоголя об обществе и человеке в категориях градов, материального и духовного, складывалось двояко. С одной стороны, сравнение городов — реального и «душевного» — подсказывала сама жизнь, конкретные наблюдения над «состоянием нравственности и духа» обитателей административных центров [Гоголь 2009–2010. 9: 698]. С другой — параллели между конкретным городом и образом города души выстраивались в соответствии с традиционным употреблением этих понятий в древней философской и христианской традициях. Материалом для анализа невещественного «душевного» града

¹ См.: [Чижевский 1951; Ульянов 1969; Паламарчук 1985]. В работах советского периода религиозная проблематика образа города у Гоголя рассматривалась лишь в «психологическом» плане (см., в частности: [Вишневская 1976: 236–241]). Отдельные переключки в изображении «городской» темы Пушкиным и Гоголем отмечались в тот период в ряде работ: [Гуковский 1959: 261; Фридман 1973: 170–176; Кожин 1985: 10–13].

² [Агаева 1998; Паламарчук 1990; Русов 1990; Раков 1997; Летин 1998; Вишневская 1999; Кривонос 2001; Самойленко 2002] и др.

³ [Щукин 2003; Мильдон 2004; Лахманн 2005; Владимирова 2006; Кривонос 2006; Майорова 2006; Фролова 2006; Джулиани 2009; Кравченко 2016; Белов 2017; Виноградов 2019b].

служили Гоголю, одновременно, страсти, населяющие город души, и города с конкретной географией.

1. Нежин и Петербург: начало пути

Первый город, впечатления от которого стали предметом гоголевского «душеведения», — уездный Нежин. В 1820 г. здесь была основана alma mater будущего писателя — Гимназия высших наук князя Безбородко, учрежденная на средства и в память бывшего канцлера и мецената. В Нежине Гоголь провел семь лет, с 1821 по 1828 г. За годы обучения этот город и его обыватели изрядно ему наскучили, так что осенью 1826 г. Гоголь написал на них пространную сатиру — «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан». По свидетельству гоголевского однокашника, Г. И. Высоцкого, в этом сатирическом опыте (вскоре Гоголем уничтоженном) каждое «сословие наиболее выказывало характеристические черты свои» [Виноградов 2017–2018. 2: 577]. В ранней сатире Гоголь, по-видимому, впервые предпринял свойственный ему впоследствии нравственно-психологический анализ целого города. «Характеристическое» обличение он приурочил к первому выпуску воспитанников гимназии и представил здесь «срез» жизни всего нежинского общества. В произведении семнадцатилетнего гимназиста был изображен обед у местного предводителя дворянства, торговля во время зимней нежинской ярмарки, охарактеризованы нравы самой гимназии, выведены беспорядки при освящении храма на греческом кладбище и выборах в греческий магистрат (с давних пор в Нежине существовала обширная греческая колония).

Духовный облик Нежина с внешней стороны выглядел вполне благопристойно. В городе была двадцать одна церковь и два монастыря (из них один, Благовещенский, называемый Назарет Пресвятыя Богородицы, был основан в 1702 г. местоблюстителем Патриаршего престола преосвященным Стефаном (Яворским) [Гербель 1859: 4–5], — сочинения земляка-нежинца Гоголь впоследствии внимательно читал; см. ниже). Тем не менее гоголевская оценка обитателей Нежина была критической. Обличительный пафос сказался в самом названии сатиры: «...Дуракам закон не писан». 26 июня 1827 г. Гоголь писал

Высоцкому — к тому времени тот уже окончил гимназию, с первым ее выпуском, и уехал в Петербург:

Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... [Гоголь 2009–2010. 10: 63].

В еще одном письме к Высоцкому, от 17 января 1827 г., Гоголь тоже характеризовал «существователей»-нежинцев строками сатиры: «Дураки всё так же глупы» [Гоголь 2009–2010. 10: 49].

Главной задачей обучения в Нежинской гимназии было воспитание государственных служащих — гражданских чиновников и офицеров. Ее выпускникам надлежало обеспечивать своей деятельностью нужды местного края и всей России. Меру ответственности в служении обществу Гоголь осознал именно во время пребывания в Нежине, в шестнадцатилетнем возрасте. Произошло это благодаря школьным наставникам, а также воспитанию в семье. Уже в 1825 г. Гоголь, по свидетельству матери, поставил перед собой цель «жить не для себя, а для страждущих ближних», «быть полезным своему отечеству — России» [Виноградов 2017–2018. 1: 482].

Для многих из нежинских гимназистов, в том числе Гоголя, служба в провинции представлялась, однако, не вполне привлекательной. Более достойной виделась служба в Петербурге. Проблема выбора жизненного пути Гоголь посвятил в тот период еще одно произведение, проливающее свет на его дальнейшее творчество, — идиллию «Ганц Кюхельгартен» (1827–1829). Ни Петербург с его широким поприщем, ни постылый Нежин в этой поэме не упоминаются — главным местом действия избрана условно романтическая Германия. Однако написанное на школьной скамье, в период честолобивых чаяний, юношеское произведение Гоголя содержит в себе многие черты, указывающие на его тогдашние планы. Противопоставление провинциальной жизни и далеких культурных центров носит в ней «всемирный» характер и является главенствующим. «Отправной» точкой служит вымышленная «Лунная деревня» — Люненсдорф, с чертами реального соседского поместья, принадлежавшего дальнему родственнику Гоголей, бывшему мини-

стру Д. П. Трощинскому¹. По ходу действия в «Ганце Кюхельгартене» упоминается также целый ряд реальных городов: немецкий Висмар (соседний с «Люненсдорфом»), испанский Мадрид, греческие — Афины и Миссолунги, индийский Кандагар. Подразумеваются также Иерусалим («...Вниду я в райские места; / Как пилигрим бредет к святыне...» [Гоголь 2009–2010. 7: 29]), а также Рим (стихотворение «Италия», напечатанное Гоголем в 1829 г. в журнале «Сын Отечества и Северный Архив», является, по-видимому, исключенным фрагментом «Ганца Кюхельгартена» — картиной V). Образ тоскующего в деревенской глуши юноши носит определенно автобиографические черты: поэма складывалась в преддверии собственного желанного отъезда в Петербург, в чаянии представлявшегося широкого жизненного поприща. Именно острое переживание контраста между низменным существованием провинциального Нежина и блестящей жизнью в Петербурге вовлекали в круг внимания автора «Ганца Кюхельгартена» целый ряд городов и весей (условных и реальных). Бурлящий центр или тихая провинция, обольщающая столица или глухая окраина — эта жизненная дилемма является общей для героя и самого автора поэмы.

2. География реальная и душевная

Самоопределение Гоголя в «Ганце Кюхельгартене» имело не только «географический» характер. Наряду с этим перед героем поэмы с неизбежностью вставала внутренняя, душевная проблема. Для вступающего на жизненное поприще юноши определение места будущего служения было связано с оценкой собственных талантов и способностей: соответствуют ли те манящим обширным притязаниям. Участь рядового провинциального обывателя в узком семейном кругу — т. е. благо-

¹ В «Ганце Кюхельгартене» угадываются черты имени Д. П. Трощинского села Кибинцы [Виноградов 2017–208. 1: 564–565; 2024g: 705–706]. Причиной «умолчания» в поэме о Нежине и Петербурге с очевидностью является то, что к «немецкой» действительности — родине Ганца Кюхельгартена — они отношения не имеют. Тем не менее реальная проблематика, послужившая основой для юношеского произведения, без сомнения, подразумевает оба этих города.

получная, сытая идиллия, к которой, после неудачного вояжа в далекие края, возвращается «немецкий» Ганц Кюхельгартен — для Гоголя «идеалом» существования определенно не была. Когда в 1827 г., в период сочинения поэмы, сразу нескольких нежинских педагогов-наставников одолела, по словам Гоголя, «блажь жениться», то он, в чаянии дальних стран, характеризовал их матримониальные планы исключительно насмешливо [Гоголь 2009–2010. 10: 64]. В «Ганце Кюхельгартене» Гоголь противопоставил тихой семейной идиллии самоотверженное служение в «шумном, бурном» мире [Гоголь 2009–2010. 7: 45]. Замечено, что впоследствии те же размышления, с противопоставлением идиллического и эпического, легли в основу повестей Гоголя «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» [Абрамович 1968: 9].

Ядром идейно-художественного замысла «Ганца Кюхельгартена» явилась написанная в предпоследней главе от лица автора лирическая медитация «Дума». В ней говорится об идеальном, «Небом избранном» герое, одушевленном «желаньем блага и добра», готовящем себя к «великим трудам» — для которых «он жизни не щадит» [Гоголь 2009–2010. 7: 45]. Этими чувствами был одушевлен сам Гоголь в период создания «Ганца Кюхельгартена». Конкретным городом, куда он намеревался отправиться, ради реализации своих высоких замыслов, был, конечно, столичный Петербург. 26 февраля 1827 г. Гоголь писал матери:

Ежели об чем я теперь думаю, так это всё о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству [Гоголь 2009–2010. 10: 50].

3 октября 1827 г. он сообщал о том же дяде Петру П. Косяровскому:

...Может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу [Гоголь 2009–2010. 10: 74].

Таким образом, уже в раннем «нежинском» периоде определилось стремление Гоголя — провинциального гимназиста — от неидеального, «пошлого» города — населенного приземленными, обличаемыми

«существователями», — к городу, в котором открывалась бы возможность воплощения самых заветных стремлений и чаяний. Движение от одного города к другому предполагало одновременно устройство собственного душевного града — развитие личных способностей и талантов. Средоточие культуры, город, требовал от своего «соискателя» — претендента на место в сложившемся организме — соответствующего уровня дарований, образования и культуры. Тягой к более достойному, с точки зрения лучшего употребления талантов, географическому месту — к «идеальному» городу — обеспечивался, таким образом, от самой юности, образовательный и культурный рост Гоголя, его внутреннее духовное становление. В 1825 г. он сообщал другу А. С. Данилевскому: «...Теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любезном С. Питере» [Гоголь 2009–2010. 10: 32]. Именно в это время, в те самые месяцы, и вызрело твердое намерение Гоголя приносить «пользу» ближним, быть «нужным» отечеству [Виноградов 2017–2018. 1: 482]. К этому времени он «постиг / Цель высшую существования», до которой не дорастает «немецкий» герой его юношеской поэмы [Гоголь 2009–2010. 7: 45], но которую «договаривает» за него автор в строфах «Думы». Этот момент Гоголь подчеркивает в поэме с особым пафосом:

Благословен тот дивный миг, / Когда в поре самопознания, / В поре могучих сил своих / Тот, Небом избранный, постиг / Цель высшую существованья... [Гоголь 2009–2010. 7: 45].

Осознанное за три года до окончания гимназии стремление раздвигало кругозор будущего писателя до масштабов обширного социума. Христианское и государственно-патриотическое воспитание, полученное в семье и школе, способствовало формированию дара сопереживания, умения войти в положение и роль другого человека и целого общества. В свою очередь, это еще более развивало и углубляло в Гоголе органично присущую ему способность к перевоплощению [Виноградов 2024d]. Благодаря недюжинному воображению и предельной исповедальности, а также соборному, всеобъемлющему образному мышлению начинающий писатель обретал возможность отождествления себя и своего окружения, сличения своего внутреннего «города» с «городом» внешнего мира.

Черты авторского «душевного города» содержит не только «Ганц Кюхельгартен». Автобиографические черты рассыпаны едва ли не во всех созданных Гоголем многочисленных художественных образах. Факты гоголевской биографии пронизывают большую часть произведений, так что творчество писателя в целом носит глубоко автобиографический характер, представляет «историю души» автора.

К примеру, Гоголю, отправившемуся из Нежина в Петербург с целью посвятить свою жизнь Отечеству, не надо было позднее выискивать, сопоставлять и сравнивать книжный и фольклорный материал в поисках героических черт его самоотверженных запорожцев — героев «Тараса Бульбы». Такой герой — вместе с повествователем-рассказчиком Рудым Паньком (источником «дивных речей про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 114]) — уже жил в нем самом, когда в 1828 г. он оставлял гимназию. Автобиографизм Гоголя был в этом отношении тем более органичен и естественен, что в роду начинающего художника-христианина было, с одной стороны, несколько священников (как со стороны отца, так и со стороны матери; см.: [Виноградов 2017–2018. 1: 13–14; Иртенина 2024а; 2024б]). Черты художника-аскета в будущем «Портрете» Гоголь, таким образом, тоже «вез» тогда в Петербург. О своей мистической одаренности он сам свидетельствовал в «Старосветских помещиках»:

Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют тем, что душа стосковалась за человеком и призывает его, и после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя [Гоголь 2009–2010. 1/2: 301].

С другой стороны, в родословной Гоголя было три прославленных в летописях малороссийских гетмана — Евстафий Гоголь, Петр Дорошенко, Иван Скоропадский, и еще три полковника (звание в казачьей иерархии тоже немаловажное) — Яков Лизогуб, Петр Забела, Василий Танский. Дед Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский, наследуя бранной славе предков, принимал участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. [Виноградов 2017–2018. 1: 13–14, 161–162]. Черты

внутреннего «душевного города» Гоголя непосредственно обнаруживаются в повестях его раннего цикла, рассказчик которых замечает: «...Чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе» («Пропавшая грамота» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 154]).

3. Образы Петербурга: столица vs провинция

Частные картины хуторской и поместной жизни перемежаются в гоголевских произведениях художественными образами городов — административных и культурно-исторических центров, значимых для народной жизни в целом. Столица Российской империи Петербург занимал в художественной характерологии Гоголя первостепенное место.

Идеальным поприщем для приложения талантов Петербург, разумеется, не стал. Как и любой другой город, российская столица, петровский «парадиз» (несмотря на содержащуюся в ее названии приставку: «Санкт-») идеальной не была. «Петербург — не Церковь», — замечает у Гоголя во втором томе «Мертвых душ» один из героев [Гоголь 2009–2010. 5: 332]. Однако разочарования и отказа от реализации себя как личности со стороны юного Гоголя тоже не последовало: «лишним человеком» — духовным недорослем — он становиться не собирался¹. Проблемы служения Богу и Отечеству, вопрос о реализации дарованных талантов лишь встали перед ним с переездом в Петербург с еще большей остротой. Вопрос о жизненном долге и призвании каждого в реальных условиях еще более укрепили Гоголя в убеждениях, высказанных на школьной скамье в «Думе» «Ганца Кюхельгартена», — что для осуществления высоких замыслов требуется личный жизненный подвиг каждого, в результате которого только и может сложиться, как плод совместный усилий всех членов общества, «идеальный» город. По приезду в столицу Гоголь поставил перед собой и стал решать эти проблемы в многочисленных образах своих сатирических, полусатирических, героических и негероических персонажей. Во всех своих произведениях Гоголь так или иначе размышлял над вопросами, важными

¹ Подробнее об осмыслении Гоголем проблемы «лишнего человека» см.: [Виноградов 2018b; 2019a].

для него самого, насущными для собственного духовного и творческого самоопределения.

Лишь подспудно подразумевавшийся в «Ганце Кюхельгартене» образ столичного Петербурга открыто впервые появляется у Гоголя в раннем гоголевском цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», — сборнике «провинциальных», «сельских» повестей, посвященных не только Диканьке, но и многим другим провинциальным местечкам родного края — Сорочинцам (место рождения и крещения Гоголя), Ярескам (здесь у Гоголей был хутор), вымышленным Вытребенькам, такому же придуманному селу Хортыще; другим неназванным деревням и селам ранних повестей. Яркие *петербургские* эпизоды появились в первом цикле в двух из них — в «Пропавшей грамоте» и «Ночи перед Рождеством». Кроме того, диканьский Пасечник свои «сказки» (которые Гоголь создавал в Петербурге) адресует, в предисловии к циклу, непосредственно *петербургскому* читателю:

Про Диканьку же, думаю, вы слышались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого [Гоголь 2009–2010. 1/2: 85]¹.

В «Майской ночи...» и «Ночи перед Рождеством» выведен также «петербургский» образ императрицы Екатерины II; в «Пропавшей грамоте» — подразумевается соответствующий образ императрицы Анны Иоанновны. Вместе с тем в тех же ранних повестях упоминаются Иерусалим (в «Иване Федоровиче Шпоньке...»), Киев (в повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшная месть»; Киев предстает здесь как место действия и как место паломничества); перечисляются многочисленные «местные» (подобные провинциальному Нежину)

¹ По-видимому, в реплике деревенского Пасичника об осведомленности петербуржцев про далекую Диканьку Гоголь подразумевал пушкинскую «Полтаву», напечатанную за два года перед тем. Благодаря поэме кочубеевская Диканька и приобрела широкую известность. В «Полтаве» общается: «Мы знаем: не единый клад / Тобой в Диканьке укрываем» (следует примечание Пушкина к слову «Диканька»: «Деревня Кочубея»); «Цветет в Диканьке древний ряд / Дубов, друзьями насажденных» [Пушкин 1829: 42, 88, 83].

Кременчуг, Ромны, Батулин, Конотоп, Миргород, Полтава, Лемберг (Львов), Канев, Черкассы, Шумск, Галич, Глухов, Гадяч, Могилев. В окрестностях Лубен происходит действие гоголевских «Главы из исторического романа» и «Кровавого бандуриста» (в Лубнах, у мощей св. Афанасия, патриарха Константинопольского, Лубенского чудотворца, любили бывать обитатели гоголевской Васильевки [Виноградов 2017–2018. 1: 333; 4: 152–153; 6: 524–525])¹.

В следующем цикле малороссийских повестей (также создававшихся Гоголем в Петербурге) городом-символом становится Миргород — уездный город Полтавской губернии. (В миргородской канцелярии служили в XVIII в. предки Гоголя — упомянутый дед по отцу А. Д. Гоголь-Яновский и прадед по матери М. В. Косяровский).

Кроме Миргорода в новом цикле в свою очередь изображаются Киев, Дубно, Варшава. Заключительные слова Тараса Бульбы о том, что «подымется из Русской земли свой царь» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 413], подразумевают, хронологически и содержательно, возвышение Москвы — воцарение рода Романовых в 1613 г. — Одним из главных образов иконостаса домового храма Нежинской гимназии был список иконы Божией Матери Феодоровской-Костромской (этой иконой был венчан на царство великий князь Михаил Феодорович). Празднование иконе 14 марта (ст. ст.) совпадало с храмовым праздником гимназии — днем памяти священномученика Александра Пиднского [Виноградов 2017–2018. 1: 423–425]. Кроме того, финал «Мертвых душ» — знаменитый образ Руси-тройки, летящей к Небесному Отечеству среди «других народов и государств» [Гоголь 2009–2010. 5: 239], — подразумевает иератическое сравнение преосвященным Стефаном (Яворским) пе-

¹ Учитывая глубокое и рано упрочившееся религиозное сознание Гоголя, можно сказать, что за обилием городов, становящихся предметом его изображения, стоит мысль об отправлении на проповедь семидесяти апостолов: «...Посла их <...> во всяк град и место, аможе хотяше Сам ити» (Лк. 10, 1). Позднее в статье «Жизнь» (1834) Гоголь писал, что Рождественская звезда «весь мир осияла чудным светом» [Гоголь 2009–2010. 6: 263]. В статье «О преподавании всеобщей истории» он добавлял: «...Слово из Назарета обтекло наконец весь мир» [Гоголь 2009–2010. 6: 281]. Повсеместность христианской проповеди многократно подчеркивается в житиях святых, с которыми Гоголь был знаком с детства: «...Назарий многие грады ко Христу обрати...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 216] (см. ниже раздел 5-й наст. статьи).

тровой Руси с огненной библейской колесницей — Божественной блистающей славой, виденной св. пророком Иезекиилем (Иез. 1, 4–28): «...Триумфальною колесницею Иезекиилевою нареку тебе, православная наша Российская Монархия, тривенечное царство Московское» [Стефан (Яворский) 1805а: 151]¹. В конце жизни Гоголь, глядя с балкона дома Пашкова на празднично освещенную Москву (торжества были приурочены к двадцатилетию царствования Императора Николая I), заметил: «Как это зрелище напоминает мне вечный город» [Виноградов 2017–2018. 7: 123].

Столичный Петербург в сравнении, с одной стороны, с провинцией, с другой — с европейскими столицами Римом и Парижем, в 1830-х гг. стал предметом гоголевского изображения в так называемых «петербургских» повестях («Портрет», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель»), в «Коляске» и в «Риме». Сопоставление и противопоставление столицы и провинции было продолжено в «Женитьбе», «Петербургских записках 1836 года», «Ревизоре» и «Мертвых душах»².

Как и в «Ганце Кюхельгартене», во всех произведениях нового, зрелого периода творчества Гоголь продолжает решать вопрос о призвании и самом смысле существования. Сначала эти насущные проблемы ставятся в повестях из малороссийской жизни («Майская ночь...», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька...», цикл «Миргород» в целом), затем — из жизни петербургской. В петербургской среде рождаются и замыслы знаменитой комедии «Ревизор» и незавершенной поэмы «Мертвые души».

Ключевым во всех этих произведениях остается образ города как средоточия социальной жизни с ее проблемами. Буквально «городскими» являются начальная и заключительные главы первого тома

¹ См. также: [Стефан (Яворский) 1805а: 149–150, 178–179; 1805b: 221]. Отмечено: [Сазонова 2000].

² В статьях «Арабесок» (1835) историко-географического и литературно-критического характера упоминаются также Рим, Родос, Керкира (Корфу), Помпеи, Александрия, Карфаген, Антиохия, Дели, Триченгод, Пекин, Царьград (Константинополь), Багдад, Венеция, Конкордия, Брешиа, Виченца, Падуя, Верона, Мантуя, Милан, Модена, Парма, Тироль, Кельн, Страсбург, Париж, Лондон, Луцк, Киев, Петербург.

поэмы — посвященные описанию «города N». Но «городское» происхождение имеют не только начальная и заключительные, но и центральные главы «Мертвых душ», посвященные помещикам Манилову, Коробочке, Ноздреву, Собакевичу, Плюшкину. Прототипами всех этих «поместных» героев являются обыватели *Петербурга*, жители петербургской Коломны, изображенные Гоголем до создания поэмы в первой редакции повести «Портрет» (1834) (см.: [Виноградов 2000: 320–327]).

С литературной «географией» Гоголь всегда обращался довольно свободно. Как уже отмечалось, в «Ганце Кюхельгартене», в преддверии переезда из Нежина в Петербург, Гоголь отправил своего героя, с автобиографическими чертами, из вымышленного Люненсдорфа странствовать по всему миру. Петербургские реалии стали затем (четыре года спустя) основой для реплик «афинских» героев в эссе «Женщина» и статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (см. ниже раздел 7-й наст. статьи). Летом 1835 г., незадолго до возникновения замысла «Мертвых душ», Гоголь, работая над «Женитьбой» (носившей первоначальное название «Женихи»), тоже легко перенес действие комедии из провинции в столицу. При создании главных образов «Мертвых душ» произошло обратное: из петербургских «коломенских» типов вышли герои поместные. Давно замечено, что, создавая повесть «Рим», с образами итальянской и французской столиц, Гоголь одновременно размышляет о роли Петербурга в жизни России [Чижевский: 134].

Во всех произведениях Гоголю присуща некоторая условность географического приурочения действия произведения. Уже в «Портрете» о «пошлых» обитателях петербургской Коломны (представлявшей собой последнюю, самую отдаленную из четырех городских застроек Адмиралтейской части Петербурга) Гоголь замечал: «Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок...» [Гоголь 2009–2010. 7: 304]. Здесь местоположение героев, физическая география литературного типа также не были для Гоголя главными. Наиболее значимым являлся исповедальный, автобиографический контекст — гоголевский «душевный город», воплощенный в образах поэмы. Строки «Портрета» о петербургских прототипах героев «Мертвых душ» — о том, что «тут не столица и не провинция» (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 100], — прямо перекликаются с позднейшим признанием Гоголя о его поэме в частном письме к А. О. Смирновой:

Вовсе *не губерния* и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах... (письмо от 25 июля (н. ст.) 1845 г. (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 13: 153]¹.

Наиболее существенное значение категория города имеет для заключительных глав первого тома поэмы. Значима тут не только очевидная городская «география» этих глав, но и то, что их содержание в многочисленных чертах и деталях повторяет содержание «городского» «Ревизора» — «душевного города <...> всякого из нас» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492] (см. подробнее: [Виноградов 2024f]).

Финал поэмы в целом, т. е. заключительная сцена предполагаемого *третьего* тома «Мертвых душ» (известного нам только по замыслу), тоже являет образ уже «знакомый»: это все тот же «душевный город» «Ревизора» на последней «ревизии» у «неподкупного ревизора, который встретит нас у дверей гроба» [Гоголь 2009–2010. 5: 499], т. е. наказание нерадивых чиновников на Страшном Суде. В отдельной заметке к окончанию «Мертвых душ», начинающейся словами «Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу...», Гоголь непосредственно изобразил чиновное городское общество пред лицом Того, «Кто позовет на очную ставку всех людей» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492]:

«Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу, что Я твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и вниманья, и поощренья?» <...> Потупил голову, устыдившись, управитель, и не знал, куда ему деться. И много вслед за ним чиновников <...> печально понурили головы [Гоголь 2009–2010. 5: 493].

4. География «Женитьбы» и «Мертвых душ»

Концепт «города» существенно значим не только для «Ревизора» и «Мертвых душ», но и для гоголевской комедии «Женитьба» — причем не только в качестве исполненного многоголосья «душевного города»

¹ См. подробнее: [Виноградов 2017–2018. 4: 454–457].

автора [Виноградов 2018а], но и применительно к двум реальным городам — Москве и Петербургу. Эту не сразу замечаемую тему, воплощенную Гоголем в комедии, обнаруживает целый ряд образных авторских «подсказок».

1. Во-первых, замечание в статье «Петербургские записки 1836 года», что «в Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи» [Гоголь 2009–2010. 7: 512], недвусмысленно намекает на содержание уже создававшейся тогда Гоголем «свадебной» комедии, тем более что в окончательной редакции «Женитьбы» невеста проживает «в *Московской части*» Петербурга (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 316]. («В Москве ведь нет невестам перевода...» — замечал также герой «Горя от ума» А. С. Грибоедова [Грибоедов 1833: 55], на которого Гоголь тут же ссылался¹.)

2. Во-вторых, реплики, которыми Гоголь намеревался пополнить во второй половине 1830-х гг. речь свахи в «Женитьбе», он собирался почерпнуть непосредственно у *москвичей* — у актера М. С. Щепкина и историка М. П. Погодина, — а также у актера И. С. Сосницкого, — петербуржца, проживавшего, однако, в Петербурге именно в *Московской части* (в доме капитан-лейтенанта Веселаго в Почтамтской улице²). Здесь, в арендуемом актером доме, Гоголь в начале 1836 г. читал ему и его друзьям «Женитьбу» и «Ревизора» [Виноградов 2017–2018. 2: 200, 498, 557; 2024г: 499, 857].

¹ После слов о невестах в комедии А. С. Грибоедова следует замечанье, что «едва, / Где сыщется еще Столица как Москва»: «Дистанция огромного размера» [Грибоедов 1833: 55]. Этой цитатой завершается первая часть «Петербургских записок...» [Грибоедов 1833: 55].

² См.: [Нумерация домов..., <отд. 2>: 138; <отд. 3>: 44; Михаил Семенович Щепкин: 312]. В апреле 1836 г. в черновой редакции «Женитьбы», в эпизоде появления среди женихов купца Старикова, Гоголь сделал помету: «Здесь Кочкарев со свахой пики<руются>» [Гоголь 1937–1952. 5: 301]. Эту помету он позднее, в 1836 или в 1838 г., продолжил: «<пики>руются острыми словами. Каким образом пикируются, я уж не помню; об этом следует узнать у Щепкина и Сосницкого, так же, как и об обрядах, какие при этом употребляются у купцов. Они могут, пожалуй, посоветоваться об этом с Погодиным, знающим этот быт, и пополнить таким образом эту сцену» [Гоголь 1937–1952. 5: 301] (указанная сцена в итоге так и не была пополнена).

В «Ревизоре» Почтамтская улица тоже упоминается — в письме Хлестакова к приятелю-литератору в Петербург [Гоголь 2009–2010. 7: 430, 449].

3. В-третьих, соответственно «разделению» (в «Петербургских записках...») женихов и невест между Петербургом и Москвой, реплика в «Женитьбе» одного из женихов (обращенная к горничной): «Пожалуйста, душенька, почисть меня... <...> Вон там, пожалуйста, сними пушинку» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 330], в «Петербургских записках...» прямо отзывается в характеристике «щеголя Петербурга»: «Перед ним со всех сторон зеркала: там Нева, там Финский залив. <...> Как только заметит он на себе перышко или пушок, ту ж минуту его щелчком» [Гоголь 2009–2010. 7: 512].

4. Еще одна черта столичного щегольства, попавшая в «Петербургские записки...»: «Петербург <...> не любит пестрых цветов...» [Гоголь 2009–2010. 7: 512], тоже передается в комедии женихам: «Я того мнения, что черный фрак как-то солиднее. Цветные больше идут <...> мелюзге...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 314].

5. С фразой «Петербургских записок...» о том, что «Москва кольнет Петербург тем, что он <...> не умеет говорить по-русски» [Гоголь 2009–2010. 7: 512], перекликается колкая реплика «московской» свахи в адрес жениха-петербуржца (недовольного тем, что невеста говорит лишь «по-русски» — не знает французского): «Уж тут нечего толковать про русскую речь! речь звестно какая: все святые говорили по-русски» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 348].

Сваха в защите русской речи «идеальной», конечно, не становится. Очевидно, что утверждающий, будто «все святые говорили по-русски», знает о житиях лишь понаслышке. Однако характерно, что, подразумевая недалекую героиню «Женитьбы» — а также соответствующую ей героиню «Мертвых душ» — «дубинноголовую» Коробочку — исполненную похочей суеверной набожности (заботящуюся, однако, и о «церкви на селе» [Гоголь 2009–2010. 5: 513]), Гоголь в 1842 г. в письме к С. Т. Аксакову опять упоминал о Москве:

Что вы нашли во мне похожего <...> на <...> простодушное богомольство и набожность, которым дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею [Гоголь 2009–2010. 12: 110].

6. Очевидно, что в «Женитьбе» Гоголь продолжает «спор» о Москве и Петербурге, развернутый в 1836 г. в «Петербургских записках...». Значимо при этом, что *Московская* часть Петербурга, куда,

из провинции, перенесено в окончательной редакции пьесы действие «Женитьбы», — это, во времена Гоголя, такая же *окраина* Северной столицы, т. е. это такое же «предместье» Петербурга, как и Коломна (откуда ведут свое «происхождение» герои «Мертвых душ»). Не случайно в заключительной главе поэмы Гоголь сравнивает выведенные в первом томе «лица и характеры» с «въездом в какой бы ни было город, хоть даже в столицу»: «...Сначала все серо и однообразно» [Гоголь 2009–2010. 5: 233]. Здесь снова угадываются черты «серой», «пепельной» Коломны [Гоголь 2009–2010. 7: 304].

Поэтому гоголевское сопоставление Петербурга и Москвы — в «Петербургских записках...» и в «Женитьбе» — в конечном счете вновь оборачивается сравнением современной *столицы* Руси со всей ее *провинцией*. Столичный «жених»-Петербург, — «убежавший» «на семьсот верст <...> от матушки» [Гоголь 2009–2010. 7: 512], — имеет в «Петербургских записках...» вполне определенный локальный статус, точное географическое приурочение, в то время как «невеста»-Москва становится синонимом всей России:

В Москву тащится Русь... <...> Москва — кладовая, <...> шлет товары во всю Русь... <...> Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия [Гоголь 2009–2010. 7: 513–514].

Упомянутая «провинциалка» Коробочка, с ее «украинскими» корнями [Данилов 1940], является одновременно потенциальной «москвичкой», т. е. «типичной» обитательницей «провинциальной» Москвы (т. е. характерной, сравнительно с столичными типами, представительницей российской провинции). Та же Коробочка продолжает ряд более ранних провинциальных типов Гоголя, прежде всего «старо-светской» Пульхерии Ивановны в «Миргороде» (само имя Коробочка, очевидно, восходит к характеристике миргородской героини с ее «сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками»: «Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 284]). Похожий тип хозяйственной помещицы, напоминающей одновременно и Коробочку, и Пульхерию Ивановну (те одинаково заняты сбытом «муки и скотины», «пекарней истряпей» [Гоголь 2009–2010. 5: 55]), Гоголь еще ранее вывел в незавершенной «малороссийской» повести «Страшный кабан» (1830). Все время полтавской владелицы Анны

Ивановны — с утра до «времени упокоения» — является «беспрерывною цепью занятий»: «...Обходила все хозяйственные заведения, от кухни до <...> кладовых... <...> ...Завертывала в пекарню <...> пекла хлебы...» [Гоголь 2009–2010. 7: 55]. В свою очередь «провинциалка» Агафья Тихоновна обнаруживает общие черты с диканьской Солохой из «Ночи перед Рождеством»: у каждой их них по четыре ухажера. Солоха угощает своих «женихов» «жирными» варениками [Гоголь 2009–2010. 1/2: 176]; щедра на угощенье и Агафья Тихоновна: она тоже мастерица стряпать, печь «вотрушки» [Гоголь 1937–1952. 5: 256], даже «подралась с кухаркою» [Гоголь 1937–1952. 5: 250] (сходным образом помещица Анна Ивановна в «Страшном кабане» бранится с «приказчиком» [Гоголь 2009–2010. 7: 55])¹.

В «Петербургских записках 1836 года» черты всех этих хозяйственных провинциалок приписываются именно «кладовой»-Москве (провинциальной «коробочке»-«матушке», отстоящей за «семьсот верст» от Петербурга [Гоголь 2009–2010. 7: 512]). «У вас, матушка, блинцы очень вкусны», — обращается к Коробочке «европеец» Чичиков [Гоголь 2009–2010. 5: 57]. В «Петербургских записках...» Гоголь «вторит» своему герою: «...Москва — старая домоседка, печет блины, <...> ночью вся спит, и на другой день <...> выезжает с калачами на рынок» [Гоголь 2009–2010. 7: 512]. — Примета «старосветского» Миргорода тоже заключается в том, что, хотя «бублики» здесь «пекутся <...> из черного теста, но довольно вкусны» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 280] (см. подробнее: [Виноградов 2017–2018. 7: 328]).

Характерно, что в 1840 г. Гоголь свой реальный отъезд из Москвы (он отправлялся тогда за границу) тоже охарактеризовал в образах хлебного изобилия. Хлебосольный быт московского дома Аксаковых послужил ему тогда основой сразу для двух эпизодов в «Мертвых душах». С одной стороны, в восьмой главе первого тома появилось описание дорожного экипажа-«арбуза» все той же Коробочки — он «напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста»: «Пирог-курник и пирог-рассольник выглядели даже наверх» [Гоголь 2009–2010. 5: 171]. С другой — московский

¹ «Женитьбу» и «Ночь перед Рождеством» объединяет и то, что в обоих произведениях действие разворачивается в пост: в «Ночи перед Рождеством» — в строгий Рождественский сочельник, в «Женитьбе» — в первые дни Великого Поста.

быт Аксаковых стал основой для похожей картины отъезда Чичикова из имения обжорливого помещика Петуха во втором томе поэмы (начиная с 1839 г. Гоголь работал над первым и вторым томами одновременно [Виноградов 2017–2018. 3: 130]):

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. <...> «Нет, это уже слишком, — сказал Чичиков, когда выехали со двора. — Это даже по-свински. Не беспокоило ли вам, Платон Михалыч? <...> отовсюду торчат какие-то коробки!» «Это <...> Петр Петрович насвал в дорогу». «<...> Приказано было все поставить в коляску — пашкеты и пироги» [Гоголь 2009–2010. 5: 417, 294–295] (см. подробнее: [Виноградов 2017–2018. 3: 443; 4: 146–147; 5: 594]).

7. «География» «Женитьбы» содержит еще одну характерную черту, связанную с топографической приуроченностью ее героев к Москве и Петербургу. Сравнительно с провинциалкой Агафьей Тихоновной, ее столичные женихи-офицеры — морской Жевакин и пехотный Анучкин — одолеваемы жаждой заграничных путешествий. Первый рассказывает о загранице; второй — ею интересуется. Именно черты «путешественника» Жевакина Гоголь, как уже отмечалось, сообщил в 1836 г. щеголю Петербургу («...Душенька, <...> сними пушинку», — «...Петербург <...> перышко или пушок ту ж минуту <...> щелчком»; см. выше). Флотские странствия щеголя Жевакина являют еще одну грань его образного подобия Петербургу. Как и Жевакин, Петербург, «охорашиваясь» на европейском «кордоне», тоже мечтает о «других небесах» [Гоголь 2009–2010. 7: 512, 524]. В «Петербургских записках...» Гоголь подчеркивал, что Петербург «весь <...> на подлете», и прибавлял:

Весело презреть сидячую жизнь <...> и помышлять о дальней дороге под другие небеса, в южные зеленые рощи... <...> Весело тому, у кого в конце петербургской улицы рисуются <...> Италия <...> Греция... [Гоголь 2009–2010. 7: 524].

Упоминания о Греции и Италии вновь обращают к самому началу гоголевского пути — к размышлениям юного Гоголя о своем призвании и далеких южных странах в годы пребывания в Нежине. Образы Италии и Греции, рисующиеся «немецкому» Петербургу, напомина-

ют давний гоголевский, тоже «немецкий» сюжет, с такими же путешествиями немецкого героя — Ганца Кюхельгартена — в Италию и Грецию и предполагаемой, в качестве контраста заграничным путешествиям, женитьбой в глуши. В «Женитьбе» Гоголь с очевидностью на новом материале воспроизвел отношения путешественника Ганца и оставленной им в деревне невесты — девушки Луизы. Этот же «провинциально»-«брачный» сюжет Гоголь воплотил позднее и в 1834 г. в «Старосветских помещиках» (на это тоже внимания никогда не обращалось). Герой «Старосветских помещиков», супруг Пульхерии Ивановны, разделивший с женой существование в «отдаленной деревне» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 281], тоже, как и Ганц Кюхельгартен, бывал прежде «в свете», служил «в компанейцах, был <...> секунд-майором», носил щеголеватый «шитый камзол» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 283]. Погрузившись впоследствии в «тихую» провинциальную жизнь, он, однако, продолжает поддразнивать супругу тем, что снова отправится на войну [Гоголь 2009–2010. 1/2: 291–292].

Но «светское», с «необыкновенными происшествиями» прошлое Афанасия Ивановича «было очень давно» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 283]; со временем герой полностью превратился в уездного обывателя — так что приметы провинции, черты его подруги, Пульхерии Ивановны, стали вполне присущи и ему самому. О «старой домоседке» Москве Гоголь в «Петербургских записках...» замечал: «Москва <...> глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете...» [Гоголь 2009–2010. 7: 512]. Именно такого рассеянного слушателя Гоголь и представил в образе обретающегося в деревне «старичка» Афанасия Ивановича. Слушая гостей, тот проявляет «большое любопытство», но это внимание, по словам рассказчика, похоже «на любопытство ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 283]. Доброго старичка Афанасия Ивановича, который «очень любил покушать» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 287], и саму российскую «старосветскую» провинцию явно подразумевал Гоголь, когда писал в черновой редакции повести «Коляска» о том, что «внутренность губерний» состоит из «роев теток, дочек, матушек, нянек и добрых толстяков, называемых помещиками» [Гоголь 1937–1952. 3: 465].

Очевидно, что гоголевское сопоставление домоседки Москвы и щеголя Петербурга содержит в себе прямое сравнение современной

Северной столицы со всей Русью, со всей русской провинцией. Образно говоря, содержание «Женитьбы» — это русская провинция в петербургской обстановке. Этот вывод влечет за собой соответствующее наблюдение и о «географии» «Мертвых душ». Если «Женитьба» — это «Россия в Петербурге», то «Мертвые души» — это, очевидно, «Петербург в России», т. е. негативное влияние Петербурга, новейшей цивилизации на русскую провинцию. Похожее выражение употребил сам Гоголь, характеризуя в 1848 г. тревожные процессы в глубинке. В беседе с М. П. Погодиным он заметил: «Спасение России, что Петербург в Петербурге» [Виноградов 2017–2018. 6: 184].

Напомним еще раз, что действие «Женихов» («Женитьбы») разворачивалось первоначально не в Петербурге, а в провинции — где, как и в Москве, и обретаются невесты — в «Симбирской <...> Рязанской <...> Пензенской <...> Вятской», «Тамбовской» и других губерниях [Гоголь 2009–2010. 5: 164–165; 3/4: 148]. Наличие в «Женитьбе» многочисленных «московских» черт вполне соответствует тому, что «окраинные» — из петербургской захолустной Коломны — герои «Портрета» предстают затем в «Мертвых душах» типами общероссийскими — и «казанскими», и «ярославскими», и «смоленскими»¹, — принадлежащими всей России: костромскими, нижегородскими, калужскими, саратовскими, таврическими, херсонскими и др.² — всех шестидесяти четырех российских губерний, число которых Гоголь символически обозначил в «Тарасе Бульбе» в описании *шестидесяти четырех* братских куреней на Сече (вместо хорошо известного писателю по источникам их реального количества — *тридцати восьми*) [Виноградов 2024g: 273].

Характеризуя в «Петербургских записках...» Петербург как «немца» и почти «американца» («Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию...») [Гоголь 2009–2010. 7: 512, 514]), Гоголь восклицал: «Ради Бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудаков! на сцену их, на смех всем!» [Гоголь 2009–2010. 7: 520]. Эти строки приоткрывают самую основу замысла «Мертвых душ» (над поэмой Гоголь тогда уже работал). Согласно гоголевским планам, образы его главного произведения должны были явить «оригинальность» русского человека, которая, несмотря на западное влия-

¹ [Гоголь 2009–2010. 3/4: 370–372; 5: 128, 149, 164, 198, 239, 267].

² См.: [Гоголь 2009–2010. 3/4: 229, 244, 399; 5: 9, 17, 103, 143, 232, 267, 316].

ние, все-таки остается глубоко свойственной как всей Руси, так даже и «очужеземившемуся» Петербургу. В беседе с одесситом Н. Д. Мизко в 1851 г. Гоголь дополнял сказанное Погодину о том, что изолированное пребывание «Петербурга в Петербурге» является «спасением России»: «Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно в провинции» [Виноградов 2017–2018. 7: 13]. Об этом же Гоголь писал еще в 1834 г. — т. е. спустя самое непродолжительное время после начала работы над «Женитьбой». Соответствующее высказывание содержится в его письме к тому же Погодину: «...Литература наша без голоса! <...> Ведь в столице нашей (т. е. в Петербурге. — И. В.) чухонство, в вашей <в Москве> купечество, а Русь только среди Руси» [Гоголь 2009–2010. 10: 237].

Отметим, что эта ранняя гоголевская характеристика двух столиц: в Петербурге — чухонство, в Москве — купечество, — еще раз разделяет действующих лиц «Женитьбы» на две половины: в Москве — невесты, в Петербурге — женихи; невесты — купеческие, женихи — чухонские. Одновременно обнаруживается еще одна важная черта, характерная для взглядов Гоголя на столицу и провинцию. Называя «купечество» — «родовую» черту Агафьи Тихоновны — отличительной приметой Москвы, Гоголь, согласно его взглядам, указывает на самый первостепенный, главный ее недостаток, — то явление, в котором, увы! Руси нет. В купеческой Москве русское «без голоса» [Гоголь 2009–2010. 10: 237]. В гоголевских произведениях картина купеческих нравов всегда нелицеприятна. С одной стороны, в 1833 г. в черновом наброске «Дождь» Гоголь, не без юношеского максимализма, писал о «сыроматной жизни» купеческих «сожительниц» [Гоголь 2009–2010. 7: 125], с другой — высказал в «Женитьбе» сочувствие к незавидной их участи (характеризуя, опять-таки, купеческий быт очень резко). Здесь тетка купеческой невесты, обращаясь к ней, замечает: «...Покойник-то Тихон, твой батюшка, <...> если сказать правду, <...> и усахарил твою матушку, а покойница прожила бы подолее» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 324].

В результате последовательного «среза», слой за слоем, негативного петербургского («чухонского») и непритязательного московского («купеческого») быта — этих двух слагаемых «Женитьбы», — открывается то, что составляет сердцевину размышлений Гоголя о подлинно русской жизни — и сама логика мысли писателя. Глубокая патриархальность, хранение благочестивых традиций, свойственные «благословен-

ной» русской провинции (сохраняющей «свято обычаи своей старины» [Гоголь 2009–2010. 7: 321]), одинаково искажаются и теряются в обеих столицах — только в одной, в древней, это происходит в меньшей степени, в другой, в новейшей, в Петербурге, — в большей.

Этот взгляд и был положен Гоголем в самую основу «Мертвых душ» — с их общероссийским размахом. Как явствует из заключительных строк его статьи о журнальной литературе 1836 г., выведенные в его поэме типы, «несмотря на общую черту <...> подражания <...> европейцам, <...> заключают в себе чисто русские элементы; <...> подражание наше носит совершенно своеобразный характер» [Гоголь 1937–1952. 8: 175, 538]. Этот «двойкий» взгляд определял саму концепцию образов поэмы. Этот взгляд был обозначен и в «Петербургских записках...» — содержание которых тесно примыкает к «Женитьбе»:

Что Петербург не сделался до сих пор гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихия русского человека, до сих пор глядящая оригинальностью даже в вечной шлифовке с иностранцами [Гоголь 2009–2010. 7: 515]¹.

Другими словами, Москва остается Москвой даже и в Петербурге (и не только в «Московской» его части), — так же, как и вся Россия, вместе с Москвой и самим Петербургом («страждущим и болящим от своего европейского совершенства» [Гоголь 2009–2010. 6: 34]), «сохраняет лицо» даже в «шлифовке» в «европейскими» нравами, в том числе в общении с расчетливыми «покупщиками» Чичиковыми [Гоголь 2009–2010. 5: 50], с меркантильными купцами Стариковыми-Купердягиными — всевозможными «русскими иностранцами», питерскими и московскими «гостинодворцами» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 120, 312], «всегда в немецких сюртуках» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 12] (в «немецкой работы сертуках», в «сюртуках немецкого покрою» [Гоголь 2009–2010. 7: 124], в «немецких долгополых кафтанах» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 460], в «немецких кафтанах» [Гоголь 1937–1952. 5: 291], в «немецких сюртуках московского шитья» [Гоголь 2009–2010. 5: 339]).

Таким образом, многочисленные факты из истории создания «Мертвых душ» свидетельствуют, что своей «географией» «Мертвые души» обнимают не только провинцию, но и Петербург, всю страну, —

¹ См. подробнее: [Виноградов 2017–2018. 2: 284–286].

являясь в то же время, как и «Ревизор», отражением внутреннего мира самого автора, историю «города» его души, восходящую ко времени создания «Ганца Кюхельгартена».

5. «Душевный город»: личное и социальное

«Душевный город» — выражение самого Гоголя, которое он употребил, характеризуя в 1846 г. замысел «Ревизора». В отдельной пьесе-автокомментарии к комедии, — получившей название «Развязка Ревизора», — он писал:

Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! <...> ...Это <...> душевный город <...>, в котором бесчинствуют наши страсти...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492–493]. При этом Гоголь упоминал о «добром государе», изгоняющем «из земли своей <...> душевных лихоимцев [Гоголь 2009–2010. 3/4: 494].

Один из источников сравнения обуреваемой страстями души с городом под управлением государя Гоголю послужила житийная литература. В частности, сходное уподобление встречается в житии преподобного Симеона Емесского, Христа ради юродивого: «...Нарицаше святой градом душу, царем же ум, над страст<ь>ми владычествующий...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 385]. Аналогичный образ содержится в житии святителя Исаии, епископа Ростовского: «...Блаженный Исаия <...> к горнему Иерусалиму течаше, показуя себе небесного гражданина, его же добродетель прииде в слух всем: не может бо град укрытися верху горы стоя <Мф. 5, 14>» [Димитрий Ростовский 1764. 3: 464]. Приведенные в этом житии слова Спасителя: «Вы есте свет мира: не может град укрытися верху горы стоя...» (Мф. 5, 14), — у св. Димитрия Ростовского отзываются и в слове на Рождество Богородицы — «иже <...> несумненно убо нарещися может градом святым» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 45, 46]. По свидетельству П. А. Плетнева, Гоголь был «большой знаток» агиографического жанра [Грот, Плетнев 3: 325]. С Четьими-Минеями святителя Димитрия Ростовского писатель был знаком с детства — жития были настольной книгой и «любимым чтением» в его родной семье [Виноградов 2017–2018. 1: 333].

Толкование Гоголем города в «Ревизоре» как «душевного города» долгое время служило предметом пререканий и недоразумений. Вслед за тремя московскими друзьями Гоголя, С. П. Шевыревым, С. Т. Аксаковым и М. С. Щепкиным, критики и читатели усматривали в авторской интерпретации натянутую аллегорию, якобы придуманную автором задним числом и обедняющую «живое» содержание пьесы¹. Между тем, по словам самого Гоголя, ничего аллегорического в «Развязке Ревизора» не было [Гоголь 2009–2010. 14: 361]. В пьесе-комментарии Гоголь дал не только толкование «Ревизора», но и очертил одно из наиболее важных, отличительных свойств своего таланта — умение выражать в героях художественных произведений, вымышленных персонажах, собственный внутренний мир. На упреки приятелей Гоголь отвечал:

«Ревизор» — «Ревизором», а примененье к самому себе есть непренная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не «Ревизора», но которое приличней ему сделать по поводу «Ревизора» [Гоголь 2009–2010. 14: 361].

Позднее, в письме к протоиерею Матфею Константиновскому, Гоголь добавлял:

¹ См.: [Гоголь 2009–2010. 13: 428–429, 459; 14: 309]; [Виноградов 2021: 631, 639]. Позднее Шевырев и Щепкин — по-видимому, независимо друг от друга — признали гоголевские толкования «Ревизора» в «Театральном разъезде...» и «Развязке...» адекватными замыслу комедии (см.: [Виноградов 2017–2018. 7: 447–448; 2021: 640–641]; [Шевырев 1884: 247–248]). Ранее Щепкин — при первом чтении «Развязки...» (и сопроводительного письма к нему Гоголя от 24 октября (н. ст.) 1846 г. — присланных одновременно) — был, по свидетельству Шевырева, «тронут до слез» [Гоголь 2009–2010. 13: 428]. Можно предположить, что первое впечатление Щепкина от «Развязки...» (к которому впоследствии актер только вернулся), охладил в нем в 1846 г. именно Шевырев. — Расхождение с друзьями огорчило Гоголя. С приятелями, не принявшими его толкования «Ревизора», он, в завершении второй, дополненной редакции «Развязки...», символически расставался: «...Главное лицо в этой комедии сходит <...> со сцены, прощаясь навсегда <...> с товарищами, которым <он> уж больше не товарищ» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 501].

Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось <...>, всё это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель [Гоголь 2009–2010. 15: 16].

Этому авторскому толкованию вполне соответствует и упомянутое выше признание писателя о своих «Мертвых душах», что их «предметом» является «не губерния и не несколько уродливых помещиков» [Гоголь 2009–2010. 13: 153] (см. выше раздел 3-й наст. статьи).

Главным пафосом «Ревизора», с которым он, судя по всему, и создавался, является мысль о возмездии, постигающем человека за совершаемые беззакония. Эту нравоучительную идею Гоголь стремился обратить к каждому зрителю и читателю лично, затронуть «душевный город» каждого. Самое начало пьесы, состоящее из реплик нескольких героев, напуганных вестью о ревизоре, явно напоминает состояние души человека, застигнутого врасплох внезапно открывшимся ему смыслом *неизбежного* ответа Богу за прожитую жизнь: «Как ревизор?» — «Как ревизор?» — «Господи Боже! еще и с секретным предписанием!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 221]. Именно с этого тревожного «монолога» автора, воочию представившего себя пред «настоящим и неподкупным Ревизором» («Развязка Ревизора» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 494]), пьеса и начиналась. Черновая редакция «Ревизора» 1835 г. сохранила первоначальный авторский монолог, передающий внезапное душевное потрясение и смятение, более наглядно. Зачин пьесы представляет собой здесь ряд как бы спонтанных реплик *одного* лица, встревоженного близостью кончины и неминуемого ответа Богу: «“Что вы говорите?..” — “Неужели?” — “Нет?” — “Он будет сюда?”» [Гоголь 1937–1952. 4: 141–142].

Началу пьесы «зеркально» соответствуют и завершающая, «апокалиптическая» сцена комедии — явление в финале Настоящего Ревизора. Гоголь только предельно обнажил эту мысль в позднейшей «Развязке...», стремясь через подсказку обратить внимание читателя на самого себя. Гоголь настаивал, что «от души» посмеяться над «пошлыми» чиновниками захолустного уездного города [Гоголь 2009–2010. 3/4: 455] далеко не достаточно. Писатель подчеркивал, что в нелицеприятном свете Последнего Суда в героях «Ревизора» нельзя не признать собственных пороков и недостатков: «Над собой смеетесь» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 299, 486–487, 494, 498–499, 501]:

...Это наш же душевный город... <...> ...Взглянем на себя <...> хоть сколько-нибудь <...> глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей, перед которыми и наилучшие из нас <...> потупят от стыда в землю глаза <...>, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: «Да разве у меня рожа крива?» <...> ...Сами знаете, что нет порока, замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих... <...> Чего не отыщешь, если только заглянешь в свою душу с тем неподкупным ревизором, который встретит нас у дверей гроба! Сами это знаем, а знать не хотим! «Кипит душа страстями» — говорим всяки день, а гнать не хотим» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492, 499].

В упомянутом наброске к окончанию «Мертвых душ» — «Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу...» — Гоголь еще раз воочию представил, как будут пристыжены в своей мнимой праведности пред Высшей правдой даже «наилучшие из нас»:

...Много <...> чиновников и благородных, прекрасных людей, начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы [Гоголь 2009–2010. 5: 493].

Сам по себе переход от «географии» и «топографии» литературных образов к религиозному «душеведению» — т. е. перенос внимания от внешнего к внутреннему — совершался в творчестве Гоголя более чем естественно. И. Л. Вишневская, анализируя гоголевскую формулу «душевного города», пронизательно указывала, что она прямо связана с двумя принципиальными определениями Гоголем его художественного метода, изложенными в статье о русской поэзии [Вишневская 1976: 237–238]. Одно из этих определений состоит в том, что нельзя обличать «смешные стороны общества без взгляда в душу человека» [Гоголь 2009–2010. 6: 183]. Второе — заключает наблюдение о том, что «наши комики <...> общество сделали <...> как бы собственным своим телом» [Гоголь 2009–2010. 6: 187].

Ряд высказываний Гоголя на этот счет можно дополнить и расширить. В еще одной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями», в письме «Нужно проездиться по России», он указывал, что настоящее познание города начинается не с «архитектурных <...> древностей», а с человека:

...Приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях [Гоголь 2009–2010. 6: 92–93].

Здесь же Гоголь отмечал, что, несмотря на «близкое родство человеческих душ между собою» [Гоголь 2009–2010. 6: 71], «город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями» [Гоголь 2009–2010. 6: 96].

Вызвавшая недоумение современников «Развязка Ревизора» — одно из важнейших признаний Гоголя о сути его художнического метода, окончательное, сконцентрированное выражение творческой особенности, которая с самого начала его литературной деятельности *определяла* создание его многочисленных художественных образов. При внимательном чтении проблематика «Ревизора», раскрытая в «Развязке...», обнаруживается в большинстве его созданий, включая самые ранние: в «Сорочинской ярмарке» (1831), «Записках сумасшедшего» (1834), «Тарасе Бульбе» (1834), в «Коляске» (1835), «Риме» (1842), в статьях «О Средних веках» (1834), «О сословиях в государстве» (1845) [Виноградов 1995b: 328–330; 2009a; 2024b; 2024c]. Чрезвычайно показательно при этом, что в «Мертвых душах» идеи, определившие замысел «Ревизора» как «душевного города», воплотились не только в указанном наброске к окончанию поэмы «Зачем же ты не вспомнил обо Мне...» (датируемом 1843–1845 гг.), но уже 1841 г., в одиннадцатой главе первого тома, получив здесь развернутое выражение [Виноградов 1994: 553–554; 2017–2018. 3: 327–328]. О наказании погрязшего в беззакониях «города» Гоголь писал также в «Театральном разезде...», начатом в 1836 г. (окончен в 1842). Здесь в качестве «гласа народа» Гоголь приводил одобрительную реплику на прибытие, «по Именному Высшему повелению», жандарма в финале «Ревизора», выражающую мнение «низших сословий»: «Небось прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 446, 493]. По поводу этой фразы «очень скромно одетый человек» — несомненное alter ego автора — замечает:

Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг... <...> ...Он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или

поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что побледнеют пред ним имеющие нечистую совесть [Гоголь 2009–2010. 3/4: 446].

Четыре года спустя в «Развязке Ревизора» Гоголь лишь повторил эти размышления:

...Душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думать о добрый государь о своем государстве! благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! [Гоголь 2009–2010. 3/4: 494]¹.

Кроме «Ревизора», целый ряд других драматических и недраматических произведений Гоголя — пьесы «Игроки» (1832–1842), «Женитьба» (1833–1842), «Альфред» (1835), статья «Женщина» (1831), — тоже не только заключают в себе, подобно «Ганцу Кюхельгартену», проявление способности Гоголя к глубокому перевоплощению, погружению в мир другого человека [Виноградов 2024d], но и являют исповедальное, автобиографическое выражение внутреннего мира самого писателя [Виноградов 2018a; 2020a]². За «многоголосьем» множества гоголев-

¹ К образу «душевного города» у Гоголя можно указать еще один источник — стихи св. царя и пророка Давида: «Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззаконие» (Пс. 100, 8); «Господь Царь во век и в век века: погибнете, языцы, от земли Его» (Пс. 9, 37).

² Незавершенную драму «Альфред» с «Ревизором» объединяет мысль о последней «ревизии» человечества на Страшном Суде, осмысляемой в свете пророческого предупреждения апостола о пагубном прельщении людей фигурой антихриста в апокалиптические времена (2 Фес. 2, 9–11) [Виноградов 1995a: 22]. С зачином и финалом «Ревизора» — с выведенной здесь фигурой мнимого ревизора и итоговым напоминанием о «настоящем и неподкупном Ревизоре» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 494] — перекликается в «Альфреде» описание чувств ожидания и ужаса, равно испытываемых народом в приближении двух значимых, но вызывающих противоположные чувства лиц: с одной стороны, лица спасителя, «христа» (Божиего помазанка; *греч.*) — святого короля-«патриота» Альфреда; с другой, — противоположного ему «антихриста», персонажа враждебного, *губящего* — «морского короля»-пирата *Губбо*. — Судя по всему, выбор Гоголем имени отрицательного персонажа определялся

ских произведений, с их многочисленными персонажами, слышится единый голос автора. Только недоразумением можно объяснить, что этот несомненный и почти очевидный факт так долго подвергался сомнению. Безусловно, значение «Развязки Ревизора» не исчерпывается толкованием «Ревизора» — она представляет собой своеобразный комментарий-«парабасис» ко всему гоголевскому творчеству — подобно тому, как упомянутый «Театральный разъезд...», с строками о «нечистой совести» чиновников, является, согласно писательскому замыслу, авторским комментарием ко всему собранию сочинений Гоголя 1842 г. [Виноградов 2021: 524–525]¹. Понятие «душевного города» с очевидностью являет собой «термин» из той «духовной этнографии», следование которой определяло самые первые опыты Гоголя в литературе. Эту «этнографию» в совокупности составляют все без исключения гоголевские произведения [Виноградов 2022b]. Гедонистическое и эгоистическое начало, будучи обличаемо в себе самом, подвергнутое строгому контролю и аскетическому преодолению, стало в результате такого анализа неизбежно подмечаться — и воочию представлять художнику и в окружающих, в людях, находящихся «в другом званьи и на другом поприще» [Гоголь 2009–2010. 6: 83]. Из личного «душеведения» выросло представление о сходном «душевно-городе», едином живом организме — «душе» целого города.

6. «Город» души у Гоголя и Платона

Еще одним из источников гоголевского понятия «душевный город» является, по-видимому, наряду с житийной литературой, широ-

словесным созвучием: ассонансом с словом «губить». Прообразом Губбо послужило реальное историческое лицо с именем Уббо (Hubba, Ubba), сын легендарного короля Дании Регнера Лодброка.

¹ Парабасис (парабаза) — в греческой комедии прямое обращение актера или автора к публике. О «Театральном разъезде...» и «Развязке Ревизора» как парабасисе см.: [Шевырев 1884: 242, 247–248; Иванов 1926: 93–94; Кравченко 2016: 236–237; Виноградов 2024а: 85]. Элементы парабасиса встречаются у Гоголя уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — в многочисленных отступлениях-обращениях рассказчиков к читателю.

ко известный трактат Платона «Государство, или О Справедливости». С этим трактатом Гоголь, по всему видно, познакомился еще на школьной скамье.

В трактате «Государство...» древний философ, размышляя о праведности или неправедности гражданского устройства, тоже, как и Гоголь, сравнивает душу человека с внешним городом:

...Реченное нами <...> в рассуждении целого града может <...> относиться и к каждому особенно человеку. <...> ...Те же самые свойства и нравы суть в каждом из нас <...>, какие обретаются и в целом граде... <...> ...В душе человеческой обретаются <...> начала <...>, соответствующие <...> родам <...> граждан. <...> ...Град для того есть праведен, поелику каждый из <...> родов граждан, его составляющих, творит дела своему званию приличные. <...> ...Коликие обретаются градоправлений образы, толикие виды или свойства и душа имеет [Платон 1783: 597, 599, 609, 617].

В «Развязке Ревизора» Гоголь писал, что «душевный город» похож на действительный или реальный, тем, что в нем, «как безобразные чиновники», «бесчинствуют наши страсти»: «...Хитрей всякого плута чиновника каждая страсть наша» [Гоголь 2009–2010. 6: 83].

Имя Платона Гоголь упоминал еще в «Ганце Кюхельгартене»: «... Лежит, в густой пыли, том давний, Платон...» [Гоголь 2009–2010. 7: 34]. (Кстати, имеется свидетельство, что в том же 1827 г. сочинения Платона читал в Нежине один из гоголевских соучеников — Н. В. Кукольник, сын первого директора гимназии, впоследствии известный писатель (см.: [Виноградов 2017–2018. 1: 572])). Спустя два года после создания «Ганца Кюхельгартена» образ «божественного» Платона появился у Гоголя в статье «Женщина» [Гоголь 2009–2010. 7: 63–66].)

Кроме прямого упоминания о «лежащем в густой пыли» томе древнего философа, Платон и его сократические диалоги подразумеваются в гоголевской поэме в описании древних Афин:

Под портиком божественный мудрец / Ведет высокое о дольном мире слово; / Кому за доблести бессмертие готово, / Кому позор, кому венец [Гоголь 2009–2010. 7: 19].

В этих стихах «Ганца Кюхельгартена» Гоголь подразумевал не что иное как все тот же трактат Платона «Государство...». Слова в ранней поэме о посмертном воздаянии в устах «божественного мудреца» («Кому позор, кому венец») с очевидностью повторяют заключительные страницы платоновского труда:

...От страны богов вся победительная воздаются праведному. <...> Коварные и несправедливые <...> при окончивании своего течения <...> не увенчанны отходят... <...> Они будут мучимы и жегомы [Платон 1783: 891].

Тут же, вслед за «высоким о дольном мире словом», Платон поместил поучительное повествование о загробной участи, которое рассказывает здесь воин, внезапно оживший после смерти. Это своего рода «Евангелие от Платона» приведено в трактате «Государство...» (по словам рассказчика) с той целью, «дабы праведный и неправедный совершенно известилися <...>, какой жребий ожидает того и другого» [Платон 1783: 892–893]:

Алким <...> по двенадцати днях смерти возложенный на сожигательный сруб, ожил, оживший же возвещал о том, что зрел в другой жизни: «Коль скоро <...> душа моя разрешилася от тела, шествовал я купно со многими другими, и достигши мы некоего предивного места, узрели <...> две хляби (хлябь — бездна, оплот, преграда, отверстие, стремнина, поток, водопад. — И. В.)... <...> Меж сих хлябей судии восседали. По изречении своего суда повелевали они праведным шествовати одесную, <...> а неправедным <...> ошуюю... <...> Здесь видел я души, восприявшие суд себе, едины нисходящие под землю, а другие восходящие на небо...» <...> ...Души наказывалися десятицею за каждое из тех неправдований, кои ими соделаны в жизни. <...> ...Пожившие свято и праведно восприемлют награждения на свои добродетели по той же самой мере. <...> Сие повествование <...> не погибло и до днесь сохранилось. Оно так же сохранить может и нас непременно, ежели ему поверим <...> и сохраним свою душу от всякия скверны. <...> ...Веровати будем, что душа наша бессмертна, и <...> потечем всегда путем горним... [Платон 1783: 893–894]¹.

¹ В 1836 г. в рецензии в рецензии «Исторические афоризмы Михаила Погодина», напечатанной в первом номере пушкинского «Современ-

Очевидно, что с платоновским духоносным трактатом, содержащим прямое сравнение души с «целым градом», Гоголь познакомился еще в школе, в восемнадцатилетнем возрасте. Позднейшее сравнение в «Развязке...» уездного города «Ревизора» с «городом» души совпадает с идеями «Государства...» Платона не только «в букве», но и в самом духе — в религиозно-воспитующем напоминании о «ревизии», ждущей каждого человека в конце жизни [Гоголь 2009–2010. 3/4: 493]. (Добавим, что с идеями платоновского сочинения перекликаются и размышления Гоголя о разделении дарований каждого человека, за реализацию которых он несет ответственность пред Богом; см. ниже раздел 12-й наст. статьи.)

7. Эссе «Женщина» как эпизод биографии

Наряду с «душевыми городами» «Ганца Кюхельгартена», «Ревизора», «Мертвых душ» и др., такой же пример отражения в гоголевском произведении единого *авторского* «города» представляет упомянутое раннее эссе Гоголя 1831 г. «Женщина» (здесь, как и в «Ганце Кюхельгартене», также выведен древний философ Платон; при этом статья «Женщина» непосредственно продолжает раздумья писателя о семье и браке, начатые в «Ганце Кюхельгартене»).

Как и в позднейшем «Ревизоре», единый внутренний «монолог» автора представлен в юношеском эссе «Женщина» в репликах разных — и даже спорящих, принципиально несогласных друг с другом героев. Именно здесь впервые у Гоголя проявилась в художественных образах борьба двух антагонистических, во всем противоречащих друг другу начал в самой природе человека. С одной стороны раздается голос эгоистического, раздраженного самолюбия, с другой — голос сдерживающего, благородного самоотвержения. Такой полемический диалог в человеке двух несогласных начал стал впоследствии основой гоголевского душеведения.

ника», Гоголь также писал: «В империи Византийской г-н Погодин видит продолжение истории древней Греции. Гений Платона, Аристотеля воскресает в Иоанне Златоусте и Григории Назианзине» [Гоголь 2009–2010. 7: 483].

Автобиографической основой для статьи «Женщина» послужил Гоголю его собственный исповедальный рассказ в письме к матери от 24 июля 1829 г. о неожиданной встрече в Петербурге с прекрасной незнакомкой. В раннем письме, написанном вскоре после события, по горячим следам, Гоголь попеременно чередует представленные позднее, полтора года спустя, как «взаимоисключающие» реплики героев «Женщины». В исповедальном монологе 1829 г. Гоголь еще не разделял, но «совмещал» свои полярные острые чувствования. В едином речевом потоке звучал попеременно то голос негодующего, ревнивого «Телеклеса» (из будущей статьи), то примиряющие, защищающие женщину слова, вложенные затем в уста «божественного» Платона. Разноречивые чувства, выраженные в письме, — восхищение и, одновременно, едва не «проклятие» в адрес женщины, — Гоголь впоследствии «распределил» между двумя героями.

Так, Телеклес в статье «Женщина» (глаза которого «кидали пламя; по щекам бушевал пожар, и дрожащие губы пересказывали мятежную брую растерзанной души») восклицает:

Адское порождение! Зевс Олимпиец! О! ты неумолим в своей ярости! Ты захотел наслать бич на мир, ты извлек весь яд, незаметно разлитый в недрах прекрасной земли твоей, сжал его в одну каплю, <...> ты создал женщину! <...> Что, мой божественный учитель? не ты ли представлял нам ее в богоподобном, небесном облачении? <...> Нет, учитель! твоя божественная мудрость еще младенец в познании бесконечной бездны коварного сердца [Гоголь 2009–2010. 7: 63].

Платон возражает ученику:

Бедный юноша! Вот что люди называют любовью! Вот какая участь готовится для этого кроткого существа, в котором боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле! <...> ...Пусть это правда, что прекрасная Алкиноя очернила себя коварной изменой. <...> Но вопросы свою душу: что <...> была она в то время, когда ты <...> жизнь <...> находил в Алкиноиных объятиях? <...> И существо, которое, как Промефей, все, что ни исхитило прекрасного от богов, принесло в дар тебе, водворило небо со светлыми его небожителями в твою душу, — ты поражаешь преступным проклятием... [Гоголь 2009–2010. 7: 63].

Обратившись к источнику, послужившему основой для разноречивых реплик героев статьи, можно обнаружить их там как единое переживание одного лица. Строки письма Гоголя к матери 1829 г. о встрече с незнакомкой непосредственно предваряют будущий *драматический* диалог Телеклеса и Платона. В раннем письме попеременно чередуются представленные позднее как взаимоисключающие реплики героев эссе. В *одном* исповедальном монологе Гоголь «совмещает» полярные высказывания. «Голос» будущего Телеклеса в послании Гоголя постоянно прерывается (и умеряется) «божественным» голосом «Платона». «Платоновские» реплики (для наглядности они выделены далее курсивом) предстают на фоне возмущенных фраз «Телеклеса». Гоголь признается матери:

...Какое ужасное наказание! Ядовитее и жесточе его для меня ничего не было в мире. Я не могу, я не в силах написать... <...> ...Я видел ее... нет, не назову ее... *она слишком высока для всякого, не только для меня. Я бы назвал ее ангелом...* <...> Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О какое [уб<ийственное>] жестокое состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен. <...> Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу. *В умилении я признал Невидимую Десницу, пекущуюся о мне...* <...> ...*Это существо, которое Он послал лишить меня покоя, расстроить шатко-созданный мир мой, не была женщиной. Если бы она была женщина, она бы всею силою своих очарований не могла произвести таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это было божество, Им созданное, часть Его же Самого!* Но, ради Бога, не спрашивайте ее имени. *Она слишком высока, высока* (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 10: 111].

«Вывод» Гоголя, который он сделал после потрясшей его встречи, тоже вполне соответствует исцеляющему финалу «Женщины». Разница лишь в том, что литературное примирение Телеклеса с поведением «полубогини» («В изумлении, в благоговении повергнулся юноша к ногам гордой красавицы...» [Гоголь 2009–2010. 7: 66]) явно уступает реальному самоотвержению самого Гоголя, о котором он сообщал в письме к матери:

...Нет, я никогда не буду счастлив для себя. Это божественное существо вырвало покой из груди моей и удалилось от меня... <...> ...Всю жизнь посвящу для счастья и блага себе подобных [Гоголь 2009–2010. 10: 113]; Бог <...> указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, <...> чтобы я <...> по скользким ступням поднялся на высшую, <...> откуда бы был в состоянии <...> работать на пользу мира [Гоголь 2009–2010. 10: 110].

(Судя по письму к матери — «Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь...» [Гоголь 2009–2010. 10: 111] — и по содержанию последующих произведений Гоголя — «Ночи перед Рождеством» и «Невского проспекта» — «выводы» и мысли тогда приходили и другие. Гоголь воплотил их в образе кузнеца-художника Вакулы, из-за капризов красавицы Оксаны помышляющего о самоубийстве, и в образе безнадежно влюбленного художника-самоубийцы Пискарева.)

Контрастный, несущий в итоге избавление от душевной муки диалог «афинских» героев «Женщины» оказывается, таким образом, отражением противоречивых чувств самого Гоголя, высказанных в исповедальном письме. Как и другие гоголевские произведения, и это литературное многоголосье являет единый внутренний *монолог* и «душевный город» самого автора — голос которого оказывается перенесенным из современного Петербурга в далекие Афины. — Такой же автобиографический характер, с «греческим» вневременным контекстом и распределением мнений на два голоса, носит и написанная тогда же Гоголем статья «Борис Годунов. Поэма Пушкина» (1830). И здесь только что напечатанное в Петербурге пушкинское произведение обсуждают читатели с именами Элладий и Поллиор.

Добавим, что содержащиеся в «греческом» эссе Гоголя «претензии» к Богу за создание женщины («Зевс Олимпиец! <...> ...Ты <...> весь яд <...> сжал <...> в одну каплю, <...> ты создал женщину!»; [Гоголь 2009–2010. 7: 63]; см. выше), тоже, кроме личных впечатлений, несут на себе прямые следы влияния Пушкина. Конкретно феномен женщины как «неудачного» создания Бога возникает у Пушкина в отрывке «Женщины», который представляет собой, согласно подзаголовку, «Отрывок из Евгения Онегина» (точнее, — это начальные строфы четвертой главы поэмы; эти строфы были впервые, и единственный раз, напечатаны при жизни поэта в 1827 г. в «Московском

Вестнике»; в текст поэмы они в итоге не попали, подвергшись исключению уже при первой публикации четвертой главы в 1828 г.; ср.: [Пушкин 1828: 11]). В отрывке поэт высказывает, с одной стороны, восхищение женщиной, воздает ей поклонение как «чистому божеству», с другой — полон крайнего негодования в ее адрес. Т. е. содержание пушкинского стихотворения совпадает с пафосом статьи Гоголя — таким же противоречивым. Как и гоголевский ревнивый Телеклес, юношеские претензии к «прелестному, хитрому, слабому полу» [Пушкин 1827b: 365] Пушкин сопровождает допущением, что в создании женщины принимали участие «злобные, тайные силы»: «В начале <...> женщина являлась / Каким-то чистым божеством. <...> Жить, умереть у милых ног — / Иного я желать не мог. / То вдруг ее я ненавидел, <...> С тоской и ужасом в ней видел / Созданье злобных, тайных сил; <...> Все было в ней отравлено, / Изменой злой напоено...» [Пушкин 1827b: 365–366].

Впоследствии такие же «претензии» к Богу по поводу женщины предьявляют в гоголевских произведениях целый ряд народных псевдобогословов [Виноградов 2024g: 339, 797, 910]. Львиная доля таких обличителей слабого пола — возмущающихся тем, что к обитающей на свете «всякой дряни», Бог «еще и жинок наплодил» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 96], — представлена в «малороссийских» повестях Гоголя, в том числе, в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки». Вслед за «Ганцем Кюхельгартенем» и статьей «Женщина» повести «Вечеров...» являются продолжением размышлений писателя о браке, семье и женщине. Тема брака здесь тоже предстает как «сквозная» и ключевая. Изображая в «народных» повестях многочисленные супружеские пары, сватовство и замужество, Гоголь тоже решает для себя важную проблему: избрать ли ему семейное поприще или оставаться «монахом в миру» (см. подробнее: [Виноградов 1998]).

Матримониальную тему венчает у Гоголя комедия «Женитьба». В разнообразном многоголосье действующих лиц этой пьесы, в скрытом сопоставлении в ней реальных городов Москвы и Петербурга в свою очередь воплощен напряженный, драматический «монолог» внутреннего «душевного города» самого Гоголя [Виноградов 2018a]. Идеи «Развязки Ревизора» органично присущи и к этому произведению.

8. Два града: круг источников

Сквозные, устойчивые для всего творчества религиозно- и культурно-нравственные понятия города души и города-социума помогают обозначить главный пафос, характеризующий писательскую, духовно-обличительную деятельность Гоголя. В этой связи закономерно встает вопрос об истоках гоголевских представлений. Выше уже указывалось, что одним из источников для размышлений о «душевном городе» Гоголю послужила, вместе с сочинениями Платона, знакомая с детства житийная литература. В этом же ряду следует указать на святоотеческое наследие. Сама по себе категория города как социального организма, тип традиционного бытоустройства — одна из самых древних и распространенных. Для Гоголя — христианского художника — мышление в географических очертаниях, в «рамках» города было тем более органично, что категория «града» в его конкретном духовно-нравственном наполнении является неотъемлемой чертой Священного Писания. Значимый характер здесь носят сами названия городов, отражающие суть того или иного явления: «От многих мест в Писании мощно есть навывкнуты, яко от деяний и сбытия налагаются имена на грады» [Андрей Кесарийский 1625: 81]¹ (см. также: [Стефан (Яворский) 1809: 104 об.]).

Ключевым в оценке земных городов выступает при этом главенствующий, итоговый для мировой истории «Христов град небесный» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 425, 532]². Путь человечества предстает в этом духовном освещении как историческое сосуществование двух градов, из которых один во всем противостоит другому. Главный вектор истории заключается в том, что обитатели первого, земного града должны совершить постепенное восхождение ко второму, небесному — Церкви Христовой. Предначертанное движение человечества к Богу — от одного града к другому — и окончательное разделение в конце времен обитателей двух социумов — наиболее по-

¹ В рус. пер.: «Что соответственно деяниям налагаются имена городам, сие можно знать из многих мест Писания...» [Андрей Кесарийский 1884: 151].

² Соответствующие образы, реминисценции которых можно, в свою очередь, обнаружить в «Ревизоре» как «душевном городе», встречаются и в западной мистической литературе (см. подробнее: [Виноградов 2019b]).

следовательно и полно очертил в своем знаменитом трактате «О граде Божиим...» (413–426 гг.) блаженный Августин, епископ Иппонийский, один из отцов и учителей Церкви, почитаемый как на Западе, так и на Востоке.

О знакомстве Гоголя с сочинениями блаженного Августина могут свидетельствовать его сохранившиеся черновые бумаги, где имя святого встречается не раз. Во-первых, оно находится в записной тетради Гоголя 1832–1834 гг., заполнявшейся в период его подготовки к лекциям по истории Средневековья в Петербургском университете: «*Бонифаций I (Святой)*, после папы Зосима в 418. Св. Августин поднес ему сочин<ения>...» [Гоголь 2009–2010. 8: 188]. Во-вторых — обнаруживается в отдельной неозаглавленной заметке Гоголя 1834 г., тоже связанной с подготовкой к университетским лекциям: «Время и век дышат и отражаются более всего в письмах мужей того времени — Симмаха, св. Иеронима, св. Августина, Сидония Аполлинария, Кассиодора и Григория Великого» [Гоголь 2009–2010. 8: 187] (см. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 87; 12: 320, 322; 16: 309, 312]).

Показательно при этом, что впоследствии именно эпистолярный жанр Гоголь избрал для своей религиозно-патриотической книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Немаловажным представляется также то, что одно из изданий творений Иппонийского епископа на русском языке имеет схожее с гоголевским название — «Выбранные места из книг Блаженного Августина...» [Августин 1795]; а главный труд блаженного — упомянутый трактат «О граде Божиим...» — издан был в 1786 г. под общим заглавием «Избранные сочинения Блаженного Августина...» [Августин 1786].

Согласно учению св. Августина, противостояние Града нечестивых и Града праведных не является некоей четко очерченной хронологической сменой одного состояния на другое. Процесс протекает в «смешении», в одновременном сосуществовании двух градов: «...Сплетены и смешаны сии два града в сем веке, покуда различатся и разделятся в последнем суде...» [Августин 1786. 1: 71]. По наблюдению современного писателя и исследователя П. Г. Паламарчука (который впервые поднял вопрос о влиянии блаженного Августина на Гоголя), противопоставление Града земного Граду небесному; Града диавола Граду Божию, определенно угадываются и в гоголевском осмыслении мировой истории. В эти представления органично вплетаются и понятие «душевного го-

рода», и образ «бунтующего», праздного города, выведенного Гоголем в «городских» главах первого тома «Мертвых душ»:

С углублением <...> выработанного образа-символа <...> внутри него самого происходит как бы поединок двух городов, сошедшихся и в реальной человеческой личности: города суетной, бесцельной праздности, влекущей от пустого безделья к страшной смерти — со светлым «душевым городом», пребывающим, коренящимся в самом сердце человека, страстно востановившим с ним по всем жизненным дорогам и взыскующим «верховой красоты». В отношении второго можно <...> назвать и конкретный прообраз: несомненно знакомый Гоголю текст... <...> ...стихи 2–4 21-й главы Апокалипсиса: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий... с неба...» [Паламарчук 1985: 50–51; 1990: 355–356].

«Смешанному» сосуществованию в истории двух Градов соответствует и двоякое значение земной — «городской», или «гражданской» власти как таковой. Категория «града», предполагающая как позитивное, так и негативное ее наполнение, отвечает реальному облику земного правления. Св. апостол Павел о призвании христиан говорит: «...Вы приступили <...> ко граду Бога живаго, небесному Иерусалиму... <...> ...Не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем»¹. Блаженный Августин в трактате «О граде Божиим», в свою очередь, как бы суммируя трагический опыт человеческой истории, сравнивал даже, вслед за римским оратором Цицероном, светскую государственность с шайкой разбойников. В отдельной главе под названием «Государства без правды сколь подобны разбоям» (в переводе 1786 г.) святой писал:

...Ежели отринуть правду, то что такое будет государство, как не великий разбой? Понеже и самые разбои что иное суть, как не малые государства? Ибо толпа она людей управляема бывает изволением начальника, дружеством совокуплена, и корысть делится без обиды. Ежели бы сия злодеев толпа до такой достигла степени, что обладала бы местами, построила бы себе жилища, заняла города, покорила народа, тогда бы очевиднее имя государства получить могла... <...> ...Справедливо Александру

¹ Евр. 12, 22; 13, 14; цит. по: [Новый Завет 1822: 828, 830].

<Македонскому> <...> некоторый пойманный морской разбойник ответствовал, <...> когда Царь его спросил: какую б он власть имел разбивать на море? <...> ...Таковую ж, какую и ты разорять вселенную; но понеже я дело свое отправляю, разъезжая на малом корабле, то меня называют разбойником; а ты поелико имеешь большой флот, то тебя именуют Императором [Августин 1786. 1: 344–345, 403–404].

Обращаясь к ветхозаветной истории, блаженный Августин прибавлял:

...Первым основателем и создателем земного града был братоубийца <Каин>, ибо своего брата, гражданина града вечного, <...> убил <Быт. 4, 8, 17>. Почему не должно удивляться, что гораздо позже <...> таким <же> образом основан Рим, <...> что Рем от брата Ромула убит... [Августин 1786. 3: 118].

Агрессивный характер древней «гражданственности» (до той эпохи, когда в «ветхом Риме» стали появляться «цари христианские» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 392 об., 397 об.]) долго сказывался в ожесточенном противостоянии римских властителей христианской проповеди. Вражда к христианству диктовалась опасением правителей, что «честь» языческих «богов» будет ниспровергнута и оттого «слава Римская умалится» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 392]. Противостояние двух «градов» в период гонений характеризовалось тем, что в языческой среде правил император-язычник, а в христианах — Сам «Господь наш Иисус Христос, со Отцем, и святым Духом» (как это многократно подчеркивал св. Димитрий Ростовский [Димитрий Ростовский 1764. 4: 393]).

Согласно святоотеческому взгляду, римское владычество в общем мировом процессе, земная власть как таковая, не представляет собой, однако, нечто исключительно негативное. Более того, одним из важнейших знамений, предваряющих пагубное «пришествие антихристо», является «разорение и кончина монаршества или самовладения римского» (а также всех тех последующих монархий и империй, воспринявших в истории римское начало [Стефан (Яворский) 1809: 35, 36 об., 39 об.]). Антихрист в ряду земных царствований не будет выступать законным преемником власти, но станет ее похитителем:

«...Антихрист царствия не будет <...> наследник, но прелестный и лукавый восхититель» [Стефан (Яворский) 1809: 91 об.].

Святоотеческую традицию в осмыслении проблемы власти пресвященный Стефан (Яворский) подытоживал:

...Когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, — потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю — и человеческую и Божескую — власть. Подобно тому, как прежде того разрушены были царства, именно: мидийское — вавилонянами, вавилонское — персами, персидское — македонянами, македонское — римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом...¹.

В предапокалиптическом крушении царств земной Иерусалим тоже обратится в «Содом», «яко в нем беззакония и студодеяния умножишася преизлишне», так что и «престол антихристов имать быти в Иерусалиме» [Стефан (Яворский) 1809: 71 об.–72 об.].

В общем историческом процессе происходит постепенная смена и вытеснение одного града — земного, другим — небесным. Картину этих глобальных исторических изменений Гоголь представил в 1834 г. в статье «Жизнь» 1834 г.² Однако важно подчеркнуть, что процесс соверша-

¹ Цит. по: [Иоанн Златоуст 1905: 598]. В церк.-слав. пер.: «...Власть Римская, егда възмется от среды, тогда он <антихрист> придет, и в лепоту (т. е. и справедливо. — И. В.), донележе бо сея власти будет страх <пока будут бояться этого государства>, никтоже покорится <антихристу>, егда же тая разорится, нападет на безначал<ь>ство, и человеческую и Божию поищет похитити власть, якоже бо, яже прежде сего разориша ся царствия, сиречь Мидское от Вавилонскаго, Вавилонское от Перскаго, Перское от Македонскаго, Македонское от Римскаго: тако и сие от антихриста...» [Иоанн Златоуст 1623: 2340–2341] (см. также: [Стефан (Яворский) 1809: 39 об.–40]).

² В основе статьи Гоголя «Жизнь» лежит пророчество св. пророка Даниила (Дан. 2, 31–45). Согласно библейскому повествованию, вавилонскому царю Навуходоносору во сне привиделся огромный истукан, составленный из золота, серебра, меди, железа и глины, который был разбит скатившимся с горы камнем. Даниил объяснял царю, что истукан

ется не мгновенно, но последовательно. Крушение языческих царств с утверждением нового — духовного Царства Спасителя не отменяет, с наступлением христианской эры, до конца времен, последующих земных царствований. С утверждением Церкви Христовой «железное» римское начало вполне еще не упраздняется, но лишь «утончается и умягчается» Евангельской Вестью, — тогда как окончательное «разорение и кончина монаршества Римского» (в крушении империй — ставших преемницами этого начала) — изъятие из среды «удерживающего» (2 Фес. 2, 7) — служит первым знамением пришествия антихриста [Стефан (Яворский) 1809: 36 об., 42 об.–43].

Интересом к религиозной проблематике земного «гражданства» во многом объясняется и само пристальное внимание Гоголя к эпохе крушения Римской империи, сказавшееся в 1834 г. в его курсе университетских лекций. Судьба Древнего Рима подспудно сравнивается в его лекциях с будущим Российской Империи (см.: [Виноградов 2022с]). Крушение империи римлян побудило и блаженного Августина к размышлениям о двух градах. «Утончение и умягчение» земной власти служило и для него, и, позднее, для Гоголя указанием на предапокалиптические времена.

9. Единое тело общества

Продолжая поиск источников, ставших основой для уподобления Гоголем города-социума внутреннему «душевному городу», можно с уверенностью утверждать, что одним из таких важных исходных положений стало само по себе представление об обществе как едином живом организме. Это представление появилось как своего рода обратная проекция понимания церковной соборности как

прообразовал четыре языческих царства, которые все будут разрушены новым всемирным царством, воздвигнутым Богом навеки. По распространенному святоотеческому толкованию, этим сном была действительно предвозвещена судьба четырех мировых держав — Вавилона, Персии, Греции и Рима, сокрушенных «камнем» — Иисусом Христом, отделившимся от «горы» — Пресвятой Богородицы и положившим начало нового Царства — Церкви Христовой (см.: [Стефан (Яворский) 1809: 36 об.–51 об.; Димитрий Ростовский 1764. 2: 123–123 об.]).

единого тела Церкви — вершиной которой является «глава (сиесть Христос)»¹, «от которой все тело, будучи составляемо и связуемо составами и связями, растет возрастом Божиим»²: «Телеси некое <...> составление есть собрание верных» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 410]. Такой взгляд тоже является «сквозным», наиболее устойчивым для гоголевских художественных размышлений. Вопреки голословным публицистическим заявлениям о том, будто понятие «душевного города» применительно к городу, изображенному в «Ревизоре», Гоголь придумал позднее, не считаясь с самим содержанием комедии, сам писатель представление о человечестве как едином организме вынашивал задолго до создания «Развязки Ревизора», еще в школьные годы.

Обучаясь в Нежине, Гоголь прочел в 1827 г. в «Московском Вестнике» М. П. Погодина и С. П. Шевырева погодинскую статью «Исторические афоризмы и вопросы», в начальных строках которой говорилось:

История должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить Биографию сего человека. Многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжении тысящелетий, доставят в сию Биографию может быть по одной черте. Черту сию узнают великие Историки [Погодин 1827: 109].

Спустя несколько лет Гоголь, в рецензии «Исторические афоризмы Михаила Погодина...», напечатанной в первом номере пушкинского «Современника» (1836), поставил эти слова Погодину в качестве первостепенной заслуги:

[Издавая Московский вестник, он сказал первый, еще в 1827 году] <...>, что «история должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить биографию этого человека чрез все степени его возраста»; что «многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжение тысящелетий, доставят в такую биографию, может быть, по одной черте. Черту сию узнают великие историки». [<...> ...Он первый сказал это, и то сильное ударение, которое он поставил на этой мысли, пока-

¹ [Димитрий Ростовский 1764. 1: 321].

² Кол. 2, 19; цит. по: [Новый Завет 1822: 747].

зывает, что в душе его жило стремление к настоящему значению истории] [Гоголь 1937–1952. 8: 564, 191]¹.

Неудивительно, что взгляд на общество как единое тело Гоголь воплотил уже в самых ранних произведениях. Впервые такой образ появился в 1831 г. в «Сорочинской ярмарке». Описывая здесь «вихрь сельской ярмарки», Гоголь упоминал о том, как «весь народ срastaется в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 91]. Новое уподобление общества «шевелиющемуся» рынку появилось в 1834 г. в статье «О движении народов в конце V века»: «...Вся Европа, несмотря на то что, по-видимому, уже казалась неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку» [Гоголь 2009–2010. 7: 347]. Похожий характер носят строки статьи «Взгляд на составление Малороссии» (1834) о жизни Древней Руси, «шевелившейся в частях и неподвижной в целом» [Гоголь 2009–2010. 7: 161]. В «Петербургских записках 1836 года» изображение «шевелиющегося» социума вновь повторяется: «Петербург весь шевелится, <...> и во всю ночь то один глаз его светится, то другой...» [Гоголь 2009–2010. 7: 512].

С движущимся единым телом народа Гоголь сравнивал также, еще в 1832 г., в «Страшной мести», воды хищного, сверкающего, «как волчья шерсть», Днепра в «Страшной мести» (1832) [Гоголь 1937–1952. 14: 300]. Гоголевский Днепр не только «чуден», но и страшен: он «глотает, как мух людей»; он «синий-синий» — такой же, как «синий колдун» в этой повести [Гоголь 1937–1952. 1: 252, 269, 274, 299]. Строки об опасном течении Днепра напоминают и позднейшее гоголевское размышление о «тине мелочей» пошлой жизни, опутывающих и губящих человека [Гоголь 2009–2010. 5: 129], и знаменитое лирическое признание писателя, что в своих «странных» героях, «мертвых душах», он созерцал «всю громадно несущуюся», подобно полноводной реке, жизнь [Гоголь 2009–2010. 5: 130] — движение «огромного чудовища» современного общества: «И долго еще определено мне чудной властью

¹ Спустя много лет, обращаясь к читателю, Гоголь повторял: «...Перечти всеобщую историю всего человечества <...>, чтоб мысли приучились обнимать всё человечество как одно целое...» [Гоголь 2009–2010. 5: 256–257].

идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь...» [Гоголь 1937–1952. 6: 130].

К перечисленным образам единого тела общества примыкают антропоморфные олицетворения человечества в образах Египта, Греции и Рима в ранней статье Гоголя «Жизнь» (1834). «Говорящие» страны изображены здесь в преддверии свершающегося воплощения Спасителя. Сходное символическое мышление несколько лет спустя нашло отражение в картине «Явление Мессии» (1833–1857) одного из друзей Гоголя, художника А. А. Иванова. В разработке замысла этого полотна принимал в 1840-х гг. непосредственное участие Гоголь [Виноградов 2020b: 166–169]. На картине Иванова представлен образ змеи-«ехидны», которую составляет здесь вся масса крестьящихся людей на берегу, — согласно обличениям их как «порождений» «ехидны» Спасителем и св. Иоанном Предтечей (Мф. 3, 7; 12, 34; 23, 33; Лк. 3, 7)¹. В то самое время, когда на картине Иванова этот образ уже существовал, аналогичное образное уподобление общества единому живому — и тоже хищному — телу Гоголь употребил в письме к критику В. Г. Белинскому. Последний утверждал, что хорошо знает современное общество. Гоголь возражал:

...Меня изумила <...> <Ваша> отважная самонадеянность...; ...Как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое> <...> <ловит человека> в <...> ловушку...; Как можно [знать] <...> этот ежеминутно меняющийся хамелеон? [Гоголь 2009–2010. 14: 391–392].

Критическая оценка общества как «хамелеона», «ехидны» закономерно ставила перед Гоголем вопрос о нравственном образовании земного «страшилища». Размышляя о воспитании единой «семьи» всех «миллионов» людей, представителей единого социума [Гоголь 2009–2010. 6: 577] — и «душевного города» каждого человека, — Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал о «целых томах постановлений, узаконений», которые употребляло правительство

¹ Ср. также слова св. пророка Исаии: «...Отъят Господь от Израиля главу и ошиб, <...> старца <...> сие начало, и пророка учаща беззаконная, сей ошиб» (Ис. 9, 14–15). «Ошиб — хвост...» — гоголевский <«Объяснительный словарь» русского языка> [Гоголь 2009–2010. 9: 435].

в целях образования России [Гоголь 2009–2010. 6: 78]. Гоголь имел в виду обширную, занявшую более пятидесяти лет работу по кодификации законов, осуществлявшуюся в XIX в. по инициативе Императора Николая I. Результатом этой работы — соответствующей многовековым усилиям Церкви по духовному преобразению общества — стало знаменитое «Полное собрание законов Российской Империи», первые пятьдесят три тома которого вышли в 1830 г. Для Гоголя выход в свет этого капитального труда имел чрезвычайное значение — писатель сравнивал его с образованием в VI в. св. правоверным императором Юстинианом трех важнейших составляющих древнего римского права — Дигест, Кодекса и Институций [Гоголь 2009–2010. 8: 169]; а также с просветительской деятельностью на Руси св. равноапостольного князя Владимира, проводника «христианской веры и наук» [Гоголь 2009–2010. 8: 111]; с появлением Русской Правды Ярослава и Изяслава [Гоголь 2009–2010. 8: 37–40, 111].

Как продолжение совместных усилий светской и духовной власти по искоренению пороков и злоупотреблений среди подданных Гоголь характеризовал также деятельность русских писателей — «комиков» Фонвизина и Грибоедова (подразумевая в их числе и самого себя). Подразумевая опять в статье о русской поэзии в «Переписке с друзьями» единый общественный «душевный город», Гоголь писал, что «наши комики» руководились не частными интересами и личными нерасположениями, но болели об общем деле, и «общество сделали <...> как бы *собственным своим телом*»:

Наши комики двинулись общественной причиной, а не собственной, восстали <...> против целого множества злоупотреблений... <...> Общество сделали они как бы собственным своим телом... <...> Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольно ратником света [Гоголь 2009–2010. 6: 187].

Умеряя пафос безоглядной критики России и возражая против того, чтобы его произведения, т. е. религиозно-«пастырское» обличение сделать тараном против ее государственности — штурмовым снарядом «лишнего человека» в разрушении социальных устоев — Гоголь с определенно «охранительных» позиций заключал:

Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились они почти сами собой в виде какого-то грозного очищения. Вот почему по следам их не появлялось в нашей литературе ничего им подобного и, вероятно, долго не появится [Гоголь 2009–2010. 6: 187]¹.

Вследствие двоякого характера земной власти — то погружающейся в нечестие (и нуждающейся поэтому в очищении), то возвышающейся до роли «удерживающего», — задачу развития страны в целом Гоголь видел, в отличие от своих радикально настроенных современников, не в ниспровержении государственности, а, напротив, во всемерном ее укреплении — как силы, призванной заботиться, вместе с Церковью, о просвещении и воспитании своих подданных — лиц, отнюдь не идеальных, но в качестве равноправных, «рядовых» представителей российского общества так или иначе занимающих место в государственном аппарате. Авторское толкование административного города «Ревизора» как «душевного города» прямо отвечало этой задаче — тем более, что ее осуществление изначально полагалось самим замыслом комедии. Гоголь неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе². В самой комедии намерение автора обратиться к зрителю и читателю к самому себе открыто провозглашено в эпиграфе «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 217], в реплике Городничего «Над собою смеетесь!..» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 299], в немой сцене.

В неотправленном письме к Белинскому Гоголь писал: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?...» [Гоголь 2009–2010. 14: 386]. «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...» — замечал также Гоголь в «Театральном разезде...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444]. В одном из писем «по поводу “Мертвых душ”» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он добавлял:

¹ Ранее в «Театральном разезде...» он также замечал: «...Вы хотите отнять у комедии всякое серьезное значение. <...> Почему же не допустить существование *двух, трех* таких, какова была игранная теперь?» (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 454].

² См.: [Гоголь 2009–2010. 6: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254; 14: 480; 15: 16].

Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... <...> ...Правительство во все время действовало без устани. <...> А как было на это все ответствовано снизу? <...> ...Везде, куды ни обращаюсь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат... [Гоголь 2009–2010. 6: 78].

В 1836 г., в год постановки «Ревизора», Гоголь в свою очередь указывал на «плутов, которые тихомолком употребляют в зло благо, изливаемое на нас правительством <...>, которые превратно толкуют наши законы, которые под личиною кротости под рукою делают делишки не совсем кроткие» («Петербургская сцена в 1835–36 г.» [Гоголь 2009–2010. 7: 508]). Еще в 1831 г. в «Майской ночи...» Гоголь вывел образ такого же, как Городничий в «Ревизоре», сластолюбивого и нерадивого сельского головы, заявляющего, что он поставлен «от царя» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 144], но своим поведением дискредитирующего тех, кто доверил ему власть¹. В той же статье «Петербургская сцена...» Гоголь замечал об «офицере, пустом человеке, бегающем за вечерними нимфами, или *вместо обязанностей службы* дебошничавшем где-нибудь в неприличном для русского офицера месте» (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 7: 508] (настоящие строки представляют собой очевидный авторский комментарий к образу поручика Пирогова в «Невском проспекте»).

¹ Едва ли не намеком является в этой повести само именование одного из героев — шатающегося по улицам пьяного Каленика — одного из «претендентов» на сельскую власть. Последний бранит «голову всеми отборными словами» и заявляет: «Я сам себе голова. Вот убей меня Бог! <...> я сам себе голова» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 133]. Житие святителя *Каллиника*, патриарха Цареградского, в Четвх-Минеях — одно из самых драматических и политически окрашенных. В нем повествуется о заговоре против нечестивого царя Иустиниана II (669–711), прозванного, за отрезанный нос, Корконосым: «...Идоша вооружени в палату цареву, и обретше царя <...>, и уреза нос царю, и в Херсон на заточение посла его. <...> Люди же Цареградстии <...> нарекоша царем Леонтия, и венча его на царство святейший патриарх Калиник» [Дмитрий Ростовский 1764. 4: 542 об.]. — В свою очередь возвратившийся на царство Иустиниан «нос уреза» святителю [Дмитрий Ростовский 1764. 4: 543]. Унижение достоинства через отрезание носа составило, как известно, сюжет комической повести Гоголя «Нос». Возможно, в сюжете повести нашла отражение житийная история.

В «Шинели» выведен соответствующий образ гражданского чиновника, «одного значительного лица» — который, подобно Городничему (а также подобно Ивану Федоровичу Шпоньке в «Вечерах...», дослужившемуся до «немаловажного» чина поручика [Гоголь 2009–2010. 1/2: 251]), тоже вышел «из низов», т. е. который сходным образом «выслужился» «из нас же» (см.: [Виноградов 2020с]). Этот «значительно-незначительный» представитель государственного аппарата — который лишь «недавно сделался значительным лицом, а до того времени <...> был незначительным» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 136–137], — свои обязанности исполняет столь же нерадиво, а в свободное время ездит к «знакомой даме, Каролине Ивановне», которая «была ничуть не лучше и не моложе жены его» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 143–144].

Таким образом, личные недостатки каждого являются, по Гоголю, не только принадлежностью частной жизни, но и помехой общему делу. Преосвященный Стефан (Яворский) как бы прямо по этому поводу в одной из своих проповедей, послуживших созданию гоголевского образа Руси-тройки, — «Колесница четырехколесная, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие в царствующий град Москву Благочестивейшему Государю нашему Царю, Петру Алексеевичу...» (1704), восклицал:

Покаемся убо от злб наших, <...> не будем противящимися колесами, бесом движимыми; но будем избранною колесницею, своим тяглом всячески согласие имущю, отнюдь не противящеюся, аможе животное влечет. Гряди колесо, не опирайся, не скрипи. Видзь колесницу Иезекиилеву!.. [Стефан (Яворский) 1805b: 221].

10. Оксиринх и его противники

Противление христианской проповеди со стороны рядовых граждан или даже от самих властителей — главное препятствие, мешающее движению Руси-тройки — Божественной колесницы Церкви и Государства Российского. О неприятии языческой «гражданственностью» Евангельской Вести св. апостол Павел писал:

...Премудрость Божию <...> никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы¹.

Подразумевая эти апостольские слова, Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» (1834) отмечал:

...В ветхом мире зарождается новый! воплощается неузнанный миром Божественный Спаситель его; и вечное слово, *не понятое властелинами*, раздается в темницах и пустынях, таинственно выжидая новых народов (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 277].

В пагубном противостоянии беззакония духовному преображению особое значение приобретает исповедничество многочисленных христианских мучеников, их оздоравливающий обществу подвиг. Это исповедничество «небесных граждан» является не только личным подвигом каждого, но и частью общего, соборного дела — утверждения в мире праведности Небесного Града, распространения славы Христовой. По словам св. Димитрия Ростовского, «мучеников <...> победы <...> воспоминати, ничтоже ино есть, токмо славу Христа Бога нашего <...> в доброподвижных мученицех <...> проповедати» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 20]. Св. апостол Павел тоже подчеркивал, что он в своих страданиях «восполняет недостаток Христовых <...> скорбей <...> за тело Его, которое есть Церковь»². Об этом же писал св. Димитрий Ростовский: «...Яко Христос страждай в рабех Своих, якоже во истинных Своих удесех» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 208].

Пребыванию общества в состоянии помрачения противостоит, благодаря христианским исповедникам, обратный, восстанавливающий общество в благочестии процесс. Примеры тому — все тома жиз-

¹ 1 Кор. 2, 7–8; цит. по: [Новый Завет 1822: 629].

² Кол. 1, 24; цит. по: [Новый Завет 1822: 744–745]. См. также: «Евсейий святыи <...> вся <...> доблественно терпе <...>, исполняя лишение скорбей Христовых в плоти своей (Колос. 1, с<тих> 24)» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 106 об.]; «...Игемон повеле Дионисия <...> бити немилостивно. Святыи же терпяше, благодаря Христа, яко даде ему раны Его на теле своем носити...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 173]; «...Дивный Бог во святых Своих...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 427]; «...Удивися бо на них Спасова сила...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 220].

неописаний святых: «...Вера и подвиги их <...> премени целые грады и языки» [Димитрий Ростовский 1764. 2: 231 об.]. Христианское исповедничество утверждает святость Небесного града уже в этой жизни. Плод христианской проповеди являет себя в коренном преображении целых городов — реальных географических центров — а также всех охваченных проповедью народов. В 1835 г. в «Обзрении Всеобщей Истории» Гоголь писал:

...Вера во Искупителя мира <...> произвела важнейшие перемены <...> в образе жизни у многих народов. <...> Около этого времени <...> исчезла большая часть знаменитых народов древности, или <они> так изменились, что уже не походили сами на себя [Гоголь 2009–2010. 8: 90].

Об изменении древнего города до неузнаваемости, пребывавшем ранее в язычестве, но затем стяжавшем черты вышнего Иерусалима, повествует церковный историк IV в. пресвитер Руфин в книге «Жизнь пустынных отцов» [Руфин 1898: 34–35]. Этот рассказ содержится также у св. Димитрия Ростовского. По-видимому, сведения о святом городе христиан Гоголь почерпнул именно отсюда:

...Присташа к некоему в Фиваиде христианскому граду, Оксиринохс глаголемому... <...> Обретохом в нем толика я духовная благая, ихже по достоянию изрещи никтоже может: видехом бо его исполнена монахов внутрь, и вне окрест всюду иноческия келлии. Бывшие же прежде великия идол<ь>стии храмы, тии претворени суть в монастыри изряднии, и во всем граде многае зрети быше церковей и монастырей, неже мирских домов. <...> ...И по всем частем града, во дни и в нощи всегда неусыпныя возсылаются Богу хвалы... <...> Градоначал<ь>ницы же и прочии граждане по всем вратам и путем поставиша страж, блюсти, аще который приидет странный, или нищ, и абие того с радостию сретают... <...> О, дабы древний той град был во образ нынешним христианским градом [Димитрий Ростовский 1764. 3: 451 об.; 463 об.–464]¹.

¹ «Предтечей» Оксириху — прежде заполненному идольскими храмами, но ставшему затем христианским городом — может служить древний Афон (туда Гоголь намеревался отправиться в конце жизни). Ранее Афон представлял собой один из центров язычества, и с приходом христианства был превращен в удел Пресвятой Богородицы: «Восставши же

В других городах, для которых древний город Оксиринх призван служить примером, возобладание христианских начал происходит постепенно, в результате долгой духовной борьбы исповедников с носителями мирских ценностей — приверженцами образа жизни «ветхого человека, тлеющего в похотех прелестных» (Еф. 4, 22). Носители земных «идеалов» тоже сплочены и социально организованы — объединены в свой «град». Будучи представителями социальной общности — несправедливой «гражданственности», они в противостоянии христианству выдвигают и собственные «общественные» предложения и свою социальную «правду»: «Царь же рече: не поклонися <ли> богом, якоже аз, и вси, иже со мною, кланяемся им...» (житие св. мучеников Адриана и Наталии (Курсив мой. — И. В.) [Димитрий Ростовский 1764. 4: 569 об].

Противостоя христианскому влиянию, служители «бога века сего» (2 Кор. 4, 4) во оправдание своих гонений тоже употребляют псевдоблагочестивые аргументы: выдвигают всевозможные «общественные» и «религиозные» резоны: «Аще убо сего не погубиши, то и весь град по нем обратится: разгневаются же бози на град и оставят его...» (житие св. мученика Севериана Севастийского [Димитрий Ростовский 1764. 1: 50]); «Аще сей един не погибнет, то мнози погибнут» (житие священномученика Макелла, папы Римского; [Димитрий Ростовский 1764. 4: 48 об.])¹. (К гонителям христиан — имущим власть мучителям — в житиях святых прямо прилагается значимое для Гоголя выражение «мертвая душа» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 346; 1: 80 об.].)

Лицемерной заботой об общественном благе прикрывались противники Самого Спасителя:

...Каифа <же> <...> сказал <...>: Лучше <...>, чтоб один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие <...> предсказал, что Иисусу

пречистая Мария, <...> вниде в корабль... <...> Внезапу <...> привлече корабль в пристанище Афонския горы... <...> Гора же та исполнена бе идолов повсюду, ибо капище тамо бе велие, и святилище Аполлоново, гадания же и волшебства, и иная многая бесовская действия на месте оном совершахуся, и имеяху вси еллини тое место в многом почитании: бе бо избранно зело, и прихождаху тамо от всея вселенныя к поклонению...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 517].

¹ См. также: [Димитрий Ростовский 1764. 4: 392 об., 447 об. 587].

надлежало умереть за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино¹.

Очевидной реминисценцией последних строк Евангелия — означающих два противоположных *единства*, две полярные, *социально* противостоящие ценности — являются слова Гоголя в письме к К. М. Базилу 1849 г.:

Соединяются только [ревни<тели>] проповедники *разрушения*. Где только дело касается создання и *устройства*, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто один строитель порядка! [Гоголь 2009–2010. 15: 235]².

Анализируя гоголевские образы, чрезвычайно важно воссоздать контекст, в котором они создавались, — не тот, который навязали им впоследствии радикальные толкователи из лагеря Белинского, но подлинную картину взглядов христианского писателя. Именно «ревнители» нехристианского образа жизни, получающие власть в целых «городах», изображаются в гоголевских сатирических произведениях (города «Ревизора», «Игроков», «Мертвых душ» и пр.). «Праведностью» в устах таких «общественных» носителей земных ценностей объявляются слу-

¹ Ин. 11, 50–52; цит. по: [Новый Завет 1822: 363].

² Единство Римской Империи осмыслиется как благо у св. Димитрия Ростовского — тогда как в ее разделении прозревается наказание Божие: «...Преидоша сто двадцать лет, в няже иконе Христовой от христиан попираемой бывшей, премного прогневлемый и раздражаемый бываше Христос Бог, и попушаше немалая злая на христианское царство. В та бо лета многие страны христианские Сарацыны пленивши... <...> В та лета и царство Грекоримское на двое разделися... <...> Сия же вся грех ради христиан, от истинного благочестия отпадших, к ересем же уклонившихся, и иконы святые поправших, от Бога попустишася» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 112–112 об.]. См. также: [Димитрий Ростовский 1764. 4: 115–115 об.]. В 1835 г. Гоголь в «Обзрении Всеобщей Истории» тоже с настойчивостью, применительно к самым разным историческим эпохам и государствам, размышлял о пагубности разделений. Писатель прослеживал негативные последствия раздоров в жизни народов, начиная от ветхозаветного Израиля, кончая самой Россией [Гоголь 2009–2010. 8: 87–88, 96, 100, 102, 105–106, 114].

жение соответствующим «идеалам». «Либералами» и «безбожниками», относительно сложившихся несправедливых порядков — общественных «идолов» — объявляются ими те, что не «исповедают» общих пороков, например, не участвуют во взяточничестве. Городничий в «Ревизоре» рассуждает о взятках: «Это уже так Самим Богом устроено, и волте-рианцы напрасно против этого говорят» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 223]. Такую же лицемерную добродетель демонстрирует в «Мертвых душах» Чичиков — после совершения им мошеннической сделки:

«Приобрел...» <...> «Благое дело, <...> благое дело!» — «Да <...> более благого <...> не мог бы предпринять. <...> ...Стал <...> на прочное основание, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности». — Тут он весьма кстати выбрал за либерализм <...> всех молодых людей [Гоголь 2009–2010. 5: 142].

Таким же псевдоблагочестием отличается, по Гоголю, выведенный Грибоедовым в «Горе от ума» лицемер Фамусов:

Он и благопристойный степенный человек, и волокита, и читает мораль, и мастер так пообедать, что в три дня не сварится. Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился принятым светским обычаям их общества [Гоголь 2009–2010. 6: 184].

В христианском обществе вынужденной, подневольной «данью» в пользу Церкви со стороны несправедливых представителей власти является соблюдение ими внешних приличий. В статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь, говоря о состоянии Южной Руси в XIII в., писал:

Изредка пастыри из пещер и монастырей увещали удельных князей; но их увещание были напрасны: князья умели только поститься и строить церкви, думая, что исполняют этим все обязанности христианской религии, а не умели считать ее законом и покоряться ее велениям [Гоголь 2009–2010. 7: 160].

Именно так ведет себя в «Ревизоре» наделенный властью Городничий, обещая поставить Богу «такую свечу, какой еще никто не ставил», — на каждого бестию-купца «наложить доставить по три пуда воску» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 232]. Герой-взяточник, сообщая о себе, что он «в вере тверд и каждое воскресенье бывает в церкви» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 224], далек от того, чтобы в действительности поставить евангельские заповеди законом своей жизни. От строящих церкви древнерусских князей его отличает еще меньшее благочестие, так как из-за своего воровства он даже этого сделать не в состоянии: «...Если спросят, отчего не выстроена церковь <...>, то <...> сказать, что начала строиться, но сгорела. <...> ...Она и не начиналась» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 233]¹.

С оглядкой на исповедуемое обществом правила благочестия свой противохристианский образ мыслей лицемерные Городничие и Фамусовы выдают за общественную, нравственно значимую ценность, называя, напротив, чистый и честный юношеский энтузиазм — и само христианство — «химерами» и «вольнодумством». Аналогичное явление тоже обличается в агиографической литературе: «...В то бо время благочестие яко ересь вменяшеса, ересь же яко благочестие почиташеса...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 238; см. также: 1: 227 об., 228 об.]. Князь В. Ф. Одоевский в 1838 г. свидетельствовал: «Я заметил, что в Петербурге называют либералами тех, которые не берут взяток... <...> Да — это либерализм во времени общей безнравственности и бесстыдной наглости» [Одоевский: 71, 396]. Об этом же говорит герой «Развязки Ревизора» Гоголя:

...То дурно, когда делают привлекательным <...> злое; то дурно, что мешают его в такой степени с добром, что не знаешь, к которой стороне пристать; то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видишь добра [Гоголь 2009–2010. 3/4: 488].

Превратные представления о нравственности — мнения «глаголющих лукавое доброе, а доброе лукавое, полагающих тьму свет, и свет тьму» (Ис. 5, 20) — с закономерностью диктуют встречное пророческое обличение порочного общества:

¹ См.: [Виноградов 2021: 274–275, 491–492].

...Понеже зряше <...> великие сановники неправды деющие, того ради в Илиину облечеса ревность, и небоязненно аще и с кротостью, обаче и с дерзостию всех обличаше... (житие преподобного Александра Константинопольского [Димитрий Ростовский 1764. 4: 237–237 об.]).

Апология греха и возникновение ересей в испорченной несправедливым образом мыслей среде происходят отнюдь не всегда мирным путем. Нарушители мнимой социальной «правды», «инакомыслящие», порой получают в таком обществе вполне агрессивный отпор. Пророческое обличение встречает здесь угрожающее предупреждение: «...Да не пророчествуеши о имени Господни, аще ли же ни, умреши в руках наших» (Иер. 11, 21)¹. Об этом же говорит и Сам Спаситель, обращаясь к земному граду: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья...» (Мф. 23, 37; Лк. 13, 34).

Согласно широкому влиянию, каким обладают в обществе «великие сановники», их нравственное воздействие не ограничивается сферой частной жизни, но распространяется на все окружение. Поведение земных властителей становится — по «законам отраженья» [Гоголь 2009–2010. 5: 157] — определяющим для всех членов социума. Так, поступки «главы города» Городничего в «Ревизоре» [Гоголь 1937–1952. 4:

¹ Ср. также строки жития св. пророка Михея: «...Ненавидяше царь обличающего его пророка... <...> Обаче пророк дая место цареву несправедному гневу (“на время уступающе место гневу” [Димитрий Ростовский 1764. 4: 516 об.]. — И. В.), отхождаше инамо, и жительствовавше в горах <...>, да не како часто являяся царю, и обличая его, подвигнет того на убийственную ярость» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 497 об.]. В житии св. Василия Великого: «...Евсевий <...> Василия видя от всех вел<ь>ми почитаема и хвалима, <...> нача <...> завистию победитися, <...> еже разумев Василий святой, даде место гневу: не хотя бо зависти виновен быти, отиде в пустыню...» [Димитрий Ростовский 1764. 2: 243 об.]. В повествовании св. Димитрия Ростовского о бегстве Пресвятой Богородицы с новорожденным Иисусом в Египет: «Бегство же творяше Господь во Египет, <...> да научит ны бежати от гнева и ярости человеческия, а не противу горделивно стояти. <...> ...Аще убо Всемогущий бежит, наказуемса, горделиви, не пометати себе в напасти...» [Димитрий Ростовский 1764. 2: 201].

144] сказываются на нравственном облике всех чиновников — даже тех, что чином его выше (см.: [Виноградов 2020с: 265]). В 1846 г., обращаясь к «губернаторше» А. О. Смирновой, Гоголь писал:

Вы первое лицо в городе, с вас будут перенимать все до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству [Гоголь 2009–2010. 6: 97].

Плуты и взяточники городов «Ревизора» и «Мертвых душ» ведут против общества и государства, в целях наживы, свою лукавую «игру», утверждают в обществах, им подвластных, свои несправедливые, «свято» соблюдаемые порядки. Как заядлые игроки (готовые, подобно первым чиновникам «Мертвых душ», и на буквальное карточное мошенничество — когда случается заполнить «новичка» [Гоголь 2009–2010. 5: 201]), они оказываются из того же «теста», что и герои «Игроков», — во всем подобны шулерам, тоже лукаво разглагольствующим, в корыстных целях, о добродетели и социальных ценностях. — Именно это объясняет положение странной комедии Гоголя, посвященной ничтожной карточной игре, в общем контексте его творчества.

В «Игроках» влияние мошенников, в свою очередь, распространяется на все окружение. Их нравственными «двойниками», в изображении Гоголя, становятся в той или иной степени все лица, с ними соприкасающиеся, — прислуга (трактирный слуга и домашний лакей), обманутые проезжающие (бывший «благородный человек», «поневоле» ставший «плутом», — принявший участие в общем мошенничестве [Гоголь 2009–2010. 3/4: 403]). Каждому отводится своя роль в обмане. Единое шулерское «дело» охватывает все общество и вовлекает в свой круг все новых членов, с «разделением» между ними мошеннического «труда».

Попутно игроки готовят себе и новую смену. Вопрос о влиянии на подрастающее поколение ставится Гоголем в пьесе в рассказе о необыкновенном мошеннике-мальчике «одиннадцати лет», воспитанном игроком-отцом. (Со своей стороны главный герой Ихарев, знаток шулерских передергиваний, сообщает, что карточному плутовству он учился «с самых юных лет» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 377].)

Таким образом, среди самого христианского общества мошенники выстраивают и обустривают свой «град» — даже создают в нем свою

подручную «религию», с соответствующим пантеоном «святых» — тех, к кому следует обращаться за помощью. Так, венцом своего мошенничества — и «священным» украшением несправедного «града» — шулер Ихарев мечтает сделать «мраморный памятник» крапленой колоде [Гоголь 2009–2010. 3/4: 370]. Этим внешне комичным намерением — как и таким же «смешным» кощунственным «молитвенным» упованием председателя палаты в «Мертвых душах» на «пикового короля, <...> как на Бога» (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 5: 168], — Гоголь обращает читателя к самой истории карт — которая вкратце излагалась в переведенной в 1832 г. М. П. Погодиным книге немецкого историка К. В. Бёттигера: «В XIV веке изобретены <были>, вероятно Немцами, игорные карты: <...> на дереве вырезывались изображения королей и Святых, как помощников в игре...» [Бёттигер 1832: 223]. (Книгой Бёттигера «Всеобщая История» Гоголь широко пользовался при подготовке к своим лекциям.).

11. Блаженный Августин о смешении градов

В осмыслении Гоголем сосуществования двух градов проблема лицемерной набожности (свойственной Городничим и Фамусовым) составляет особый аспект. Писатель размышляет о «взаимопроникновении» градов в истории, когда, с одной стороны, происходит пагубное обмирщение некоторых членов Церкви (эту проблему Гоголь, в частности, рассматривал на примере ниспадения папской власти, игравшей первоначально в Западной Европе важную организующую и исповедническую роль¹), с другой — в истории совершается противоположный позитивный процесс одухотворения государственности — постепенного, все более усиливающегося проникновения ее духом Церкви: «Дух, идеже хочет, дышет...» (Ин. 3, 8). «Смешение» градов происходит

¹ Согласно Гоголю, римляне и византийцы «неудачно привили христианство к своей языческой жизни» [Гоголь 2009–2010. 7: 257]. «Языческий, эпикурейский, изнеженный образ мыслей» произвел в них только «бесконечные споры» [Гоголь 2009–2010. 8: 143]. «Несколько императоров», «закономерно» принявших вследствие этого «разные ереси», встретили исповедническую «оппозицию» в десятках «римских пап», причисленных Церковью к лику святых [Гоголь 2009–2010. 8: 159].

таким образом, что земной град шаг за шагом преобразуется в Небесный, и напротив, некоторые *недостойные* члены Церкви оказываются представителями иной «славы», по слову Спасителя: «Кто не пребудет во Мне, тот извергнется вон, как ветвь, и засохнет...»¹. Размышления об этом тоже находятся у блаженного Августина, в главе «О крыющихся между нечестивыми сынах Церкви и о ложных внутри Церкви христианах» его сочинения «О граде Божиим»:

Должны христиане памятовать, что в числе врагов их крыются таковые, которые гражданами Града Божия быть имеют, <...> так, как и из числа их имеет в себе Град Божий, покуда странствует в мире, соединенных общением таинств, <таковых>, которые не наследят жребия святых (по оному слову Господню: мнози званни, мало же избранных)... <...> При всем том о исправлении некоторых и из таковых отчаяваться не должно, когда у явных врагов предуставленные скрываются други наши, о которых они и не знают. Ибо сплетены и смешаны сии два града в сем веке, покуда различатся и разделятся в последнем суде... [Августин 1786. 1: 71, 104].

Примеры, когда святому противостоит целое общество, в том числе не только миряне, но и монахи и священники («...никтоже бо есть от вражиих искушений свободен...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 64 об.]), в агиографической литературе немалочисленны. Это явление в жизни святых почти «обыкновенное» и, по-видимому, неизбежное²: «Ибо чаще посреде пшеницы раждается плевел, и терн в винограде возрастает, и в лике апостол<ь>стем един предатель обретется, и у Елисея ученик бе Гиезий» [Димитрий Ростовский 1764. 2: 37]. «Законным»

¹ Ин. 15, 6; цит. по: [Новый Завет 1822: 377].

² См. жития святителей Иоанна Златоуста [Димитрий Ростовский 1764. 1: 371–379 об.], Григория Акрагантйского [Димитрий Ростовский 1764. 1: 448–449 об.], Афанасия Великого [Димитрий Ростовский 1764. 2: 345–347 об.], Каллиника Константинопольского [Димитрий Ростовский 1764. 4: 554], преподобных Саввы Освященного [Димитрий Ростовский 1764. 2: 37, 40–42 об.], Даниила Столпника [Димитрий Ростовский 1764. 2: 79], Феодора и Феофана Начертанных [Димитрий Ростовский 1764. 2: 206, 210 об.]; Евфимия Великого [Димитрий Ростовский 1764. 2: 376–376 об.]; Авраамия Смоленского [Димитрий Ростовский 1764. 4: 545–547 об.] и др.

предметом пророческого обличения становится, таким образом, не только лицемерные гражданские сановники, но и те, что противятся христианскому духу в самой церковной среде:

...Понеже зряше епископа <...>, некая с небрежением творяща, и воеводу градского, <...> неправды деющие, того ради <...> всех обличаше, от словес Божиих поучая их правде и истине, и <...> не всякому та его ревность бяше приятна, а наипаче начал<ь>нейшим, и от клириков неции, аще и удивляхуса добродетел<ь>ному его житию, обаче и ненавидяху того вел<ь>ми... (житие преподобного Александра Константинопольского [Димитрий Ростовский 1764. 4: 237–237 об.]).

Один из примеров нечестия «клириков», послуживших Гоголю к созданию соответствующих образов его произведений, находится в самой Библии, в Первой книге Царств. Это нечестивые сыновья ветхозаветного священника Илия, которые, презирая «долг священников», развращали народ, отнимая приносимое в жертву Богу, — «что вынет вилка, то брал себе <...> и говорил приносившему жертву: дай мяса на жаркое священнику», — и спали с «женщинами, собиравшимися у входа в скинию собрания» (1 Цар. 2, 12–17, 22) (по словам св. Димитрия Ростовского, эти недостойные служители олтаря — сыновья священника Илия Офни и Финеес — «приносящим <...> жертвы творяху обиды <...> и приходящим женам на молитву ко храму Господню деяху насилия» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 536 об.–537]¹). Офни и Финеес как библейские «поповичи» (сыновья священника) послужили Гоголю прямыми прообразами сластолюбивого поповича в «Сорочинской ярмарке» и таких же дьяка и нерадивого семинариста в «Ночи перед Рождеством» и «Вии».

Пророческим пафосом, обличающим лицемерие в религиозной сфере, объясняется, в частности, и положительный отзыв Гоголя в письме к приятелю А. С. Данилевскому о пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде»². Именно это пушкинское сочинение

¹ «...И держащий закон не ведеша Мя, и пастырие нечестоваше на Мя...» (Иер. 2, 8). Такое же поведение отличало неправедных иудейских судей, о которых повествуется в Книге пророка Даниила (см.: Дан. 13, 57; [Димитрий Ростовский 1764. 2: 122]).

² Это произведение А. С. Пушкина было впервые опубликовано в 1840 г. с подцензурной правкой В. А. Жуковского, с названием «Сказ-

Гоголь, судя по всему, одобрительно охарактеризовал в 1831 г., говоря Данилевскому, что одна из сказок поэта «писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая» [Гоголь 2009–2010. 10: 171]. «Сказка о попе и о работнике его Балде» — своего рода иллюстрация того, каким духовным пастырем — реальным священником — мог бы стать главный герой «Вия» (написанного Гоголем позднее), семинарист Хома Брут¹. «Сказкой о попе...» Пушкин как бы «опережал» Гоголя — для которого эти проблемы стояли особенно остро. Гоголь размышлял о них не только в «Вечерах...» и «Вии», но и в статье «Несколько слов о Пушкине», в рецензии для пушкинского «Современника» <Руководство к педагогике>. В обеих этих статьях, написанных в период тесного общения с Пушкиным, Гоголь обличал лицемерную набожность «стариков и богомольных тетушек» александровской эпохи [Гоголь 2009–2010. 7: 494, 710] — «Лаис благочестивых» и «мистики придворное кривлянье» — по определению Пушкина, вынесенному еще в 1819 г. [Пушкин 1937–1959. 2: 115]. В соответствии с этими размышлениями Гоголь позднее, в 1847 г., писал В. Г. Белинскому:

ка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде» [Пушкин 1840a; 1840b].

¹ Материалом к образу «Фомы Неверного» — Хома Брута — Гоголю послужила также заметка, сделанная им при чтении книги Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834): «По закону ламайскому духовенство безбрачно и должно вести строгую монашескую жизнь, оставаясь при капищах. Но вместо того они ведут бродяжническую жизнь, надувайлы и мерзавцы» [Гоголь 2009–2010. 8: 324]. (У Нефедьева: «Закон Ламайский предписывает Калмыцким духовным лицам правила, весьма близкие к монашеским. <...> Но, к сожалению, некоторые из сих правил вовсе позабыты... <...> Ныне при Хурулах остается только самое ничтожное количество духовных, <...> прочие же все рассеяны по кочевьям, так что почти во всякой кибитке встречается Гелюнги и Манжи (“жрецы” и “ученики веры”. — *И. В.*), подающие собою пример праздности и разврата» [Нефедьев: 96].) — Кроме того, сцены семинарского быта, изображенные в «Вии», вобрали в себя наблюдения Гоголя-этнографа над народным бытом в целом и, в частности, пополнялись личными воспоминаниями о почти «монастырской» атмосфере, которая была присуща Гимназии высших наук в Нежине, так что Гоголь с его соучениками согласно называли свою alma mater «бурсой» и «монастырем» [Виноградов 2024g: 464–465].

Я очень много знал дурных попов и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть больше, нежели вы. Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился... <...> Вы отделяете Церковь и Е<е> <пастырей от> Христианства, <...> пастырей, которые мученической сво<ею кровию> запечатлели истину всякого слова Христова, <...> так что <...> весь мир исповедал <Христа>. <...> Кто же по-вашему ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние ком<м>унисты и Социалисты, [объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и гра<бить> тех, которые нажили себе состояние]? [Гоголь 2009–2010. 14: 387–388]¹.

Св. Димитрий Ростовский, излагая историю Офни и Финееса, писал, что «за скверная дела» подобных служителей Бог даже «олтари святых» попускает «нечестивых руками в расхищение» и «храмы Своя в запустение» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 537 об.–538]².

¹ Сама по себе давняя, начиная с 1830-х гг., полемика Гоголя с Белинским (явившая себя открыто в 1847 г., с ожесточенной реакцией критика на «Выбранные места из переписки с друзьями») тоже находится в контексте противостояния веры и неверия, предпочтений небесного и земного градов. В полемике Гоголя и Белинского сказалось и давнее влияние околоцерковной и противочерковной мистики графа М. М. Сперанского, популярного в кругах декабристов, которые повторяли в адрес Церкви старые упреки старообрядцев, будто та служит антихристу [Виноградов 2024e]. Имели значение и сложные взаимоотношения светской и духовной властей в целом. Соответствующая заметка придворного мистика «Антихрист» была опубликована в 1872 г. (в год столетия Сперанского) в роскошном, подарочном издании, напечатанном в Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (юбилей праздновался с соизволения Александра II, поскольку тот в юности был учеником Сперанского). Свои претензии высказывало и светское общество. Так, Н. М. Карамзин отрицательно относился к учреждению Патриаршества на Руси, считая его «бесполезным для Церкви и вредным для единовластия Государей» [Карамзин 1824: 124]. См. подробнее: [Виноградов 2024g: 352–353, 666–675].

² В то же время святитель подчеркивал, что гонения, попускаемые святым, объясняются иначе — не их мнимыми «грехами», но верховным Промыслом об умножении чистоты и святости — во славу Церкви («Аще зерно пшенично пад на земли <...> умрет, мног плод сотворит»; Ин. 12, 24): «...Глава бо Церкви Христос, невесту Свою, за нюже кровь излил, хотя на земли, яко злато в горниле, и яко крин в тернии, имети,

Как и св. Димитрий Ростовский, Гоголь полагал, что ответственность за духовное состояние общества в равной мере разделяют все «начальствующие» — как светская, так и духовная власть. Никакие заслуги и никакое «положение в обществе» — в церковной или государственной сферах — от этого не избавляют¹. Еще один библейский пример пагубного влияния несправедливой власти на окружающих — правление нечестивого царя Манассии, который, по словам св. Димитрия Ростовского, «разврати люди Господни, привед их ко идолопоклонению с собою» [Димитрий Ростовский 1764. 3: 400 об.]. Соответственно общему греху следует и общее наказание:

...Единому бо согрешившу царю, и на вся люди гнев Божий приходит (якоже и прежде, единого ради согрешившаго Давида, бедствовавшее все царство). <...> Единому бо в граде возжегшемуся дому, беду от огня приемлют и окрестные дома: сие и в поднебесной, единому дому Израилеву

попусти на ню <...> беды, и страдания, и воздвижеса гонение от змия адского, иже и древле (якоже Богослову в видении откровено бысть) гоняше жену, небесными добротами украшенную, испуская за нею от скверных уст своих воду, яко реку» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 458].

¹ Так, нерадивого семинариста Хому Брута не спасает от возмездия ни крест, ни круг, ни молитва, ни иконы, ни какие-либо заклинания. Имеет значение лишь святость, обретаемая исполнением заповедей. Беспечный бурсак «Вия», напротив, способен сходить «к булочнице против самого страстного четверга» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 431]. (В этом он, в частности, напоминает грешника, обличаемого св. блаженным Андреем, Христа ради юродивым, — являет пример того, кто «нарицается точию именем христианским, весь же бысть бесовский»: «Лукавый блудниче, церковный поругателю, не ты ли творишися яко в церковь идый, и глаголеши: иду на утреню, а ходиши к сатане на скверныя дела...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 168, 236–236 об.]; ср. также упоминание св. Димитрия Ростовского об «иноке, иже имя точию иноческое имеяше, а не дело» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 280 об.]) Лишенный дерзновения неисполнением едва ли не всех христианских заповедей Хома Брут именно поэтому остается без помощи. Только верность Богу — до самой смерти — делает молитву услышанной. «Право» услышания святые приобретают своим подвигом: «Не забуди, Владыко, страданий раба Твоего, яже претерпе имене ради святаго Твоего, <...> помяни преломление голеней его и отсечение рук»; «...Кровь <...> изливаемая имать свой глас, аки трубу, вопиющий ко Владыце...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 567, 572].

гнев Божий на себе привлекшу, страждаше и вселенная [Димитрий Ростовский 1764. 4: 363 об.];

...При начальствующих бо и подначал<ь>нии от Бога казними бывают. И не толь скоро народныя грехи на отмщение подвизают прогневаннаго Бога, якоже грехи тех, иже власт<ь>ми и народоправителями от Бога учинени суть. <...> Тако Бог за грехи начал<ь>ствующих подначал<ь>ныя предает казнем... [Димитрий Ростовский 1764. 4: 537 об.–538].

В «Мертвых душах», характеризуя главных чиновников города, Собакевич замечает: «Губернатор <...> да еще вице-губернатор — это Гога и Магога! <...> ...Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы» [Гоголь 2009–2010. 5: 94–95]. Именами языческих Гога и Магога — союзников Вавилона, осаждающих «святых стан и град возлюбленный» (Откр. 20, 8) — власть в городе «Мертвых душ» тоже характеризуется как враждебная праведности Небесного града. Об этом апокалиптическом противостоянии градов пишет не только блаженный Августин¹, но и преосвященный Стефан (Яворский):

...Яко антихрист с бесчисленным своим воинством всех христиан во всей вселенной гонити имать, и сия есть брань Гога и Магога. <...> Вавилон <...> соборище всех нечестивых... <...> Сего града гражданами суть нечестивии, якоже в<о>преки града Божия Иерусалима гражданами суть избрании святии [Стефан (Яворский) 1809: 95, 102 об.].

Как важнейший из всех подвигов в противостоянии беззаконию личное самоотвержение полагается именно в агиографической литературе (жития святых являются, кроме этого, практическим учебником укрепляющей молитвы и книгой славы подвижников²). В жизнеописа-

¹ См. подробнее: [Паламарчук 1991].

² К Четым-Минеям, органично сочетающим в себе историю и богословие, восходит и тема «воскрешающей» исторической памяти. О художественном «воскрешении» погребенной в веках жизни Гоголь стал размышлять еще в ранних произведениях — в поэме «Ганц Кюхельgarten» и статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина» [Виноградов 2024g: 208, 716–717]. Словами об агиографе как «воскресителе» жизни — стремящемся, «дабы погребенную в пепле забвения святых славу, аки от мертвых <...>

ниях преподобных и мучеников дается пример отвержения соблазнов и насильственно распространяемого нечестия:

...Игемон градский по вся дни ищет мучити нас, но не может нас от Христа отвратити, мнози же есмы зде <...> и нецые от первейших граждан нашего числа суть...; ...Ни един <...> от здешних христиан <не> сотвори воли вашей; Бе же в граде том людей *множайшая* часть христиан верных, обаче страха ради мучител<ь>ского в тайне *соблюдаху* благочестие христианское (Курсив мой. — И. В.) [Димитрий Ростовский 1764. 3: 444–445].

Сонм святых пополняют, по Гоголю, и те, что, будучи членами земного града, в то же время, исполнением заповедей, тоже «гражданами Града Божия быть имеют» [Августин 1786. 1: 71], — согласно «смешению» и взаимопроникновению церковной и государственной сфер. Применительно к гоголевскому «Ревизору» таким святым из числа «гражданских» лиц, противостоящих общему нечестию, является выведенный Гоголем в еще одном автокомментарии к его комедии, в пьесе-«парабасисе»¹ «Театральный разъезд...», «очень скромно одетый» молодой чиновник, — а также похожий образ — адресат статьи Гоголя «Напутствие» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Нравственное исповедничество этих героев перед подавляющим превосходством окружающей неправды тоже отвечает представлению о двух градах, «смешанных» в истории. Писательское ободрение в адрес подвижников в церковной и гражданской сферах прямо подразумевает евангельский контекст, а именно, укрепляющие слова Спасителя: «Не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам царство» (Лк. 12, 32). Образами двух самоотверженных героев «Театрального разъезда...» и «Напутствия» Гоголь косвенно «восполняет» содержание самого «Ревизора» (так как в комедии, по словам самого писателя, нет «ни одного» честного лица; «Развязка Ревизора» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 492]). О своей причастности к героям-чиновникам «Ревизора» герой «Развязки...», «очень скромно одетый человек», по воле автора, сооб-

воскресити», — Четырех-Миней открываются (см.: Варлаам (Ясинский), преосвященный. Предисловие к благочестивому читателю [Димитрий Ростовский 1764. 1: 1]).

¹ См. раздел 5-й наст. статьи.

щает: «...Я <...> один из <...> чиновников, в должности которых выведены <...> лица комедии...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 447]. Один из героев по поводу этого чиновника замечает, что душа его «осветилась» после встречи с ним — «как осветилась его собственная после представления комедии» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 449]. Важно при этом иметь в виду, что, как уже указывалось, «Театральный разъезд...» является не только комментарием к «Ревизору», но представляет собой авторское разъясняющее послесловие ко *всем* произведениям, вошедшим в четырехтомное собрание сочинений Гоголя 1842 г. Со своей стороны «Напутствие» «подводит черту» не только под собранием сочинений, но уже под всем наследием писателя, ибо своим содержанием прямо предваряет предсмертное завещание Гоголя «Друзьям моим» [Гоголь 2009–2010. 6: 413–414]. В этом свете противостоящий окружающему злу, самоотверженный, «очень скромно одетый» чиновник «Театрального разъезда...» в свою очередь является (как и герои и адресаты «Напутствия» и «напутственного слова» «Друзьям моим») «недостающим» лицом не только «Ревизора», но и других сатирических произведений писателя — «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Записок сумасшедшего», «Носа», «Коляски», «Утра делового человека», «Тяжбы», «Лакейской», «Мертвых душ», «Игроков» (в последней комедии тоже, по замечанию рецензента «Северной Пчелы» 1843 г., «нет ни одного честного человека»; [Александринский театр 1843: 382]).

12. Лакейская — «распределение работ»

В 1844 г. Гоголь, подразумевая душевную пользу, которую мог бы принести графу В. А. Перовскому (находившемуся в затруднительном положении), писал А. О. Смирновой:

Посоветуйте ему <...> переговорить кой о чем со мной, опираясь на том, что я много читал и даже [весьма многое] не так, как читается вообще, а часто с толком, что и точно так [Гоголь 2009–2010. 12: 370].

В «почитании, с прилежанием, святых книг» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 181 об.] Гоголь часто обращался к Евангелию, и был «во

Святом Писании искусен» [Дмитрий Ростовский 1764. 1: 416 об.], т. е. обладал способностью видеть, как евангельские истины обращаются в самой жизни, имел дар показывать это на примере своих «пошлых» героев, далеко отступающих от христианских заповедей и от тех образов святых подвижников, память и слава которых отражена в Четых-Минях и святоотеческих творениях. Особым даром Гоголя было обнаруживать связь евангельского слова с современностью, подчас в самых неожиданных и незаметных проявлениях. К числу таких гоголевских сближений евангельского слова с жизнью относится проблема социальной иерархии и употребления талантов, которая уже в XVIII в. сделала еще более актуальным и востребованным давнее понятие «разделения труда». Отчасти эта тема уже была затронута при анализе мошеннического псевдодела лукавых карточных шулеров в комедии Гоголя «Игроки» — распределяющих отдельные составляющие плутовства между многими членами ради большего успеха жульничества. С не меньшей остротой тема «разделения труда» была поставлена Гоголем в нескольких сценах, объединенных общим названием «Лакейская». Сам по себе авторский замысел этих драматических сцен, как и место «Игроков» в общей картине гоголевских взглядов, долгое время представлял загадку для читателя. К примеру, один из друзей Гоголя славянофил Ф. В. Чижов, прочитав в четвертом томе его сочинений раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены» (где находятся «Игроки» и «Лакейская»), записал в дневнике: «...Множество таланта, <...> но <...> одно голое наблюдение, не озаренное светом идеи» [Виноградов 2017–2018. 5: 193]. Другой современник писателя, студент Московского университета Д. К. Малиновский в свою очередь в письме к самому Гоголю саркастически замечал: «...Об *Игроках* не умею ничего сказать; *Лакейская*... ну, это... лакей богатая пища...» [Гоголь 2009–2010. 14: 103]. Каких-либо усилий к постижению замысла «Лакейской» не было предпринято и в последующей критике и исследованиях.

Между тем связанная с темой «разделения труда» мысль об ответственном единстве способностей и талантов, дарованных разным людям, составляет одно из заветных чаяний Гоголя, она лежит в самой основе замысла его главного произведения, поэмы «Мертвые души»¹. В многогранных размышлениях Гоголя о двух градах немаловажную

¹ См. об этом подробнее: [Виноградов 2017–2018. 5: 454–457].

роль играет и этот жизненный аспект — представление о том, какие перспективы предлагают различные социальные устройства для реализации творческих дарований человека. Появление «Лакейской» среди гоголевских произведений не случайно. Над проблемами служащих, дворни и «лакейской», применительно к призванию человека, Гоголь задумывался задолго до публикации в 1842 г. одноименного произведения. Об этом свидетельствует и сама история создания «Лакейской»: эти драматические сцены относятся к незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени», начатой еще в 1832 г.

Как и в юности, Гоголь, работая над «Владимиром 3-ей степени» и «Лакейской», опять размышлял о том, что может предложить каждому тот или иной град, — достойное поприще для развития личности, дарованных Богом талантов, до исполнения «меры возраста Христова» (Еф. 4, 13), — или, напротив, превращение в бесплодную «мертвую душу». Альтернативы, предоставляемые человеку двумя диаметрально противоположными типами градов, неравноценны. С одной стороны, свое подлинное место в жизни человек находит в христианском социуме, обитатели которого вдохновляются апостольскими заповедями:

Служите друг другу каждый тем даром, какой кто получил, как верные домостроители многообразной благодати Божией¹; Дары различны, но Дух один... <...> И служения различны, а Господь один... <...> ...Вы тело Христово, а порознь члены²; ...Бог уравнивал тело, <...> дабы <...> все члены одинаково заботились друг о друге. <...> ...Иных <...> поставил <...> Апостолами, <...> пророками, <...> учителями; <...> иным дал <...> дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки³.

О святом египетском граде Оксиринхе, являющем пример гражданского устройства, пресвитер Руфин писал:

¹ 1 Петр. 4, 10; цит. по: [Новый Завет 1822: 546].

² 1 Кор. 12, 4–5, 12, 27; цит. по: [Новый Завет 1822: 655, 657].

³ 1 Кор. 12, 24–25, 28; цит. по: [Новый Завет 1822: 657]. В житиях святых сообщается также о последовательных ступенях социального служения: «...Пребыв <...> четыре лета в различных службах: в пекарни, и в бол<ь>нице, <...> введен бысть во святилище, да диаконское совершает служение, в немже минувшим трем летам, пресвитером поставлен...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 145 об.].

Мы видели там много, много святых отцов, получивших от Бога различные виды благодати — то дар разумения слова Божия, то дар воздержания, то дар знамений и великих добродетелей... [Руфин 1898: 35].

Мысль о разделении труда лежит и в основе знаменитого трактата Платона «Государство...» (содержание которого послужило созданию образа древнего «божественного мудреца» в «Ганце Кюхельгартене»¹). В своем сочинении Платон писал:

...Мы раждаемся не все с подобными естественными дарованиями, но с различными. <...> Отсюда явствует, что производятся множайшие вещи и совершаются лучше и удобнее, когда каждый делает вещь соответствующую его естественной способности... <...> По сему древодель, ковачи и прочие таковые художники в наш тесный град привнидут и распространят оный. <...> Сие то и было первейшим основанием <...> град созидати. <...> ...Если б человек, предопределенный от естества быти художником, <...> предпринял исполнять чин воина, <...> тогда бы <...> таковая перемена и таковое дел слияние нанесли неизбежную граду гибель [Платон 1783: 491, 493, 597].

Именно отсюда Платон переходит к уподоблению души каждого человека «целому граду» — излагает то, что позднее Гоголь выразил понятием «душевного города»².

Блаженный Августин на разделение труда смотрел с практической точки зрения — но ставил над нам божественное единство (противоположное языческому многобожию):

Мы смеемся, когда видим по мнению и вымыслу человеческому богов, упражняющихся в раздробленных им делах, <...> как на фабрике художников, у которых, дабы что-либо могло выйти совершенным, то переходит оное из рук в руки... [Августин 1786. 2: 55–56]; ...Иной вид есть, который делается и прилагается всякому телесному веществу, <...> как делают ваятели и прочие <...> художники, <...> другой же, который внутренние действительные имеет вины от тайного изволения существа разумного... <...>

¹ См. об этом выше, в разделе 6-м наст. статьи.

² См. там же.

Вышеупомянутый вид всем художникам приписать можно, другого же — никому, кроме Единого Творца и Создателя Бога... [Августин 1786. 2: 361].

Говоря о «составе» Небесного града, блаженный Августин тоже, как и пресвитер Руфин, обращался к словам апостола:

...Восиедый превыше небес <...> Той дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовестники, овы же Пастыри и Учители, к совершению святых в дело служения, в созидание тела Христова: дондеже достигнем <...> в мужа совершённа, в меру возраста исполнения Христова <Еф. 4, 10–11, 13>... <...> Вот <...> муж совершенный, глава и тело, которое состоит из всех членов [Августин 1786. 4: 268–269].

Блаженный добавлял:

Над земным <градом> в вельможах его <...> желание к обладанию владычествует; в небесном все взаимно друг другу служат любовь, и вельможки советами, и подданные повиновением [Августин 1786. 3: 103].

Организация земного града является в свете духовного устройства общества удручающим извращением — и даже пародией на церковное соборное согласие. Члены и тело светского организма, тоже основанного на «иерархических» принципах, выглядят принципиально иначе, чем Церковь. Употребляя образное уподобление Гоголя, ближайшим «прототипом» устройства, противоположного духовному чину, и является «лакейская» — общество слуг, главным смыслом существования которых является исполнение прихотей того или иного барина. В репликах героев драматических сцен «Лакейская» Гоголь несколько раз обращается к вопросу о «разделении труда» между многочисленными слугами и лакеями «его высокоблагородия» — кучерами, камердинерами, пажами, горничными, мастеровыми, дворецкими и пр. Этот вопрос является без преувеличения первостепенным для гоголевского произведения о лакеях. «Пузатый» дворецкий и его подопечные в «Лакейской» демонстрируют знакомство с новейшими экономическими теориями. Оправдывая свое «законное» место в обществе, дворецкий заявляет:

В том-то и есть поведенье, что всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин, архиерей, так архиерей. <...> Твоя обязанность смотреть за домом, за поведеньем слуг [Гоголь 2009–2010. 3/4: 422].

Нетрудно подметить, что дворецкий придает своему лакейству высокое нравственное значение, приравнивает барскую службу к «архиерейскому» служению (низводя тем самым и «слугу Божьего»¹ архиерея до статуса лакея²) — перетолковывая тем самым апостольские слова об употреблении дарований:

...Мы <...> имеем различные дары: <...> если кому дано пророчество, пророчествуй, <...> если служение, пребывай в служении; если кто учитель, в учении...³

Ревнуя о «святости» лакейского «долга», дворецкий, подобно многим другим гоголевским псевдобогословам, восклицает:

...Вот, точно, Божеское наказание: десять человек в доме и хоть бы один что-нибудь прибрал. <...> Побоялись бы хоть совести своей, коли Бога не боитесь. Ведь ковры до сих пор не выколочены [Гоголь 2009–2010. 3/4: 422].

В этом комичном «священном трепете» за барские ковры дворецкий повторяет «богословие» Плюшкина, который, поработанный стяжанием, упрекает в том других и угрожает крепостным Страшным Судом за утрату «бумажки» [Гоголь 2009–2010. 5: 123]. Плюшкин замечает:

...Такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание... <...> Лежала на столе четвертка чистой бумаги, <...> да <...> люди <...> такие негодные! <...> Вот <...> на Страшном Суде черти припекут тебя за это железными рогатками!.. [Гоголь 2009–2010. 5: 120, 123].

¹ [Димитрий Ростовский. 1764. 1: 385 об.].

² С. П. Шевырев, в свою очередь, имея в виду французского поэта К. Маро, замечал, что «в лакейской» оказывается и поэзия [Шевырев 1836: 65].

³ Рим. 12, 6–7; цит. по: [Новый Завет 1822: 612].

Такую же практическую «набожность» демонстрирует «приобретатель» Чичиков, угрожая «Страшным Судом» кузнецам, заломившим за работу «вшестеро» [Гоголь 2009–2010. 5: 201]. Эти сцены в гоголевских произведениях имеют свою предысторию. В 1834 г. скончался дед Гоголя (по матери) И. М. Косяровский. По рассказу матери в письме к Гоголю, перед смертью тот говорил приказчику:

Смотри, чтоб ты был честен и верен остающимся моим, как мне был. За что тебя наградит Бог. Вспомни, что служишь не господам, а Богу, который поставил тебя на то место и за сирот и вдову более с тебя взыщется [Виноградов 2017–2018. 2: 356].

Это предсмертное наставление гоголевского деда своему слуге (напоминающее угрозы Страшным Судом Плюшкина и Чичикова, адресованные дворовым и ремесленникам) Гоголь вложил в том же году в уста умирающей Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках». Та обращается к своей ключнице, «клятвами страшными заклиная» ее [Димитрий Ростовский 1764. 1: 61 об.]:

Смотри мне, Явдоха, <...> когда я умру, чтобы ты глядела за паном... <...> ...Я буду молиться за тебя на том свете, и Бог наградит тебя. <...> Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастья на свете. Я сама буду просить Бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины <...> и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения Божия¹ [Гоголь 2009–2019. 1/2: 296].

Здесь же встречается упоминание и о ленивом лакее:

Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержавшийся с такою опрятностью, с какою, верно, не содержится ни один паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее [Гоголь 2009–2010. 1/2: 284].

¹ В житийной литературе такие предсмертные завещания угроз не содержат (см.: [Димитрий Ростовский 1764. 2: 98, 102 об.]).

В соответствии с квазидуховными наставлениями Плюшкина, Чичикова и Пульхерии Ивановны, обращенными к слугам и работникам, услужливые «господа в ливреях», вместе с заинтересованными хозяевами, формируют в итоге почти религиозные принципы лакейского «призвания»; складывается целая «философия» единого псевдодела — обслуживания праздного барина. Именно это стремление общества, основанного на лакейских принципах, выдать пустое за «доброе» (Ис. 5, 20), придать ореол «святости» заурядному угодию, и подпадает под гоголевское обличение. «Слуги не сословие», «без слуг можно обойтись», — замечает у Гоголя во втором томе «Мертвых душ» один из положительных героев, помещик Василий Платонов [Гоголь 2009–2019. 5: 451]. «Дворовых мужики называют дармоедами», — пометил Гоголь в записной книжке 1840–1842 гг. [Гоголь 2009–2019. 9: 597]. «Человекоугодник, вроде подлеца», — пояснял он в своем <<Объяснительном словаре> русского языка> [Гоголь 2009–2019. 9: 451]. Гоголь подразумевал здесь слова св. апостола Павла: «Если бы я <...> угрожал людям, то не был бы рабом Христовым»¹.

На новейших принципах «разделения труда» основывается и утверждается в итоге соответствующая житейская «мораль» псевдотрудового, лакейского образа жизни:

...У хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. Вон у графа Булкина — тридцать <...> человек слуг одних; и уж там <...> нельзя так: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды». — «Нет, мол, скажет, это не мое дело; извольте-с приказать Ивану» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 418–419].

Слугу-труженика, добросовестно исполняющего сразу несколько обязанностей, «просвещенные» столичные лакеи презрительно обзывают «московской вороной»:

«...У вас известно: дворовый человек до обеда повар, а после обеда уж он кучер, или лакей, или башмаки шьет». <...> «Ну так что ж, ремесло другому не помешает. Не сидеть же без дела. Конечно, я и лакей, да и женский портной вместе. И на барыню шью, и на других тоже — копейку добываю. А вы что, ведь вот ничего ж не делаете. <...> Что ж из того, что лежишь

¹ Гал. 1, 10; цит. по: [Новый Завет 1822: 702].

весь день? Ведь за то ж ни копейки за душой у тебя нет» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 418–419].

О «разделении труда» упоминают и герои «Игроков» — такие же праздные «просвещенные» мошенники. Распределение «обязанностей» им, как уже говорилось, необходимо для более эффективного ведения их «дела» — карточного шулерства:

Это, что называется в политической экономии распределением работ. Все равно каретник. Ведь он не весь же экипаж делает сам... [Гоголь 2009–2010. 3/4: 418–419].

Итог такого политико-экономического «развития» земного града Гоголю был тоже не безызвестен. В наброске ко второму тому «Мертвых душ» он замечал, что «нынешнее просвещенье», <...> превратило человека в машину», который «весь век свой вытаскивает одну <1 нрзб.>» [Гоголь 2009–2010. 5: 491]. Гоголь добавлял: «[Какая тесная] <Какой тесный> круг, какое стеснение ума»¹. 24 апреля (н. ст.) 1847 г., будучи в Неаполе, Гоголь получил из Петербурга от одного из своих приятелей, Ар. О. Россега, первые номера «Отечественных Записок» за 1847 г. [Виноградов 2017–2018. 5: 676]. В этих номерах он мог прочесть обширную компилятивную статью «Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции». (Статья была подписана инициалами и составлена по многочисленным французским источникам выпускником юридического факультета Петербургского университета В. А. Милютиним (1826–1855) (впоследствии известный экономист и историк) [Милютин 1847а; 1847б].) В статье встречается сходное рассуждение о превращении «человека в машину» при сопутствующем «стеснении» его способностей:

Успехи механики значительным образом упростили труд; то, что делалось прежде человеком, делается теперь машиной; человеку остается только приводить эту машину в действие, а для исполнения этой обязанности вовсе не нужно, чтобы работник имел какие-либо способности и таланты. Чрезмерное разделение работ также облегчает труд, уменьшает необходимость в умении, в опытности и даже в силе, и уподобляет человека простой

¹ Цит. по автографу: РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

машине, которая постоянно и безостановочно совершает известные движения. <...> Человек превращается в инструмент, от которого не требуется никаких свойств человеческой природы... <...> Земледелец, которого беспрестанные изменения в погоде, в ценах, в почвах, в способах обработки принуждают к беспрестанным расчетам и комбинациям, остается среди своих занятий существом мыслящим. Но если многосложный труд развивает ум человека, то ясно, труд раздробленный должен производить совершенно противное действие на работника [Милютин 1847а: 23, 51–52].

Проблему европейского «пролетариатства» затрагивал еще в 1830-х гг. Пушкин в незаглавленной статье о А. Н. Радищеве. В главе «Русская изба» (напечатанной впервые в 1841 г.) поэт писал:

Фонвизин, при Императрице Екатерине II путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба Русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы Французского земледельца. Верю. <...> Судьба Французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника... Прочтите жалобы Английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужасу. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы думаете, что дело идет о строении Фараоновых пирамид, о Евреях, работающих под бичами Египтян. Совсем нет; дело идет о сукнах г-на Смедта, или об иголках г-на Джексона. И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона [Пушкин 1841: 48–49]¹.

¹ Согласно строкам письма Гоголя к С. Т. Аксакову от 22 декабря (н. ст.) 1844 г. [Гоголь 2009–2019. 12: 546], эти пушкинские заметки стали известны ему еще в рукописи, т. е. до отъезда за границу в июне 1836 г. Примечательно также, что изображение Гоголем в повести «Рим» «цивилизованного» Парижа во многом соответствует оценке Пушкиным парижской жизни в «Арапе Петра Великого». Гоголевское противопоставление патриархального Рима и блестящего Парижа (в той же повести) — как своего рода прообразовательных подобию Москвы и Петербурга, — в свою очередь, может отчасти рассматриваться в свете представлений блаженного Августина о двух градах.

Согласно наблюдениям Гоголя, то же «истязание», т. е. сходное духовное и интеллектуальное обнищание человека, происходит при всепроникающем западном влиянии и в других сферах жизни. Так, подобно промышленной системе разделения труда, сходная чиновная бюрократия, мертвящее европейское производство бумаг, превращает героя «Шинели» — человека далеко не бесталанного, с задатками гениального художника — в ничтожного переписчика.

(«Шинель», как и другие произведения Гоголя, в свою очередь, является одним из воплощений «душевного города» писателя. «Проблемы» «утирального»¹ советника Башмачкина (как и проблемы одного из героев второго тома «Мертвых душ» — юного помещика Тентетникова, служащего в Петербурге на ничтожной должности переписчика) — это проблемы самого Гоголя, которые встали перед ним сразу по приезде в Петербург. «Разделение труда», обрекающее человека на механическое переписывание, непосредственно коснулось тогда нежинского выпускника, который сначала был «употреблен» лишь «на испытание» в петербургском Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (должности здесь, даже самой мелкой, Гоголь так и не получил); затем — был определен «на вакансию писца» в Департамент уделов [Виноградов 2001; 2017–2018. 2: 50, 52, 64, 67]. Из службы на новом месте Гоголь, по его признанию, «извлек <...> только разве ту пользу, что научился сшивать бумагу» [Виноградов 2017–2018. 2: 68].)

Мысль о том, что западноевропейское разделение труда, годное в лакейском деле, приводит человека к утрате дарованных способностей, отчетливо звучит и в сохранившейся первой главе второго тома поэмы:

И почувствовал, что это разнообразие работ мужика, который сам своим трудом может и накормить, и одеть, и обстроить, земледелец, ткач, сукновал, и молотит, — одним уже разнообразием этих работ, что был умнее... (не дописано) [Гоголь 1937–1952. 7: 291].

О многообразии народных талантов Гоголь размышлял ранее в «Тарасе Бульбе»:

¹ [Гоголь 1937–1952. 5: 126].

Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу... [Гоголь 2009–2010. 1/2: 308]; Современные иностранцы справедливо дивились тогда необыкновенным способностям его [Гоголь 2009–2010. 1/2: 308].

Столь же искусным тружеником — не только умелым мастеровым, но и талантливым художником — и искусным певчим — является кузнец Вакула в «Ночи перед Рождеством»:

...Замечательное свойство Вакулы — кузнец постоянно занят делом... <...> починить бричку, <...> сделать сундук, <...> расписать узорами новую посуду... <...> глаза и руки трудового человека постоянно ищут дела [Вишневская 1981: 4].

13. Неидеальный герой Пушкина (образ Евгения Онегина)

Гоголевская аналогия, содержащая уподобление новейшего явления современности — европейского разделения труда — организации труда в лакейской, вполне понятна. По Гоголю, как лакеи обслуживают барина, так же весь мир, по наступлении «завоеваний» промышленной революции, работает на производство обольщающей и развращающей роскоши — «низкой роскоши XIX столетия <...>, выведшей на поле деятельности золотильщиков, мебельщиков, обойщиков <...> и кучи мастеровых и лишившей мир Рафаэлей, Тицианов, Микель-Анжелов...» (повесть «Рим»; [Гоголь 2009–2010. 3/4: 193]). Главным «идеалом» земного града — и бедных, и богатых, господ и слуг, без различия, — становится земное обогащение и комфорт. Еще в 1834 г. в статье «Скульптура, живопись, музыка» Гоголь, противопоставляя высокие искусства «низкой» промышленной роскоши — услужливой деятельности «золотильщиков, мебельщиков, обойщиков», «столяров Гамбсов» [Гоголь 2009–2010. 6: 96] — подчеркивал, что «все составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства»; на нас «наступает <...> и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век»

[Гоголь 2009–2010. 6: 288]¹. (Приоткрывая изнанку «просвещенной» таким образом жизни, Гоголь во втором томе «Мертвых душ» добавлял: «Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: <...> тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса...» [Гоголь 2009–2010. 5: 456].)

К размышлениям о недостатках и пороках «рационально» устроенного современного земного «града» — средоточия новейшей промышленной цивилизации — Гоголь подходил вместе с А. С. Пушкиным. Двукратное гоголевское противопоставление (в 1834 и 1842 гг.) вдохновляющих искусств ремесленной развращающей роскоши было еще ранее, уже в 1825 г., высказано Пушкиным — в произведении, широко известном, — в первой главе «Евгения Онегина».

Прежде чем коснуться этой важной пушкинской темы, необходимо подчеркнуть, что, вопреки сложившейся традиции видеть в главном герое «Евгения Онегина» чуть ли не положительный образ, самим Пушкиным Онегин — представитель среды «лишних людей» — задумывался «неидеальным». Широко известны слова поэта о похожем герое «Кавказского пленника». Размышляя о преждевременной старости современного молодого поколения, испорченного «цивилизованной» роскошью, Пушкин в 1822 г. в письме к В. П. Горчакову замечал:

Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века [Пушкин 1937–1959. 13: 52].

В «Евгении Онегине», характеризуя круг интересов современного героя, Пушкин принципиально *исключал* его из числа тех, что наделяны поэтическим талантом и историческим кругозором — и столь же недвусмысленно делал героя сторонником новейших экономических теорий — и соответствующего образа жизни — «забав и роскоши» [Пушкин 1825: 19, 30]. Хрестоматийно известная характеристика Онегина, которую читатель пробегает по большей части не очень в нее вдумываясь, на деле содержит в себе весьма нелицеприятную оценку героя:

¹ См. подробнее: [Виноградов 2010].

Он рыться не имел охоты / В хронологической пыли... <...> Высокой
страсти не имея / Для звуков жизни не щадить, / Не мог он ямба от хорея, /
Как мы ни бились, отличить. / Бранил Омера, Феокрита; / Зато читал Адама
Смита, / И был глубокий эконом... [Пушкин 1825: 6–7].

С первой главой «Евгения Онегина», где появляются эти строки, Гоголь познакомился сразу по ее выходе — еще в шестнадцатилетнем возрасте [Виноградов 2017–2018. 1: 452–455].

Образ жизни пораженного недугом ранней старости, «непоэтического» Онегина Пушкин обличал и в последующих произведениях. Так, в 1836 г., в период тесного общения с Гоголем, характеризуя одно из наиболее ярко выраженных обществ новейшего типа — «Северо-Американские Штаты», — поэт вновь подчеркивал пагубность того быта, в который погружен лишенный поэзии герой его «романа в стихах»:

С изумлением увидели <...> все возвышающее душу <...> подавленное
<...> страстию к довольству (comfort)... [Пушкин 1836а: 205]¹.

В 1844 г., полностью игнорируя авторское понимание неидеального характера Онегина, В. Г. Белинский представлял пушкинского героя как человека, якобы ограниченного в своем развитии отсутствием достойного поприща [Белинский 1844: 62, 64–65]. Толкование радикального критика носило характер политически ангажированный и на полтора века стало главным оправданием «лишних людей» — якобы незаурядных талантов, лишенных возможности реализовать себя в «удушающей» обстановке «никалаевского времени» (см. подробнее: [Виноградов 2018b; 2019a]). Следует, однако, вполне определенно — недвусмысленно и однозначно — подчеркнуть, что, несмотря

¹ Своеобразно это пушкинское противопоставление американских «идеалов» «всему возвышающему душу» (соответствующее представлениям блаженного Августина о смещении двух градусов в земной истории) преломляется в современных работах, в частности, в статьях Н. А. Кубанева и Л. Н. Набилкиной «“Третий Рим” и “Град на холме”: Мессианское в русской и американской культурах» [Кубанев, Набилкина 2006]; Р. М. Руповой «Иерусалим и Силиконовая долина: два полюса современной цивилизации» [Рупова 2023].

на неумеренные восторги недальновидных читателей, сделавших из пушкинского героя едва ли не кумира для подражания — «В то время <...> Евгений Онегин Пушкина служил образцом для молодых людей...» [Панаев: 485] (особенно на пушкинского героя старался походить, вплоть «до конца жизни», один из последователей Белинского И. С. Тургенев [Панаев: 485–486]), — сам Пушкин — поэт-реалист, верное «зеркало» окружающей жизни [Гоголь 2009–2010. 6: 177], нередкий приятель и нелюбимый наблюдатель многочисленных светских денди, — смотрел на своего героя определенно критически. В первой главе поэмы поэт предупреждал читателей:

Всегда я рад заменить разность / Между Онегиным и мной, / Чтобы какой-нибудь издатель / Замысловатой клеветы, / Сличая здесь мои черты, / Не повторял потом безбожно, / Что намарал я свой портрет... [Пушкин 1825: 45–46].

«Близнец» Онегина — не автор, а граф Нулин из одноименной поэмы Пушкина, вернувшийся «из чужих краев» «с запасом фраков и жилетов», «с *bon-mots* Парижского двора» («*Et cetera, et cetera*») [Пушкин 1827а: 8], — и соответствующая ему лукавая воспитанница «эмигрантки Фальбала» из той же поэмы [Пушкин 1827а: 5]. Образовательный багаж героев «Графа Нулина» точно соответствует образованию Онегина: «Сперва *Madame* за ним ходила, / Потом *Monsier* ее сменил» («Граф Нулин» [Пушкин 1825: 3]). Ночные похождения «просвещенного» графа-«нуля» к чужой жене вполне соответствуют светскому образу жизни Онегина.

Выразительный пример того, насколько пушкинский герой «не совпадает» с обликом самого автора, представляет именно описание «науки <...> нежной», которую основательно освоил юный, стремительно состарившийся, морально, Онегин — «Как рано мог он лицемерить...» (глава первая [Пушкин 1825: 2, 8]). Сам Пушкин в 1822 г. по поводу этой «науки» своего героя не без сарказма писал брату:

Замечу <...>, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия [Пушкин 1937–1959. 13: 524].

«Преждевременная старость» Онегина — та же черта, которую обличал Пушкин в герое «Кавказского пленника». Тем не менее, несмотря на предупреждение автора к своим читателям и критикам *не* видеть в Евгении Онегине его «портрет», многие современники-обыватели дистанцию между поэтом и его героем так и не заметили. Именно это три года спустя, вероятно, буквально *вынудило* Пушкина, уже в четвертой главе «Евгения Онегина», вновь обратиться к уже разоблаченной в первой главе лицемерной «науке» героя: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей...» [Пушкин 1828: 11]¹. На этот раз, в 1828 г., поэт еще с большей наглядностью подчеркнул, что «морали» своего героя он отнюдь не разделяет. Прямо по имени Пушкин назвал в 1828 г. то, чем большую часть времени занят его «молодой повеса» — «в чем он истинный был гений» [Пушкин 1825: 2, 7]:

Разврат бывало хладнокровной / Наукой славился любовной... <...> Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времян... («Евгений Онегин», глава четвертая [Пушкин 1828: 11–12]).

В критической оценке любовного «искусства» Онегина — «искусства», «достойного старой обезьяны XVIII столетия» [Пушкин 1937–1959. 13: 524], — Пушкина в полной мере поддержал Гоголь. В самой поэме Пушкин, характеризуя распутство «дедовских времян», упоминал о фривольном романе французского писателя Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фобласа» (1787–1790): «Его ласкал супруг лукавый, / Фобласа давний ученик...» [Пушкин 1825: 11]. Гоголь в 1836 г. в рецензии на книгу А. Г. Ободовского «Руководство к педагогике...», предназначенной для пушкинского «Современника», подразаумевая эти строки «Евгения Онегина», замечал:

...Раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия; ...Нравственность этого века была не очень чиста... <...> Все старики тогда читали душеспасительные книги, вся молодежь, напротив, читала

¹ Добавим, что непосредственно этим строкам предшествует в поэме Пушкина исключенный уже при первом издании четвертой главы «Евгения Онегина» отрывок «Женщины» — реминисценции которого в раннем эссе Гоголя были рассмотрены выше [Пушкин 1827b] (см. раздел 7-й наст. статьи).

Фоблазов и других, и <...> оказывалось <...>, что едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах [Гоголь 2009–2010. 7: 494].

Кроме «фобласовских» черт Онегина, современники приписывали также Пушкину непристойное стихотворение «Первая ночь». Сам Пушкин об этом анонимном произведении отзывался как о «скверных стихах, исполненных отвратительного похабства» — «которые публика благосклонно и милостиво» ему «приписывала» (дневниковая запись 1834 г. [Пушкин 1937–1959. 12: 328]) (см. подробнее: [Дубровский 2008]). Одного из изготовителей подобной «литературы» — С. А. Неелова (1779–1852) — Пушкин называл «певцом навоза» («le chantre de la merde»; *фр.*) (письмо к князю П. А. Вяземскому 1825 г. [Пушкин 1937–1959. 13: 184]).

Гоголь в 1834 г. в свою очередь писал:

Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильной известностью. <...> Таким образом, начали <...> Пушкину приписывать: «Лекарство от холеры», «Первую ночь» и тому подобные [Гоголь 2009–2010. 7: 275].

Показательно, что общим для Пушкина и Гоголя оказалось и отношение к житиям святых — многочисленным примерам преодоления плотских соблазнов¹. Пушкин писал: «...Есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят... <...> ...Не можем <...> не дивиться крайнему их нелюбопытству» [Пушкин 1836b: 314].

В 1835 г. Гоголь, следуя намерению Пушкина подчеркнуть и укрупнить неидеальные черты Онегина, создал в «Ревизоре» образ пустышки Хлестакова, в котором пушкинский герой угадывается вполне отчетливо². Какие-то черты завсегдастая паркетов Онегина «достались» и лицемеру Чичикову³.

¹ См. подробнее: [Анненков 1855: 386–389; Прохоров 1941; Фомичев 1987: 28–32; Сураг 1997: 196–199; Юрьева 1998: 85–90, 106, 121, 184–187, 225–227; Грюнберг 2009; Федотова 2020].

² См. подробнее: [Виноградов 2009a].

³ У Пушкина: «Имел он счастливый талант / Без принужденья в разговоре / Коснуться до всего слегка, / С ученым видом знатока...» [Пушкин

В свою очередь с названием поэмы Пушкина о графе-«нуле», с ничтожным парижским багажом, вероятно, связана в гоголевских «Записках сумасшедшего» 1834 г. реплика начальника отделения в адрес «просвещенного» — сластолюбивого — петербургского чиновника Поприщина: «...Ведь ты *нуль*, более ничего» (Курсив мой. — *И. В.*) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 162].

14. *«Зато читал Адама Смита»:
от Пушкина к Гоголю*

Много лет спустя после смерти Пушкина Гоголь, подразумевая безуспешные попытки поэта обратить внимание публики на «неидеальность» своего героя (несмотря ни на что читатель продолжал видеть в Онегине «портрет» Пушкина и «образец» для личного подражания) писал:

Он хотел было изобразить в «Онегине» современного человека и разрешить какую-то современную задачу — и не мог [Гоголь 2009–2010. 6: 170].

Обличение пороков и роскоши — причем вполне «по-пушкински», как явлений однопорядковых, друг с другом связанных — Гоголь предпринял в 1834 г. и в «Невском проспекте». Гоголь изобразил здесь падшую красавицу и торгующих предметами роскоши немцев-ремесленников. По Гоголю, одетая в роскошный плащ петербургская Липушка, сделавшая из дара красоты «ремесло»¹, становится в то же время

1825: 5]. У Гоголя: «Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; <...> говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...» [Гоголь 2009–2010: 5: 19].

¹ В житии преподобной Пелагии Антиохийской, бывшей блудницы, которое Гоголь читал с особым вниманием (напечатано и у св. Димитрия Ростовского, и у св. Иоанна Лествичника [Виноградов 2017–2018. 7: 40]), святитель Нонн, епископ Илиопольский, молится об обращении падшей женщины: «Да не поробует сицевая красота бесом, но обрати ю к Себе, да славится о ней имя Твое святое...» [Димитрий Ростовский 1764.

и «поощрительницей» роскоши («мануфактурности»). — Один из героев Гоголя, помещик Костанжогло во втором томе «Мертвых душ» по поводу этой составляющей европейской промышленности замечает: «...Из Лондона мастеров выписали... <...> Прядильные машины... кисеи шляхам городским, девкам» [Гоголь 2009–2010. 5: 428]. — Как известно, Пушкин называл «Невский проспект» Гоголя «самым полным из его произведений» [Пушкин 1937–1959. 12: 27].

Одним из ключевых в пушкинской характеристике «непоэтического» Онегина является упоминание об Адаме Смита — шотландском экономисте, авторе четырехтомного «Исследования свойства и причин богатства народов» (1776) (русский перевод книги вышел в самом начале XIX в.: [Смит 1802–1806]). С выходом в свет сочинения А. Смита к трудам «божественного» Платона, посланиям св. апостолов, сочинениям пресвитера Руфина, блаженного Августина — которые последовательно размышляли о проблеме «распределения работ», — в общественном сознании прибавилось, в согласии с духом новейшего времени, принципиально иное освещение вопроса. Главный тезис европейского философа-политэконома А. Смита в его труде, — хорошо известном (как явствует из вышеизложенного) и пушкинскому, и гоголевским героям (главным образом в «Игроках» и «Лакейской»), — прост: разделение труда есть источник *богатства*. А. Смит констатировал, что новейший комфорт, роскошь широко распространены в новое время «даже и в простом народе», — а «люди богатые издерживаются паче всего на роскоши и суетность» [Смит 1802–1806. 1: 165; 4: 289]. Экономист отмечал:

...Без вспомоществования и содействия многих тысяч <людей> самого низкого состояния человек в просвещенной стране не может быть снабден <...> удобным образом... <...> ... В сравнении с необычайною роскошью знатных особ, снабдение его (“самого низкого состояния человека”. — *И. В.*)

1: 192]. Содержание жития преподобной Пелагии нашло прямое отражение в первой из напечатанных повестей Гоголя, в образе демонического Бисаврюка в «Вечере накануне Ивана Купала» (1830): «Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист... <...> девать некуда» [Гоголь 1830: 242]. В житии Пелагии: «...Прииде диавол <...> и нача глаголати к ней: <...> не камением ли многоценным и утар<ь>ми и ризами украсих тя...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 194].

несомненно кажется <...> только что удобным, однако ж <...> сей последний в удобствах в жизни превышает многих Африканских владельцев... [Смит 1802–1806. 1: 26–27].

Обращаясь к самым богатым, А. Смит писал:

...Тщетно мыслят Короли и Министры быть блюстителеми хозяйственности частных людей, <...> думая обуздать издержки их посредством претительных законов или запрещения ввоза иностранных к роскоши служащих товарах. Они-то сами, и без всякого исключения, бывают величайшие расточители из всего общества [Смит 1802–1806. 2: 184]; В стране <...>, избилующей всякого рода дорогими к роскоши служащими товарами, и Государь, подобном знатным Господам владений своих, натурально издерживает большую часть доходов своих на оные роскошества [Смит 1802–1806. 4: 461].

По книге А. Смита Гоголь мог судить и о постепенном разрастании «лакейской» во всех сферах общества, о распространении «человекоугодия», т. е. потворства низменным устремлениям, на все ступени социальной лестницы, а также об *общей* судьбе слуг и зависимых рабочих(-тниц) — и об их повсеместном умножении:

Когда владелец <...> имеет больше доходу, <...> то весь избыток свой <...> обращает на содержание одного, двух или более слуг. По мере приращения избытка <...> он умножает и число служителей своих. Когда независимый мастеровой <...> имеет больше капитала, <...>, то за избыток <...> нанимает <...> одного или двух поденщиков... <...> По мере приращения избытка <...> он, конечно, умножать будет и число работников своих [Смит 1802–1806. 1: 144–145].

Как и в наброске ко второму тому «Мертвых душ» («Какой тесный» круг, какое стеснение ума¹), Гоголь проявляет сочувствие к отупляющей и унижительной участи обитателей земного града. В повести «Рим» он писал о «тягостном выражении в лицах», которое подмечает его герой «на синих блузах² и на всем народонаселенье» цивилизован-

¹ РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

² Синяя блуза — традиционная одежда французского простонародья.

ного Парижа — «великой выставки всего, что производит мастерство, художество и всякий талант», где «один силится пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 181–182, 186, 194]. Компенсируя свое унижение, деградацию своего сияющего таланта, падшая красавица «цивилизованного» Петербурга (*утопающая* в адской «пучине» [Гоголь 2009–2019. 3/4: 18]) в свою очередь демонстрирует у Гоголя «мораль», сходную с «философией» праздных лакеев, сторонников «разделения труда»: «Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 27]. (Такую же реплику произносила ранее у Гоголя не менее гордая *утопленница*-самоубийца в «Майской ночи...»: «Она мучила меня, заставляла работать, как простую мужичку» [Гоголь 2009–2019. 1/2: 149]. Противоположные примеры отношения к любому *честному* труду — в жизнеописаниях святых: «...И служаша <...> усердно со смирением, не стыдяся и тех работ, яже рабыни делаху, но вся с ними купно работаше, аки едина от рабынь творяся...» (житие преподобной Макрины Каппадокийской [Димитрий Ростовский 1764. 4: 355 об.])

Разделения труда в принципе Гоголь, следуя апостольскому наставлению, не отрицал. В 1847 г. в письме к художнику А. А. Иванову он замечал: «...И лакейское место ничем не дурно, если взглянуть на него в христианском смысле... <...> Нужно уважать путь и дорогу всякого человека...»¹ [Гоголь 2009–2010. 14: 57–58]. В статье «Чей удел выше

¹ См. также в житии преподобной Евпраксии Константинопольской: «...И творя вся подлейшие дела со смирением: изметаша трапезную хранину, и прочия келлии; постилаша сестрам постели; воду в поварню и дрова ношаше, и варяше снеди, и омываше сосуды...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 402 об.–403].

В житии священномученика Александра Команского: «В крайнее же смирение приходя Александр блаженный, <...> вдаде себе последнему художеству, еже делати углие и продаяти...» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 495].

В житии св. великомученика Евстафия Плакиды: «...Нача работати, наемлющися у обитающих тамо, <...> и труждашеся в том, к чесому не обykl есть» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 97 об.]; св. Петра Африканского: «...Работаше, делая дело, ему же не навиче прежде, овогда поварною службу творя, овогда же гной из дому <...> очищая, иногда же в винограде землю копая, и иными работами и страдансьми муча тело свое, смиряяся безмерно» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 111 об.]; пре-

на земле», размышляя над притчей о талантах (Мф. 25, 14–30; Лк. 19, 11–27), он подчеркивал, что для исполнивших свой долг на земле, — и того, что получил один талант, и того, кому было вверено пять, — посмертная участь «равно завидна» [Гоголь 2009–2010. 6: 153]. Хорошо знакомый, с юности, с «Лествицей» св. Иоанна Синайского, Гоголь знал и одно из наивысших проявлений христианского смирения, когда подвижник приходит к пониманию, что он недостоин дарованных ему талантов (тех, что у гордого человека вызывают обычно лишь заносчивое самолюбование). Гоголь писал, что участь «последнего нищего», представляется ему «еще лучше», чем участь «царя», — «именно оттого», что получивший мало талантов «не пользовался на земле известностью и не вкушал очаровательного напитка земной славы» [Гоголь 2009–2010. 6: 153]. Опираясь на поучение «Лествицы», Гоголь в 1844 г. советовал А. О. Смирновой:

...Не просите <...> у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их... <...> ...Недаром Давид восклицал не один раз: Боже, ослаби ми волны Твояе благодати! [Гоголь 2009–2010. 12: 557–558]. (Гоголь приводил здесь, по памяти, с неточной ссылкой на св. пророка Давида, поучение св. Иоанна Лествичника: «Обилие же снисходящих на нас Божиих дарований мы, яко оных недостойные, считаем тогда как бы за усугубление тяжчайшего нам за грехи наказания. <...> Есть <...> такие <...>, кои для самого оных Божиих дарований на них изливания смиряются, почитая себя сокровища сего недостойными, и ежедневно долги свои умножающими. <...> Кто прежде будущего оною для праведных лучезарного света удостоился иметь такое бесстрашие, каковое имел Ефрем Сирий? Преславный во пророцех Давид глаголет к Богу: Ослаби ми, да почию (Пс.

подобного Феодора Печерского: «...Постави <...> в пещере жерновы, и нача работати на братию, нося из монастыря жито, и сам своими руками измеливая, <...> и не стыдяся о таковом деле» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 491].

В повествовании об Успении Пресвятой Богородицы сообщается, что у Богоматери были две бедные вдовицы, которые служили Ей «со усердною <...> любовью» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 510 об.]. — «Мнози бо с высотой благородства своего, без благих дел в глубину адску впадают, прости же с смирением своим благодетельным посреде Божия рая возносятся...» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 69 об.].

38, ст. 14); а сей подвижник Божий вопиет: ослаби ми волны Твоя благодати» [Иоанн Синайский 1823: 113 об., 117, 169].)

В упомянутом предсмертном завещании «Друзьям моим» Гоголь писал: «Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны...». Исходя из законности земледельческого труда (Быт. 13, 19; Сир. 7, 15)¹, Гоголь более всех занятий признавал ту форму трудовой деятельности, которая преобладает в обществе, основанном на земледелии — менее подверженном роскоши и обезличивающему промышленному разделению труда. В этом Гоголь опирался не только на собственные наблюдения, но и на выводы А. Смита:

В земледелии, по свойству оною, не может быть толикого раздробления труда, ниже толь полного разделения одного ремесла от другого, как в мануфактурах... [Смит 1802–1806. 1: 14].

Размышляя о приоритете земледелия над другими видами деятельности, Гоголь, по-видимому, разделял и следующее положение А. Смита:

Поелику пропитание в естественном течении вещей предшествует удобству и роскоши, то и труд, доставляющий первое, необходимо должен предшествовать и *предпочтен быть* производящему последнее. (В пушкинской поэме этому рассуждению А. Смита соответствует замечание поэта о том, «как государство богатеет, <...> когда простой продукт имеет» [Пушкин 1825: 7]. — *И. В.*) А посему удобрение и возделание полей, доставляющих пропитание, необходимо долженствует предшествовать составлению и приращению городов, доставляющих токмо средства к удобности в жизни и к роскоши... (Курсив мой. — *И. В.*) [Смит 1802–1806. 2: 255].

Выкладкам шотландского экономиста в гоголевских подготовительных материалах соответствуют по крайней мере три заметки сходного

¹ Об этом, в частности, размышляет помещик Костанжогло во втором томе «Мертвых душ». О том же Гоголь напоминает в статье «Русский помещик» и заметке <Труд>.

содержания — одна «ранняя» и две «поздних». В одной из записных книжек 1840-х гг. он пометил:

Торговля металлами. В прочих предметах ее Пермская губерния есть более передающая, нежели производящая. <...> Движение внутренней торговли почти всё производится потребностями заводов, которых снабжение обеспечивает <которые снабжает> весь юг губернии. Так велико количество рабочих на заводах [Гоголь 2009–2010. 9: 665].

В другой карманной книжке он записал:

С Далем о сословиях нынешних обществ и о *пролетариях* в наших городах. С Бенардаки — как велики средства России и *возможность продовольствовать нынешних поедателей всех сортов* (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 9: 710].

С сочинением А. Смита Гоголь, судя по всему, познакомился довольно рано. В еще одной гоголевской тетради для записей — относящейся к 1833 г. — имеется соответствующая неозаглавленная заметка, в которой перечисляются промышленные доходы западных стран, в частности, Швеции. Согласно заметке, шведскую торговлю (как и оборот Пермской губернии в позднейшей выписке) составляет по преимуществу вывоз металлов. Торговля здесь тоже подчинена удовлетворению насущных нужд, которые собственным производством *не* обеспечиваются:

Швеция — доход 4 мил<лиона>. Товары — медь, железо и дерево. Перевес торговли теряется, потому что нужды ее превосходят вывоз [Гоголь 2009–2010. 8: 322].

15. «Мертвые души» и симфония талантов

Признавая разумное разделение труда, Гоголь в 1840 г. писал сестре в родную Васильевку: «...Так как одному человеку нельзя входить во всё, то по этому самому и должно непременно разделить труды» [Гоголь 2009–2010. 11: 319]. В житии преподобного Феодора Студита на этот счет говорится:

Потщая же преподобный и о сем, да <...> внутрь монастыря всякое художество имети: и учими бываху братия различному художеству, <...> древодел<ь>ству и зданию, <...> кузнечеству, <...> тканью, <...> каменисечению, и всякому, еже монастырю потребно есть, делу [Димитрий Ростовский 1764. 1: 346].

В статье «Русский помещик» подразумеваемая вместе с обычным «распределением работ» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 418–419] апостольское слово о разделении дарований, и слова Самого Спасителя об ответственности за дарованные таланты (Мф. 25, 14–30; Лк. 19, 11–27), Гоголь добавлял: «...Всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом» [Гоголь 2009–2010. 11: 110]. (Разделение дарований между людьми Гоголь простирал даже на отличия между нациями: «И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностями и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом...»; «Мертвые души» [Гоголь 2009–2010. 5: 107].) «Что ж другое все способности и дары, которые разные у всякого? — говорит у Гоголя во втором томе поэмы один из героев. — Ведь это орудия моленья нашего...» [Гоголь 2009–2010. 5: 345].

Напоминая о баснях И. А. Крылова, Гоголь в статье о русской поэзии замечал, что в одной из них — «Стоячий пруд» — баснописец укоряет современников за то, что дали «задремать своим способностям», в другой — «Сочинитель и разбойник» — «за развратное и злое их направление» [Гоголь 2009–2010. 6: 181]. Об общественном служении и, одновременно, о расхищении талантов («талант» в древности означал меру серебра) речь идет и в «Развязке Ревизора» — произведении о земном и «душевном» градах. Имея в виду ответственность человека пред Богом и перед собой — его вину в краже у самого себя духовных талантов, Гоголь дважды подчеркивал, что страсти — «безобразные чиновники» «безобразного душевного нашего города» — «воруют казну собственной души нашей», — «крадут сокровища души нашей» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 493, 496].

Именно соответствие христианским началам, раскрывающим в человеке — образе и подобии Божиим — его настоящее назначение, способно, по Гоголю, раскрыть в его героях — в «мертвых душах» Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина — незаурядные дарования разнообразных русских поэтов — опошленными подобиями кото-

рых они являются¹. Герои поэмы по отношению к Граду Божию — это, как уже говорилось, изображенный с мыслью о возрождении «жалкий и несчастный осадок человечества» — лица, подобные обитателям «пепельной» петербургской Коломны, выведенные Гоголем в 1834 г. в повести «Портрет» [Гоголь 2009–2010. 7: 306]². Здесь все «осело от движения столицы», «оставляют <...> молодые желания и порывы», «сюда не заглядывает живительное радужное будущее», но «все тишина и отставка» [Гоголь 2009–2010. 7: 304]. Этот мир Гоголь характеризует как предапокалиптическое «ни се ни то» [Гоголь 2009–2010. 7: 304] (ср. Откр. 3, 15), которое мыслится вновь в парадигме города:

Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок, потому что раздробленность <...> цивилизованной жизни проникла и сюда... [Гоголь 2009–2010. 7: 304].

Именно «раздробленные» типы «отставной» петербургской Коломны явились, вместе с контрастными им образами лучших русских поэтов — Жуковского, Батюшкова, Языкова, Державина, Пушкина, — основой для пяти главных героев-помещиков «Мертвых душ».

О замысле своей поэмы Гоголь в <Авторской апологии> сообщал:

Мне хотелось <...>, чтобы по прочтенье моего сочиненья предстал как бы невольню весь русский человек, со всем разнообразьем *богатств и даров*, доставшихся на его долю преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, — также преимущественно перед всеми другими народами (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 224–225].

О том, как образы «мертвых душ» связаны с размышлениями об употреблении талантов, т. е. о состоянии «душевного города» каждого человека, Гоголь пояснял в письме к поэту Н. М. Языкову от 26 декабря (н. ст.) 1844 г.:

¹ См. подробнее: [Виноградов 2000: 320–346; 2009b; 2017a; 2017b; 2017–2018. 4: 454–457; 2022a].

² См. выше разделы 3-й и 4-й наст. статьи.

...Уж если предаваться страху, то следовало бы предаться ему не по поводу каких-либо внешних событий, но <...> вперивши внутреннее око во глубину души своей, где предстанут им все погребенные ими способности души, которых не только не употребили в дело во славу Божью, но оплевали сами, попрали их и отлученьем их от дела дали ход волчцам и терниям покрыть никем не засеваемую ниву [Гоголь 2009–2010. 6: 562].

Еще в 1836 г., подчеркивая многообразие русских талантов, Гоголь восклицал:

И как все эти поэты различны между собою, какие сильные противоположности представляют они в собрании своем воедино, какие многообразные стороны русского духа они представляют! Как широко раскинут фундамент колоссального здания будущего русской литературы! [Гоголь 1937–1952. 8: 538].

Об этом же Гоголь писал в 1831 г. В. А. Жуковскому — подразумевая «фундамент» русской литературы и, одновременно, единое, во многих членах, с разными талантами, тело Церкви:

Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имеют место, где возносить умиленные молитвы свои [Гоголь 2009–2010. 10: 165].

Гоголевский образ несет в себе очевидные новозаветные реминисценции. Сходные строки встречаются в Послании св. апостола Павла к Ефесянам:

...Вы уже не чужие и не пришельцы, но сожители святых и свои Богу, будучи утверждены на основании Апостолов и Пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание стройно возрастает в храм, посвященный Господу, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом¹.

¹ Еф. 2, 19–22; цит. по: [Новый Завет 1822: 720].

Такие же строки содержатся в Первом Соборном послании св. апостола Петра:

Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу, Иисусом Христом¹.

В послании к М. П. Погодину от 1 декабря (н. ст.) 1838 г. Гоголь замечал: «Но мы можем, как первые христиане в катакомбах и затворах совершать наши творения» [Гоголь 2009–2010. 10: 165]. До конца жизни он называл А. С. Пушкина «нашим первоапостолом» [Виноградов 2017–2018. 7: 184]. Речь при этом шла, однако, не о некоей условной «литературной» церкви, или «храме» (против этого резко возражал сам Гоголь; см.: [Гоголь 2009–2010. 13: 65, 476]), но о самой святой соборной и апостольской Церкви — Горнего града, с его исполненными разнообразных дарований «небесными гражданами».

В этом свете Гоголь осмыслял и назначение христианского монарха — правителя земного града, призванного служить вдохновляющим и организующим началом для других — обеспечивать социальное согласие талантов — без чего те, из-за самого обилия их и разнообразия, могут вступать — и вступают — в противоречие друг с другом. Говоря об этом в статье «О лиризме наших поэтов», Гоголь прямо ссылаясь на Пушкина:

Как умно определял Пушкин значение полномочного монарха... <...> «Государство без <...> монарха то же, что оркестр без капельмейстера... <...> ...Уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить <...> какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!» [Гоголь 2009–2010. 6: 42–43].

От себя Гоголь добавлял:

¹ 1 Петр. 2, 4–5; цит. по: [Новый Завет 1822: 540].

Полномощная власть монарха не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества. Чем более всякое звание и должность станут входить в свои законные пределы и отношения между собою всех станут определяться точней, тем более окажется потребность верховою силой... [Гоголь 2009–2010. 6: 577]; ...Государь <...> один может только <...> обратить в стройный оркестр государство [Гоголь 2009–2010. 6: 46].

Обращаясь к «душевному городу» каждого, Гоголь писал: «Кто получил много способностей и сил, тому нужно много стараться о приведении всего, что ни есть в нем, в стройность» (<О благодарности>; [Гоголь 2009–2010. 6: 314]). Такой же призыв Гоголь адресовал ко всякому «занимающему важное место» (по-видимому, вновь приводя при этом на память образ Руси-тройки¹):

Устроить дороги, мосты и всякие сообщения, <...> есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремленье к полному развитию сил его <...>, есть дело еще нужнейшее [Гоголь 2009–2010. 6: 139].

Говоря о том, что монарх должен при этом «полюбить весь миллион» подданных «как одного человека» (Курсив мой. — И. В.) [Гоголь 2009–2010. 6: 577], Гоголь, очевидно, вновь подразумевал «душевный город» целого общества².

Еще одним аргументом было обращение к русской истории:

В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, <...> на всех поприщах стали выказываться русские таланты, — <...> полководцы, <...> государственные дельцы, <...> дипломаты, <...> словесники и ученые — появился и поэт, Державин, с тою же картинно-величавой наружностью, как и все люди времен Екатерины, развернувшиеся в какой-то еще дикой свободе... [Гоголь 2009–2010. 6: 158–159].

¹ См. выше разделы 3-й и 9-й наст. статьи.

² См. выше раздел 9-й.

Упоминание в этом ряду «полководцев», подразумевает, что в согласной симфонии талантов свое законное место в ряду других занимает, несомненно, и православный воин, т. е. благословляемый на брань, наделенный даром «силы и храбрости» [Димитрий Ростовский 1764. 4: 532 об.] защитник Отечества — в частности, полковник Тарас Бульба, прообразами которого Гоголю послужили гетманы и полковники из его рода, а также упомянутый родственник и сосед по имени Д. П. Трощинский, екатерининский вельможа и александровский министр, современник Державина, сменивший последнего на посту кабинет-секретаря Екатерины II [Виноградов 2009с: 622–623] (как отмечалось, черты полтавского имения Трощинского угадываются в изображении вымышленного Люненсдорфа в «Ганце Кюхельгартене»¹). Слова Гоголя о «блестящей выставке» разнообразных русских талантов точно соответствует строкам предисловия к житиям святых св. Димитрия Ростовского, изданных в 1764 г. вновь «повелением» Екатерины II:

Все и всякого звания и чина люди довол<ь>но для себе в книгах сих обрящут примеров: Высочайшие Власти <...>, Пасущие церковь Христову <...>, Военачал<ь>ники и воины <...>, Судии и гражданскии управители <...>, купцы <...>, простолюдины... <...> Осталося токмо всякому подражати своему примеру... [Димитрий Ростовский 1764. 1: 6–6 об.].

В последние годы жизни Гоголь, подводя итог своих размышлений об употреблении талантов, писал:

...После долгих лет и трудов, и опытов, <...> я пришел к тому, о чем уже помышлял во время моего детства: что назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному²... <...> Только так служа, можно угодить всем: Государю, и народу, и земле своей. Уверившись в этом, я <...> готов был тогда взять всякую должность, хотя, соображаясь с своими способностями, старался

¹ См. раздел 1-й.

² Ср. в житии преподобного Евфросина Палестинского: «...Служаше братьям в поварне, служаше же не яко человеком, но яко Богу... <...> Снедь варя братии, готовяше себе в Царствии Божии трапезу житием своим добродетельным» [Димитрий Ростовский 1764. 1: 69 об.].

выбрать такую, которая продолжала бы практически знакомить с русским человеком, чтобы <...> писать [Гоголь 2009–2010. 6: 244].

В самом начале жизненного пути — в то время, когда Гоголь еще не вполне осознал себя в качестве писателя, — размышления об избрании профессии в жизни занимали в его взглядах огромное место. Круг конкретных «призваний», которые он тогда примерял на себя, поражает. В его личном воображаемом «резюме» было по крайней мере *пятнадцать* разных специальностей и ремесел: юрист, портной (так!), художник, повар (!)¹, поэт, историк-этнограф, географ-путешественник, помещик (садовод и земледел), актер, чиновник (государственный деятель), журналист, педагог, писатель; возможно, священник; возможно, воин-офицер². Широкий выбор свидетельствовал не только о незаурядной одаренности Гоголя (сказавшейся впоследствии в его творчестве), но и о том, как непросто и небезболезненно находил будущий писатель свое место в земном и небесном граде. Позднее, в статье о русской поэзии, Гоголь подчеркивал:

Участь человека, одаренного способностями разнообразными и очутившегося без такого дела, которое бы заняло все до единой его способности, тяжелей участи последнего бедняка [Гоголь 2009–2010. 6: 178].

В статье «О Современнике» он добавлял:

Вопреки людям, жалующимся на недостаток талантов в нынешнее время, я вижу их теперь гораздо больше, чем когда-либо прежде. Они не по-

¹ В житиях святых послушание в «поварне» — одно из самых обычных: «Он же на вся труды готов показавашеся, пребываше в поварни, дрова секий, и воду носяй, и вярйя снеди...» (житие преподобного Кирика Палестинского [Димитрий Ростовский 1764. 1: 144 об.]). См. также: [Димитрий Ростовский 1764. 1: 69 об., 111 об., 220–221; 4: 402 об.–403]. Во всяком случае Гоголь считал себя специалистом в поваренном искусстве и в 1836 г. написал критическую рецензию на одну из кулинарных книг: «Если воспользоваться всеми этими рецептами, наставлениями, то можно сварить такую кашу, на которую и охотника не найдешь» [Гоголь 2009–2010. 7: 499].

² См. подробнее: [Виноградов 2023].

пали на свою дорогу. <...> Стремление узнать назначение свое есть теперь страданье многих людей, одаренных способностями [Гоголь 2009–2010. 6: 121].

В письме к Ю. Ф. Самарину от 3 января (н. ст.) 1846 г. Гоголь, размышляя о «погребенных <...> способностях души», которые человек «не употребил в дело во славу Божию» [Гоголь 2009–2010. 12: 562], также писал:

...Старайтесь заметить и открыть во всяком именно ту способность, которая в нем создана быть главною и находится в дремлющем состоянии; <...> старайтесь его навести <...> на деятельность и труд, <...> для которого у него таятся сокровенные силы, и он будет спасен... [Гоголь 2009–2010. 13: 240–241].

Судьба Небесного града в истории, начертанная блаженным Августином в эпоху крушения Римской империи, и христианский египетский град Оксирих, описанный пресвитером Руфином, — глубокие символические архетипы, обращенные к материальной и духовной реальности. Мотив города, шаг за шагом, от одного произведения к другому, проходит и через все творчество Гоголя, является ключевым для его художнического обличения и учительства, для самой истории духовного развития писателя. Многолетние наблюдения над разными типами городов, русских и европейских, изучение, через личный опыт, агиографию и патристику, «города» своей души, послужили Гоголю переходной ступенью к познанию Града Небесного. Соборное, церковное мышление Гоголя, ощущение всего человечества как единого тела обуславливало органическое единство его размышлений о личном «душевно-городе» с раздумьями об общем социальном устройстве — о призвании каждого и о разнообразных талантах «града» целого общества. Главное в историософии трактата «О граде Божиим...» блаженного Августина — обращение к финалу мирового процесса — Страшному Суду, окончательно отделяющего один град от другого. Земная история «душевного города» Гоголя тоже завершается «у дверей гроба» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 493]. Конкретные образы городов и городская символика обращены у Гоголя к самому смыслу существования человека и общества — к «поэзии» жизни, фоном и контрастом которой служат

всезрастающие «пустота» и «скука»¹, царящие в несправедном земном граде. Это и «главная выставка всех лучших произведений человека», саркастически изображенная в «Невском проспекте» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 10–11], и такая же «великая выставка всего», «размен и ярмарка Европы», представленная в панораме Парижа в «Риме» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 181–182], и огромное «чудовище» современного рынка, выведенное еще в «Сорочинской ярмарке» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 91]²: «...Всё рынок да рынок, презренный холод торговли и ничтожества!» (письмо к князю В. Ф. Одоевскому 1838 г. [Гоголь 2009–2010. 11: 137]); «...Непонятной тоской уже загорелась земля; <...> возрастает <...> в виду всех <...> исполинский образ скуки... <...> Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!» (статья «Светлое Воскресенье» [Гоголь 2009–2010. 6: 203]).

Удручающая картина земного града не стала, однако, для Гоголя поводом для уныния и старческой «отставки» [Гоголь 2009–2010. 7: 304] — душевного состояния «лишнего человека». В статье «Христианин идет вперед», обращаясь, в который раз, к Четым-Миньям св. Димитрия Ростовского, он писал:

...Пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. <...> ...Перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги. <...> Вот причина, почему христианин тогда идет вперед, когда другие назад... [Гоголь 2009–2010. 6: 54].

Особое место в размышлениях о «душевно́м городе» занимают аскетические устремления Гоголя, его намерение принять в 1845 г. монашеский постриг [Виноградов 2017–2018. 5: 121, 128, 130]. Немалую роль в решении уйти в «пустыню», сыграла, очевидно, опять-таки житийная литература. Тяга к монашеству соответствовала убеждению Гоголя, что «истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно в провинции» [Виноградов 2017–2018. 7: 13]³:

¹ [Гоголь 2009–2010. 1/2: 497; 5: 502].

² См. раздел 9-й наст. статьи.

³ См. раздел 4-й наст. статьи.

Растяше бо и множашеся слава Божия в местах пустынных и непроходимых паче, неже посреде народных градов, в нихже беззаконие и пререkanie обретаеся [Димитрий Ростовский 1764. 1: 143]. — И потому выдте из среды их, и отделитесь, говорит Господь...¹. Видех беззаконие и пререkanie во граде (Псал. 54, 10), <...> изыдоша вне града... [Димитрий Ростовский 1764. 1: 389]; Святыи же <...> глагола: яко никогдаже исхожду от пустыни, и не точию ко граду, но ниже к веси приближаюся [Димитрий Ростовский 1764. 1: 243]; ...Странствоваше бо во всем житии своем, не имея зде пребывающаго града, но грядущаго взыскаю. Господу же своему подражая, странну на земли бывшему, не имевшему где главы преклонити [Димитрий Ростовский 1764. 1: 429]².

Услужливому «лакейству» современного мира, стремящемуся к мамоне и комфорту, — всеобщему потворству порокам, Гоголь противопоставлял христианское исповедничество самоотверженного образа жизни. Глубокое духовное утешение он черпал в сознании, что именно исполнение своего предназначения в мире, через плодотворную реализацию дарованных способностей — в смиренном, без самолюбования и гордости — и без лакейского раболепства — служении — открывает путь от духовной деградации земного, краткого существования в Небесный, вечный град, по слову апостола: «...Братия, более и более старайтесь утверждать себя в звании и избрании вашем... <...> Ибо таким образом откроется вам свободный вход в вечное царство...»³. На этом зиждется вся гоголевская «философия жизни». Отсюда и остере-

¹ 2 Кор. 6, 17; цит. по: [Новый Завет 1822: 683].

² Решающую роль в избрании Гоголем жизненного пути, в выборе между «пустыней» и многолюдным городом, оказал, по-видимому, пример его небесного покровителя, святителя Николая Мирликийского. Св. Димитрий Ростовский подчеркивает, что смысл наречения имени новорожденному заключается в том, чтобы крещаемый, «якоже именем, тако и нравы» был «подобен» святому [Димитрий Ростовский 1764. 2: 77]. Николай Чудотворец искал для себя «безмолвное житие», но Бог «инамо путь ему показоваше, не благоволя, да богатое то всех добродетелей сокровище <...> сокровено будет», — а потому призвал святого «в народный подвиг», назначив ему «оставить безмолвие» и «к человеку обратиться» — стать архиепископом столичного города Миры, «всая Ликии митрополии» [Димитрий Ростовский 1764. 2: 54].

³ 2 Петр. 1, 10–11; цит. по: [Новый Завет 1822: 551].

гающие предупреждение писателя, адресованное не только к русским поэтам, но и к любому человеку на конкретном поприще — потенциально «мертвой» или «живой» душе:

Слышно страшное в судьбе наших поэтов. Как только кто-нибудь из них, упустив из виду свое главное <...> назначение, бросался на другое или же опускался в <...> омут светских отношений, <...> внезапная, насильственная смерть вырывала его вдруг из нашей среды [Гоголь 2009–2010. 6: 189].

11 февраля 1850 г. Гоголь писал графине Анне М. Виельгорской:

...Мы все в этом мире не что другое, как поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать теми способностями, которые нам дал Бог, работать Ему, ожидая платы не здесь, а там. А какое именно влияние произведет наш труд на людей, как велико или обширно это влияние — это совершенно во власти Того, Кто располагает делами мира. <...> Только молитесь постоянно Богу, чтобы Он удостоил вас послужить Ему честно, добросовестно, прилежно, всеми своими способностями, не зарывая в землю ни одного своего таланта [Гоголь 2009–2010. 6: 298].

Путь Гоголя очень поучителен. Вышедший из украинской провинции, прибывший в столичный Петербург, объехавший потом все европейские столицы, он осознал «географическую» ограниченность настоящих духовных центров человечества. Долгое время размышляя о значении провинции или столицы в духовном возрастании, свой выбор он сделал в итоге в пользу Москвы — Третьего Рима, Нового Иерусалима [Паламарчук 1991]. В Москве Гоголь окончил свой путь; здесь, как он считал, «ближе к родине Небесной» [Гоголь 2009–2010. 15: 359].

Список литературы

Источники

<Августин Аврелий, епископ Иппонийский, блаженный>. Избранные сочинения Блаженного Августина, Епископа Иппонийского. <В 4 ч.>. М.: В Типографии Компании Типографической, 1786. Ч. 1. Блаженного Августина, Иппонийского Епископа, к Маркеллину О граде Божиим против язычников. Кн. 1–5. 509 с.; Ч. 2. Блаженного Августина, Иппонийского Епископа, к Маркеллину О граде Божиим против язычников. Кн. 6–12. 375 с.; Ч. 3. Блаженного Августина, Иппонийского Епископа, к Маркеллину О граде Божиим против язычников. Кн. 13–18. 496 с.;

Ч. 4. Блаженного Августина, Иппонийского Епископа, к Маркеллину О граде Божиим против язычников. Кн. 19–22. Святыя и душеспасительныя размышления. Книга единобеседований души с Богом. Ручная книжка Блаженного Августина. Карманная Псалтирь Блаженного Августина. 509 с.

<Августин Аврелий, епископ Иппонийский, блаженный>. Выбранные места из книг Блаженного Августина о Православной Кафолической Церкви и о нерадящих о ней. СПб.: В Типографии Святейшего Правительствующего Синода, 1795. 20 с.

Александринский театр // Северная Пчела. 1843. 3 мая. № 96. С. 381–382.

<Андрей Кесарийский, святитель>. Святаго Отца нашего Андрея, Архиепископа Кесари Капподокийския, Толкование на Апокалипсис Святаго Апостола и Евангелиста Христова Иоанна Богослова. От Еллинскаго на диалект Славенский переведенное и чинно расположенное <протоиереем Лаврентием Зизанием> волею, тщанием и благословением Преподобнейшаго и в Православии сияющаго Отца Захарии Копистенскаго, милостию Божиею архимандрита Св. Лавры Печерския Киевския. Типом печатное издася. Киев: В Св. Вел<икой> Лавре Печерской Киевской, 1625. 156 л.

<Андрей Кесарийский, святитель>. Андрея, Архиепископа Кесарийского, Толкование на Апокалипсис. Вновь переведенного с греческаго П<рогоиерея> М<ихаила> Б<оголюбского>. М.: Тип<ография> насл<едников> Гурьяновых, 1884. 239 с.

Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // <Пушкин А. С.> Соч. Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. / Издание П. В. Анненкова. СПб.: В Военной типографии, 1855. Т. 1. С. 1–432.

<Белинский В. Г.> Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербург. Одинадцать томов. Статья восьмая. Евгений Онегин // Отечественные Записки. 1844. № 12. Отд. V. С. 45–72.

<Бёттигер К. В.> Всеобщая История. Гимназический курс. Сочинение Эрлангенского Профессора Беттигера. Перевод с Немецкаго. М.: В Университетской Типографии, 1832. 416 с.

Гербель Н. В. Нежин // Лицей князя Безбородко / Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб.: В типографии Имп. Академии наук, 1859. С. 1–8.

<Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937–1952. 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подгот. В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович. 552 с.; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подгот. М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. 511 с.; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович. 434 с.; 1952. Т. 8 / тексты и коммент. подгот. О. Б. Билински, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридендер. 816 с.; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова. 487 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17.

Гончаров И. А. Обыкновенная история. Роман в двух частях // Современник. 1847. Т. 2. № 1. Отд. 1. С. 5–158; № 2. Отд. 1. С. 241–412.

<Грибоедов А. С.> Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833. 167 с.

<Димитрий Ростовский, святитель>. Книга житий святых. <В 4 т.>. Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. <Т. 1>. На три месяца первья, еже есть: Септмврий, Октоврий и Ноемврий. 498 л.; <Т. 2>. На три месяца вторья, еже есть: Декемврий, Январий и Февруарий. 567 л.; <Т. 3>. На три месяца третия, еже есть: Март, Априллий и Майй. 519 л.; <Т. 4>. На три месяца четвертя, еже есть: Иунй, Иулий и Август. 597 л.

<Иоанн Златоуст, святитель>. Иже в святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинограда Патриархи вселенского Беседы на Ді <14> Посланий Святаго Апостола Павла. <Киев>: В св<ятой> Вел<икой> Общежительной Лавре Печерской Киевской, 1623. 3202 стб.

<Иоанн Златоуст, святитель>. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1905. Т. 11. Кн. 1–2. 1008 с.

<Иоанн Синайский (Лествичник), преподобный>. Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника, Лествица, возводящая на небо. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1823. 192 л.

<Милютин В. А.> В. М. Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья первая // Отечественные Записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. 1847а. Т. L. № 1. Отд. II. С. 1–70.

<Милютин В. А.> В. М.—н. Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья вторая // Отечественные Записки. 1847б. Т. L. № 2. Отд. II. С. 130–160.

Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество / Вступ. статья О. М. Фельдмана; коммент.: Е. М. Ельницкая, Н. Н. Панфилова, О. М. Фельдман. В 2 т. М.: Искусство, 1984. Т. 1. 431 с.

<Нефедьев Н.А.> Подробные сведения о Волжских Калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Печатано в типографии К. Крайя, 1834. 287 с.

<Новый Завет>. Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, на славянском и русском языке / Иждивением Российского Библейского Общества, Московского Отделения. Первым тиснением. М.: В Синодальной Типографии, 1822. 885 с.

Нумерация домов в Санктпетербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным; мостам, Невским пристаням, городским выездам; Соборным и приходским церквам; Дворцам, монументам и владельцам домов / Составлено при Канцелярии Санктпетербургского Военного Генерал-Губернатора. <СПб.: Без изд.>, 1836. X + 424 + 251 + 44 с.

Одоевский В. Ф. <...> Записная книжка // Одоевский В. Ф. Романтические повести / Предисловие, вступ. статья и редакция Ореста Цехновицер<а>. Л.: Прибой, 1929. С. 61–76, 395–397.

<Панаев В. А.> Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская Старина. 1901. № 9. С. 481–510.

<Платон>. Платоново Гражданство, или О праведном 10 книг // <Платон>. Творений Велемудраго Платона части вторыя вторая половина, преложенная с греческаго языка на российский священником и Императорской Российской Академии членом Иоанном Сидоровским и Секретарем Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц. СПб.: изданием Императорской Академии Наук, 1783. С. 415–902.

<Погодин М. П.> М. П. Исторические Афоризмы и вопросы // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1. № 2. С. 109–116.

<Пушкин А. С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Разговор книгопродавца с поэтом; Глава первая>. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1825. 60 с.

Пушкин А. Граф Нулин // Северные Цветы на 1828 год. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1827а. Поэзия. С. 3–18.

Пушкин А. Женщины. Отрывок из Евгения Онегина // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827б. Ч. 5. № 20. С. 365–367.

<Пушкин А. С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава IV и <глава> V. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1828. 93 с.

<Пушкин А. С.> Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1829. 91 с.

<Пушкин А. С.> Джон Теннер // Современник. 1836а. Т. 3. С. 205–256.

<Пушкин А. С.> Словарь о Святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых. 1836 г. С. П. Б. // Современник. 1836б. Т. 3. С. 310–314.

Пушкин А. Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде // Сын Отечества. 1840а. Т. 2. № 5. С. 5–10.

Пушкин А. Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб.: В типографии И. Глазунова и К^о, 1840б. Т. 26. № 103. С. 319–326.

<Пушкин А. С.> Сочинения Александра Пушкина: <В 11 т.>. СПб.: В типографии И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 11. 353 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. (В 20 кн.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

<Руфин, пресвитер>. Жизнь пустынных отцев. Творение пресвитера Руфина / Пер. с лат. с объясн. примеч. инспектора классов Московского епархиального Филаретовского женского училища священника М. И. Хитрова. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собственная типография, 1898. XLIV + 119 с. (Троицкая библиотека. Кн. 3).

<Смит А.> Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита / Пер. с англ. СПб.: В Типографии Государственной Медицинской Коллегии, 1802. Т. 1. 586 с.; 1803. Т. 2. 354 с.; 1805. Т. 3. 644 с.; 1806. Т. 4. 561 с.

<Стефан (Яворский)>, митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола. Колесница торжественная, от Иезекииля Пророка виденная, на всерадостный вход в царствующий град Москву великому Государю,

Царю Петру Алексеевичу, Самодержцу Всероссийскому, по многих преславных победах и по пленении Слюшенбурга торжественнее возвращающемуся // <Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола>. Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, преосвященного Митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславного. <В 3 ч.>. М.: В Синодальной Типографии, 1805а. Ч. 3. С. 140–184.

<Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола>. Колесница четырехколесная, Иезекиилем Пророком виденная, на триумфальное вшествие в царствующий град Москву Благочестивейшему Государю нашему Царю, Петру Алексеевичу, Самодержцу Всероссийскому, по преславных над Шведами победах, на новый 1704 год проповеданная // <Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола>. Проповеди блаженной памяти Стефана Яворского, преосвященного Митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестии преславного. <В 3 ч.>. М.: В Синодальной Типографии, 1805б. Ч. 3. С. 185–224.

<Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола>. Знамена пришествия антихристова и кончины века, от писаний Божественных явленна, Апостольскому же вопросу, Что есть знамение Твоего пришествия, и кончины века (Матфей 24), согласующая. М.: В Синодальной Типографии, 1809. 152 л.

<Шевырев С. П.> История поэзии. Чтения Адъюнкта Московского Университета Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе Историю Поэзии Индийцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и Поэзии главных народов новой Западной Европы. М.: В типографии А. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1835 <1836> (цензурное разрешение 21 дек. 1835 г.; цензор И.М. Снегирев). 3 + 333 с.

Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1884. Т. 33. № 5. С. 1–280.

Исследования

Абрамович Г. Л. Идиллия Гоголя «Ганц Кюхельгартен» (к проблеме жанра) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1968. Т. 212. Вып. 12. С. 3–11.

Агаева И. И. Образ города в раскрытии нравственного идеала Гоголя (Диканька — Миргород — Петербург — Париж — Рим — город N) // Агаева И. И. Нравственно-религиозный идеал Н. В. Гоголя в контексте русской литературы первой половины XIX века. Баку: Мутарджим, 1998. С. 168–194.

Белов А. В. Итоги реформы города Екатерины II в контексте критической оценки современников. Комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души» Н. В. Гоголя // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 43–49.

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017а. № 3. С. 7–18.

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017б. № 4. С. 51–67.

Виноградов И. А. Воспитание и образование в творческом наследии Н. В. Гоголя // Идеи отечественной педагогики, или Как воспитать «совершенного человека». М.; Череповец: Череповецкая Полиграфическая Компания, 2023. С. 37–47.

Виноградов И. А. Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН; Река времен, 2024г. Т. 1: А–Ж. 1024 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0749-6>

Виноградов И. А. Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. Юбилейный выпуск. М.: Фестпартнер, 2010. С. 120–127.

Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И. А. «Дело, взятое из души» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009б. Т. 5. С. 531–572.

Виноградов И. А. Завязка «Ревизора» // Гоголь Н. В. Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями / вступ. ст. И. А. Виноградова, сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Синергия, 1995а. С. 5–52.

Виноградов И. А. Завязка «Ревизора» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009а. Т. 3–4. С. 618–655.

Виноградов И. А. Завязка Ревизора. Комментарий // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. (7 кн.) / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 3/4. С. 548–555.

Виноградов И. А. Заметки Н. В. Гоголя «К 1-й части» «Мертвых душ»: проблемы поэтики и текстологии // Проблемы исторической поэтики. 2024f. Т. 22. № 2. С. 50–87. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13843>

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 672 с.; 2018. Т. 5. 928 с.; Т. 7. 640 с.

Виноградов И. А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019а. Т. 4. № 3. С. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209>

Виноградов И. А. Монолог Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018а. Т. 16. № 1. С. 66–102. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.4781>

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и А. А. Иванов в работе над картиной «Явление Мессии» // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; отв. ред. М. И. Щербакова, В. Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020b. Вып. 2. С. 159–176. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-159-176>

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8>

Виноградов И. А. Неизвестная книга Н. В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022с. № 1 (23). С. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54>

Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018b. Т. 16. № 4. С. 29–114. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5521>

Виноградов И. А. Перевоплощения Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2024d. Т. 22. № 3. С. 45–74. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14042>

Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020с. № 1 (15). С. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282>

Виноградов И. А. Развязка Ревизора. <Комментарий> // *Гоголь Н. В. Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями / вступ. ст. И. А. Виноградова, сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Синергия, 1995b. С. 328–331.*

Виноградов И. А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия. К проблеме жанра // Два века русской классики. 2024a. Т. 6. № 1. С. 74–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-74-101>

Виноградов И. А. Религиозные взгляды графа М. М. Сперанского в осмыслении святителя Феофана Затворника // XXXI Международные Рождественские образовательные чтения «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека». Церковь и ее история в науке и образовании: сохранение духовного единства, национального самосознания и культурного наследия на переломе эпох. Материалы конференции / Государственная публичная историческая библиотека России. М.: [Б. и.], 2024е. С. 34–51.

Виноградов И. А. Религиозный замысел комедии Н. В. Гоголя «Игроки» // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; отв. ред. М. И. Щербакова, В. Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020a. Вып. 2. С. 126–158. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-126-158>

Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1 // Stephanos. 2024b. № 3 (65). С. 34–70. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70>

Виноградов И. А. «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 2 // Stephanos. 2024с. № 4 (66). С. 40–75. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75>

Виноградов И. А. Сказки Николая Гоголя // *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки / вступ. ст. И. А. Виноградова, вост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Синергия, 1998. С. 5–48.

Виноградов И. А. «Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии. К 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Два века русской классики. 2022а. Т. 4. № 1. С. 6–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-6-57>

Виноградов И. А. Учителство и проповедь в первой напечатанной повести Н. В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022b. Т. 20. № 1. С. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402>

Виноградов И. А. Эсхатология комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2019b. Т. 17. № 4. С. 68–90. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.5801>

Виноградов И. А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3: Сборник научных трудов. С. 214–239. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2001.2643>

Вишневская И. Л. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. 256 с.

Вишневская И. Л. О повести Гоголя // *Гоголь Н. В.* Ночь перед Рождеством. Повесть / рис. М. Соколова; предисл. И. Л. Вишневской. М.: Детская литература, 1981. С. 3–10.

Вишневская И. Всеобщая ревизия в «душевном городе». Русское самозванство — особая национальная тема // Независимая газета. 1999. 1 апр. № 58. С. 7.

Владимирова Т. Л. Стратегии интерпретации культурного пространства города (на материале римских писем Н. В. Гоголя) // Прикладная филология и инженерное образование. Томск: Томский политехнический ун-т, 2006. Ч. 2. С. 251–258.

Грюнберг П. Н. Пушкин и жития святых // Московский пушкинист. Периодическое издание Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН / сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2009. Вып. XII. С. 403–429.

Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 531 с.

Данилов В. В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки. Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя. Чернігов, 1940. Т. 1. С. 77–91.

Джулиани Р. Рим в творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / пер. с итал. А. Ямпольской. М.: НЛО, 2009. 288 с.

Дубровский А. В. Н. В. Гоголь и «мнимый Пушкин» (К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь») // Н. В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения. М.: ЧеРо, 2008. С. 336–345.

Иванов Вяч. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. Л.; М.: [Б. и.], 1926. Сб. 1. С. 89–99.

Иртенина Н. В. Новые лица в родословии Н. В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербачи: генеалогическое исследование // Историческое обозрение: ежегодный альманах. М.: Радетель, 2024а. Вып. 25. С. 33–48.

Иртенина Н. В. Гоголь-Яновские: дополнительные материалы к родословию Н.В. Гоголя // Вестник Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет). 2024б. № 4. С. 21–38. <https://doi.org/10.65540/2949-3846.2024.62.49.002>

Кожин В. В. Вместо предисловия // Н. В. Гоголь: История и современность: К 175-летию со дня рождения / сост. В. В. Кожин, Е. И. Осетров, П. Г. Паламарчук. М.: Сов. Россия, 1985. С. 3–14.

Кравченко О. А. «...К верховной вечной красоте»: духовные основы города в творчестве Гоголя // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. С. 234–240.

Кривонос В. Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 110–117.

Кривонос В. Ш. Город в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Поэтика русской литературы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 130–154.

Кубанев Н. А., Набилкина Л. Н. «Третий Рим» и «Град на холме»: Мессианское в русской и американской культуре // Православие в контексте отечественной и мировой литературы: сб. ст. / под ред. Г. А. Пучковой. Арзамас: АГПИ, 2006. С. 115–123.

Лахманн Р. Город-фантазм. Образы Петербурга и Рима в творчестве Гоголя // Существует ли Петербургский текст? СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. С. 205–234.

Летин В. А. Рай. Улица счастья. Гоголю. (Место и роль города в творчестве Н. В. Гоголя) // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3. С. 38–42.

Майорова С. А. Мифология города в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Сборник статей / под ред. Г. А. Пучковой. Арзамас: АГПИ, 2006. С. 231–239.

Мильдон В. И. Город в «Ревизоре» // Н. В. Гоголь и театр: Третьи Гоголевские чтения: сб. докладов М.: Книжный дом «Университет», 2004. С. 148–156.

<Паламарчук П. Г.> *Носов В. Д.* «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения / вступ. ст. Б. Филиппова. Лондон: Самиздат, 1985. 139 с.

Паламарчук П. Г. «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П. Г. Козацкие могилы. Повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.

Паламарчук П. Г. Москва, Мосохи и Третий Рим. Из истории политических учений русского средневековья // Паламарчук П. Г. Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М.: Современник, 1991. С. 4–39.

Прохоров Г. Новый автограф Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 36–38.

Раков Ю. А. «Страницей Гоголя ложится Невский» // Раков Ю. А. Петербург — город литературных героев: Учебное пособие по курсу «Краеведение». СПб.: Химия, 1997. С. 41–58.

Рупова Р. М. Иерусалим и Силиконовая долина: два полюса современной цивилизации // Богословский вестник. 2023. № 2 (49). С. 38–52. <https://doi.org/10.31802/GV.2023.49.2.002>

Русов А. Е. Город Гоголя // Нева. 1990. № 12. С. 172–187.

Сазонова Л. И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 2. С. 23–30.

Самойленко Г. В. Нежин — город юности Гоголя. Нежин: НГПУ, 2002. 262 с.

Сурат И. З. «Родрик»: житие великого грешника // Новый мир. 1997. № 3. С. 187–199.

Шукин В. Г. Романтический урбанизм и смысловые координаты гоголевского городского пространства // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 61–66.

Федотова М. А. «Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минях...»: А. С. Пушкин и «Книга житий святых» Димитрия Ростовского // *Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin*. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. С. 9–21.

Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература // Русская литература. 1987. № 1. С. 20–39.

Фридман Н. В. Влияние «Медного всадника» Пушкина в «Шинели» Гоголя // Искусство слова. М.: Наука, 1973. С. 170–176.

Фролова О. Е. Гоголевский Петербург на пересечении Европы и Азии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: Издательский центр Ин-та российской истории РАН, 2006. Вып. 3. С. 290–306.

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. (Нью-Йорк), 1951. № XXVII. С. 126–158.

Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М.: Муравей, 1998. 280 с.

References

Abramovich, G. L. “Idilliia Gogolia ‘Gants Kiukhel’garten’ (k probleme zhanra)” [“Gogol’s Idyll ‘Ganz Küchelgarten’ (To the Problem of Genre)”]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 212, issue 12, 1968, pp. 3–11. (In Russ.)

Agaveva, I. I. “Obraz goroda v raskrytii npravstvennogo ideala Gogolia (Dikan’ka — Mirgorod — Peterburg — Parizh — Rim — gorod N)” [“The Image of the City in the Disclosure of Gogol’s Moral Ideal (Dikanka — Mirgorod — Petersburg — Paris — Rome — City N)”]. Agaveva, I. I. *Npravstvenno-religiozniy ideal N. V. Gogolia v kontekste russkoi literatury pervoi poloviny XIX veka* [The Moral and Religious Ideal of N. V. Gogol in the Context of Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. Baku, Mutardzhim Publ., 1998, pp. 168–194. (In Russ.)

Belov, A. V. “Itogi reformy goroda Ekateriny II v kontekste kriticheskoi otsenki sovremennikov. Komediiia ‘Revizor’ i poema ‘Mertyve dushi’ N. V. Gogolia” [“The Results of Catherine II’s City Reform in the Context of Critical Assessment by Contemporaries.

The Comedy ‘The Government Inspector’ and the Poem ‘Dead Souls’ by N. V. Gogol”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 44, 2017, pp. 43–49. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’.” [“Blessed Are the Peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls.’”] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 3, 2017a, pp. 7–18. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu ‘Mertvykh dush’ (prodolzhenie)” [“Blessed are the peacemakers. From the Tale of Two Ivans to the Concept of ‘Dead Souls’ (Continued)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, 2017b, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Vospitanie i obrazovanie v tvorcheskom nasledii N. V. Gogolia” [“Upbringing and Education in the Creative Heritage of N. V. Gogol”]. *Idei otechestvennoi pedagogiki, ili Kak vospitat' “sovershennogo cheloveka”. Godu pedagoga i nastavnika posviashchaetsia [Ideas of Domestic Pedagogy, or How to Raise a “Perfect Person.” Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor]*. Moscow, Cherepovets, Cherepovets Printing Company Publ., 2023, pp. 37–47. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Gogolevskaia entsiklopediia. Proizvedeniia, nabroski, podgotovitel'nye materialy: v 7 t. [Gogol Encyclopedia. Works, Sketches, Preparatory Materials: in 7 vols.]*, vol. 1: A–Zh [A–Zh]. Moscow, IWL RAS Publ., Reka vremen Publ., 2024g. 1024 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0749-6> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Gogol’ — istorik i nabliudatel' byta. (K istorii i psikhologii ‘obshchestva potrebleniia’)” [“Gogol — a Historian and Observer of Everyday Life. (Towards the History and Psychology of the ‘Consumer Society’)”]. Vikulova, V. P., editor. *N. V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. Desiatye Gogolevskie chteniia [N. V. Gogol and His Creative Legacy. The 10th Gogol Readings. Anniversary Issue]*. Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 120–127. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniya [Gogol as an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the World Outlook]*. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Delo, vziatoe iz dushi.’” [“‘A Matter Taken from the Soul.’”] Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.) [Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]*, vol. 5, comp., text prep. and comm. by I. A. Vinogradov and V. A. Voropaev. Moscow, Kyiv, Moscow Patriarchate Publishing House Publ., 2009b, pp. 531–572. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Zaviazka ‘Revizora.’” [“The Plot of ‘The Government Inspector.’”] Gogol, N. V. *Revizor. Komediia v piati deistviakh. S prilozheniiami [The Government Inspector. Comedy in 5 Acts. With Appendices]*, introd. article by I. A. Vinogradov, comp. and comm. by V. A. Voropaev and I. A. Vinogradov. Moscow, Sinergiia Publ., 1995a, pp. 5–52. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Zaviazka ‘Revizora.’” [“Plot of ‘The Government Inspector.’”] Gogol, N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.) [Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]*, vol. 3–4, comp., text prep. and comm. by I. A. Vinogradov and V. A. Voropaev. Moscow, Kyiv, Moscow Patriarchate Publishing House Publ., 2009a, pp. 618–655. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Zaviazka Revizora. Kommentarii” [“The Plot of The Government Inspector. Commentary”]. Gogol', N. V. *Sobranie sochinenii: v 9 t. (7 kn.)* [Collected Works: in 9 vols. (7 books)], vol. 3/4, comp. and comm. by V. A. Voropaev and I. A. Vinogradov. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1994, pp. 548–555. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Zametki N. V. Gogolia ‘K 1-i chasti’ ‘Mertvykh dush’: problemy poetiki i tekstologii” [“Notes by N. V. Gogol ‘To the 1st Part’ of ‘Dead Souls’: Problems of Poetics and Textual Criticism”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 22, no. 2, 2024f, pp. 50–87. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13843> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Kommentarii” [“Comment”]. Gogol', N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary], ed. prep. by I. A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009c, pp. 385–656. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of N. V. Gogol's Life and Work (1809–1852). With Genealogical Chronicle (1405–1808). Scientific Publication: in 7 vols.], vol. 1, 2, 5, 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. 736, 672, 928, 640 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Lishnie liudi’ v russkoi literature: slovo Gogolia” [“‘Superfluous People’ in Russian Literature: Gogol's Word”]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 3, 2019a, pp. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Monolog Gogolia v mnogogolosè ‘Zhenit'by.’” [“Gogol's Monologue in the Polyphony of ‘The Marriage.’”] *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 1, 2018, pp. 66–102. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.4781> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “N. V. Gogol' i A. A. Ivanov v rabote nad kartinoi ‘Iavlénie Messii.’” [“N. V. Gogol and A. A. Ivanov at Work on the Painting ‘The Appearance of the Messiah.’”] Shcherbakova, M. I., and V. G. Andreeva, editors. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaiia i dukhovnaia slovesnost'* [The Literary Process in Russia in the 18th–19th Centuries. Secular and Spiritual Literature], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2020b, pp. 159–176. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-159-176> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *N. V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo naslediiia* [N. V. Gogol and Censorship. The Relationship Between the Artist and the Authorities as a Key Problem of Gogol's Legacy]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 864 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0659-8> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Neizvestnaia kniga N. V. Gogolia 1834 g.: zamysel, kontekst, reministsentsii” [“Unknown Book by N. V. Gogol of 1834: Concept, Context, Reminiscences”]. *Literaturnyi fakt*, 2022c, no. 1 (23), pp. 8–54. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-8-54> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Ogorchennye liudi’ v tvorchestve N. V. Gogolia” [“‘Distressed People’ in the Works of N. V. Gogol”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 4, 2018b, pp. 29–114. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5521> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Perevoploshcheniia Gogolia” [“Gogol's Reincarnations”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 22, no. 3, 2024d, pp. 172–201. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14042> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Posluzhnoi spisok Gorodnichogo v ‘Revizore’. K kharakteristike politicheskikh vzgliadov N. V. Gogolia” [“The Mayor’s Career in ‘The Government Inspector.’ On Nikolai Gogol’s Political Views”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020c, pp. 237–282. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-15-237-282> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Razviazka Revizora. Kommentarii” [“The Denouement of The Government Inspector. Commentary”]. Gogol, N. V. *Revizor. Komediia v piati deistviakh. S prilozheniiami* [*The Government Inspector. Comedy in 5 Acts. With Appendices*], introd. article by I. A. Vinogradov, comp. and comm. by V. A. Voropaev and I. A. Vinogradov. Moscow, Sinergiia Publ., 1995b, pp. 328–331. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Revizor’ Gogolia kak komediia-tragediia. K probleme zhanra” [“Gogol’s ‘The Government Inspector’ as a Comedy-Tragedy. On the Problem of the Genre”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024a, pp. 74–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-74-101> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Religioznye vzgliady grafa M. M. Speranskogo v osmyslenii sviatitelia Feofana Zatvornika” [“Religious views of Count M. M. Speransky as interpreted by St. Theophan the Recluse”]. *XXXI Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel’nye chteniia “Global’nye vyzovy sovremennosti i dukhovnyi vybor cheloveka”. Tserkov’ i ee istoriia v nauke i obrazovanii: sokhranenie dukhovnogo edinstva, natsional’nogo samosoznaniia i kul’turnogo nasledii na perelome epokh. Materialy konferentsii [XXXI International Christmas Educational Readings “Global Challenges of Modernity and the Spiritual Choice of Man.” The Church and its History in Science and Education: Preserving Spiritual Unity, National Identity and Cultural Heritage at the Turning Point of Eras. Proceedings]*. Moscow, [S. n.], 2024e, pp. 34–51. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Religiozni zamysel komedii N. V. Gogolia ‘Igroki’” [“Religious Intent of N. V. Gogol’s Comedy ‘The Gamblers.’”] Shcherbakova, M. I., and V. G. Andreeva, editors. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaia i dukhovnaia slovesnost’* [*The Literary Process in Russia in the 18th–19th Centuries. Secular and Spiritual Literature*], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2020a, pp. 126–158. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-126-158> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Romantik’ Poprishchin: Istoriia zamysla povesti N. V. Gogolia ‘Zapiski sumasshedshego’. Chast’ 1” [“‘Romantic’ Poprishchin: The History of the Concept of N. V. Gogol’s Novel ‘Notes of a Madman.’ Part 1”]. *Stephanos*, no. 3 (65), 2024b, pp. 34–70. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Romantik’ Poprishchin: Istoriia zamysla povesti N. V. Gogolia ‘Zapiski sumasshedshego’. Chast’ 2” [“‘Romantic’ Poprishchin: The History of the Concept of N. V. Gogol’s Novel ‘Notes of a Madman.’ Part 2”]. *Stephanos*, no. 4 (66), 2024c, pp. 40–75. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2024-66-4-40-75> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Skazki Nikolaia Gogolia” [“Tales of Nikolai Gogol”]. Gogol, N. V. *Vechera na khutore bliz Dikan’ki* [*Evenings on a Farm Near Dikanka*], introd. by I. A. Vinogradov, comp. and comm. by V. A. Voropaev and I. A. Vinogradov. Moscow, Sinergiia Publ., 1998, pp. 5–48. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Tri epokhi’ sozdaniia stat’i N. V. Gogolia o russkoi poezii. K 175-letiiu ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druž’iami.’” [“‘Three Epochs’ of the Creation

of N. V. Gogol's Article on Russian Poetry. On the 175th Anniversary of 'Selected Passages from Correspondence with Friends'.] *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 1, 2022a, pp. 6–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-6-57> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Uchitel'stvo i propoved' v pervoi napechatannoi povesti N. V. Gogolia ('Bisavriuk, ili Vecher nakanune Ivana Kupala, 1830)" ["Teaching and Sermon in the First Published Story by N. V. Gogol ('Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala, 1830)"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 1, 2022b, pp. 54–109. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.10402> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Eschatologiya komedii N. V. Gogolia 'Revizor.'" ["Eschatology of N. V. Gogol's comedy 'The Inspector General.'"] *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 4, 2019b, pp. 68–90. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.5801> (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "‘Ia brat tvoi.’ O povesti N. V. Gogolia ‘Shinel.’" ["‘I Am Your Brother.’ About the Story by N. V. Gogol ‘The Overcoat.’"] *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of Historical Poetics]*, issue 6: Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, suzhet, zhanr [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries. Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre], issue 3: Sbornik nauchnykh trudov [Collection of Scientific Papers]. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publ., 2001, pp. 214–239. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2001.2643> (In Russ.)

Vishnevskaiia, I. L. *Gogol' i ego komedii [Gogol and His Comedies]*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 256 p. (In Russ.)

Vishnevskaiia, I. L. "O povesti Gogolia" ["About Gogol's Story"]. Gogol', N. V. *Noch' pered Rozhdestvom. Povest' [The Night Before Christmas. Story]*. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1981, pp. 3–10. (In Russ.)

Vishnevskaiia, I. "Vseobshchaia reviziia v 'dushevnom gorode.' Russkoe samozvanstvo — osobaia natsional'naia tema" ["General Revision in the 'Spiritual City.' Russian Imposture — A Special National Theme"]. *Nezavisimaia gazeta*, no. 58, April 1, 1999, p. 7. (In Russ.)

Vladimirova, T. L. "Strategii interpretatsii kul'turnogo prostranstva goroda (na materiale rimskikh pisem N. V. Gogolia)" ["Strategies for Interpreting the Cultural Space of the City (Based on the Roman Letters of N. V. Gogol)"]. *Prikladnaia filologiya i inzhenernoe obrazovanie [Applied Philology and Engineering Education]*, part 2. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2006, pp. 251–258. (In Russ.)

Griunberg, P. N. "Pushkin i zhitiia sviatykh" ["Pushkin and the Lives of Saints"]. *Moskovskii pushkinist. Periodicheskoe izdanie Pushkinskoi komissii IMLI RAN [Moscow Pushkinist. Periodical Publication of the Pushkin Commission of IWL RAS]*, issue 12, comp. and scientific ed. V. S. Nepomnyashchiiy. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2009, pp. 403–429. (In Russ.)

Gukovskii, G. A. *Realizm Gogolia [Gogol's Realism]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959. 531 p. (In Russ.)

Danilov, V. V. "Ukrainskie reministsentsii v 'Mertvykh dushakh' Gogolia" ["Ukrainian Reminiscences in Gogol's 'Dead Souls'."]. *Naukovi zapiski. Nizhins'kii derzhavnii pedagogichnii institut imeni N. V. Gogolia [Naukovi Zapiski. Nizhny State Pedagogical Institute Named after N. V. Gogol]*, vol. 1. Chernigov, 1940, pp. 77–91. (In Russ.)

Dubrovskii, A. V. “N. V. Gogol’ i ‘mnimyi Pushkin’ (K voprosu ob avtorstve stikhotvoreniia ‘Pervaia noch’)” [“N. V. Gogol and the ‘Imaginary Pushkin’ (On the Question of the Authorship of the Poem ‘First Night’)”]. *N. V. Gogol’ i narodnaia kul’tura. Sed’mye Gogolevskie chteniia* [N. V. Gogol and Folk Culture. 7th Gogol Readings]. Moscow, CheRo Publ., 2008, pp. 336–345. (In Russ.)

Dzhuliani, R. *Rim v tvorchestve Gogolia, ili Poteriannyi rai: Materialy i issledovaniia [Rome in Gogol’s Works, or Paradise Lost: Materials and Research]*, trans. from Italian by A. Yampolskaya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

Ivanov, Viach. “‘Revizor’ Gogolia i komediia Aristofana” [“Gogol’s ‘The Government Inspector’ and Aristophanes’ Comedy”]. *Teatral’nyi Oktiabr’ [Theatrical October]*, coll. 1. Leningrad, Moscow, [S. n.], 1926, pp. 89–99. (In Russ.)

Itrenina, N. V. “Novye litsa v rodoslovii N. V. Gogolia: Kosiarovskie, Shostaki, Shcherbaki: genealogicheskoe issledovanie” [“New Faces in the Genealogy of N. V. Gogol: Kosyarovskys, Shostaki, Shcherbaki: Genealogical Research”]. *Istoricheskoe obozrenie: ezhegodnyi al’manakh [Historical Review: Annual Almanac]*, issue 25. Moscow, Radetel’ Publ., 2024, pp. 33–48. (In Russ.)

Itrenina, N. V. “Gogol’-Ianovskie: dopolnitel’nye materialy k rodosloviiu N. V. Gogolia” [“Gogol-Yanovskys: Additional Materials to the Genealogy of N. V. Gogol”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniia im. K.G. Razumovskogo (Pervyi kazachii universitet)*, no. 4, 2024b, pp. 21–38. <https://doi.org/10.65540/2949-3846.2024.62.49.002> (In Russ.)

Kozhinov, V. V. “Vместo predisl’viiia” [“Instead of a Preface”]. *N. V. Gogol’: Istoriia i sovremennost’: K 175-letiiu so dnia rozhdeniia [N. V. Gogol: History and Modernity: On the 175th Anniversary of His Birth]*, comp. by V. V. Kozhinov, E. I. Osetrov, P. G. Palamarchuk. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1985, pp. 3–14. (In Russ.)

Kravchenko, O. A. “...K verkhovnoi vechnoi krasote: dukhovnye osnovy goroda v tvorchestve Gogolia” [“...Towards the Supreme Eternal Beauty: Spiritual Foundations of the City in Gogol’s Works”]. *Tvorchestvo Gogolia i evropeiskaia kul’tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia [Gogol’s Works and European Culture. The 15th Gogol Readings]*. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel’skii dom Publ., 2016, pp. 234–240. (In Russ.)

Krivosos, V. Sh. “Gogol’: mif provintsial’nogo goroda” [“Gogol: The Myth of a Provincial Town”]. *Provintsiiia kak real’nost’ i ob’ekt osmysleniia [Province as a Reality and an Object of Comprehension]*. Tver, Tver State University Publ., 2001, pp. 110–117. (In Russ.)

Krivosos, V. Sh. “Gorod v povesti Gogolia ‘Taras Bul’ba’” [“The City in Gogol’s Story ‘Taras Bulba.’”] *Poetika russkoi literatury [Poetics of Russian Literature]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006, pp. 130–154. (In Russ.)

Kubanev, N. A., and L. N. Nabilkina. “‘Tretii Rim’ i ‘Grad na kholme’: Messianskoe v russkoi i amerikanskoi kul’turakh” [“‘The Third Rome’ and ‘City on a Hill’: The Messianic in Russian and American Cultures”]. *Pravoslavie v kontekste otechestvennoi i mirovoi literatury: sbornik statei [Orthodoxy in the Context of Russian and World Literature: A Collection of Articles]*. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2006, pp. 115–123. (In Russ.)

Lakhmann, R. "Gorod-fantazm. Obrazy Peterburga i Rima v tvorchestve Gogolia" ["Fantasy City. Images of Petersburg and Rome in Gogol's Works"]. *Sushchestvuet li Peterburgskii tekst? [Is There a Petersburg Text?]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2005, pp. 205–234. (In Russ.)

Letin, V. A. "Rai. Ulitsa shast'ia. Gogoliu. (Mesto i rol' goroda v tvorchestve N. V. Gogolia)" ["Paradise. The Street of Happiness. To Gogol. (The Place and Role of the City in the Works of N. V. Gogol)"]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, 1998, pp. 38–42. (In Russ.)

Maiorova, S. A. "Mifologiiia goroda v poeme N. V. Gogolia 'Mertvye dushi.'" ["Mythology of the City in N. V. Gogol's Poem 'Dead Souls'."]. Puchkova, G. A., editor. *Pravoslavie v kontekste otechestvennoi i mirovoi literatury: sbornik statei [Orthodoxy in the Context of Russian and World Literature: A Collection of Articles]*. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute Publ., 2006, pp. 231–239. (In Russ.)

Mil'don, V. I. "Gorod v 'Revizore.'" ["The City in 'The Government Inspector'."]. *N. V. Gogol' i teatr: Tret'i Gogolevskie chteniia: sbornik dokladov [N. V. Gogol and the Theater: The Third Gogol Readings: A Collection of Reports]*. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet" Publ., 2004, pp. 148–156. (In Russ.)

<Palamarchuk, P. G.> Nosov, V. D. "Kliuch' k Gogoliu. Opyt khudozhestvennogo chteniia ["The Key" to Gogol. An Experience of Fictional Reading], introd. article by B. Filippov. London, Samizdat Publ., 1985. 139 p. (In Russ.)

Palamarchuk, P. G. "Kliuch' k Gogoliu" ["The Key' to Gogol"]. Palamarchuk, P. G. *Kozatskie mogily. Povesti, skazaniia, khudozhestvennye issledovaniia [Cossack Graves. Stories, Legends, Fiction Research]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 336–422. (In Russ.)

Palamarchuk, P. G. "Moskva, Mosokh i Tretii Rim. Iz istorii politicheskikh uchenii russkogo srednevekov'ia" ["Moscow, Mosoch and Third Rome. From the History of Political Doctrines of the Russian Middle Ages"]. Palamarchuk, P. G. *Moskva ili Tretii Rim? Vosemnadtsat' ocherkov o russkoi istorii i slovesnosti [Moscow or Third Rome? 18 Essays on Russian History and Literature]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, pp. 4–39. (In Russ.)

Prokhorov, G. "Novyi avtograf Pushkina" ["New Autograph of Pushkin"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii [Pushkin. Almanac of the Pushkin Commission]*, issue 6. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 36–38. (In Russ.)

Rakov, Iu. A. "Stranitsei Gogolia lozhitsia Nevskii.'" ["Nevsky as Gogol's Page'."]. Rakov, Iu. A. *Peterburg — gorod literaturnykh geroev: Uchebnoe posobie po kursu "Kraevedenie" [Petersburg as a City of Literary Heroes: A Textbook for the Course "Local History Studies"]*. St. Petersburg, Khimiia Publ., 1997, pp. 41–58. (In Russ.)

Rupova, R. M. "Ierusalim i Silikonovaia dolina: dva poliusa sovremennoi tsivilizatsii" ["Jerusalem and Silicon Valley: Two Poles of Modern Civilization"]. *Bogoslovskii vestnik*, no. 2 (49), 2023, pp. 38–52. <https://doi.org/10.31802/GB.2023.49.2.002> (In Russ.)

Rusov, A. E. "Gorod Gogolia" ["Gogol's City"]. *Neva*, no. 12, 1990, pp. 172–187. (In Russ.)

Sazonova, L. I. "Literaturnaia rodoslovnaia gogolevskoi ptitsy-troiki" ["Literary Genealogy of Gogol's Troika"]. *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 59, no. 2, 2000, pp. 23–30. (In Russ.)

Samoilenko, G. V. *Nezhin — gorod iunosti Gogolia* [Nizhyn, the City of Gogol's Youth]. Nizhyn, Nizhyn State Pedagogical University Publ., 2002. 262 p. (In Russ.)

Surat, I. Z. “‘Rodrik’: zhitie velikogo greshnika” [“‘Rodrik’: The Life of a Great Sinner”]. *Novyi mir*, no. 3, 1997, pp. 187–199. (In Russ.)

Shchukin, V. G. “Romanticheskii urbanizm i smyslovye koordinaty gogolevskogo gorodskogo prostranstva” [“Romantic Urbanism and the Semantic Coordinates of Gogol's Urban Space”]. *Gogol' kak iavlenie mirovoi literatury*. [Gogol as a Phenomenon of World Literature]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 61–66. (In Russ.)

Fedotova, M. A. “‘Ja naprasno iskal Vasiliia Blazhennogo v Chet'ikh Mineiakh...’: A. S. Pushkin i ‘Kniga zhitii sviatykh’ Dimitriia Rostovskogo” [“‘I Looked in Vain for St. Basil in the Four Menaions...’: A. S. Pushkin and ‘The Book of Lives of Saints’ by Demetrius of Rostov”]. *Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin* [Literary Commentaries. In Honor of the Scholar Valentin Golovin]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2020, pp. 9–21. (In Russ.)

Fomichev, S. A. “Pushkin i drevnerusskaia literatura” [“Pushkin and Ancient Russian Literature”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1987, pp. 20–39. (In Russ.)

Fridman, N. V. “Vliianie ‘Mednogo vsadnika’ Pushkina v ‘Shineli’ Gogolia” [“The Influence of Pushkin's ‘The Bronze Horseman’ in Gogol's ‘The Overcoat.’”] *Iskusstvo slova* [Art of the Word]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 170–176. (In Russ.)

Frolova, O. E. “Gogolevskii Peterburg na peresechenii Evropy i Azii” [“Gogol's Petersburg at the Crossroads of Europe and Asia”]. *Rossiiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia* [Russia and the World Through Each Other's Eyes: from the History of Mutual Perception], issue 3. Moscow, Institute of Russian History of the RAS Publ., 2006, pp. 290–306. (In Russ.)

Chizhevskii, D. “Neizvestnyi Gogol” [“Unknown Gogol”]. *The New Review*. New York, no. 27, 1951, pp. 126–158. (In Russ.)

Iur'eva, I. Iu. *Pushkin i khristianstvo. Sbornik proizvedenii A. S. Pushkina s parallel'nymi tekstami iz Sviashchennogo Pisaniia i kommentariem* [Pushkin and Christianity. Collection of Works by A. S. Pushkin with Parallel Texts from the Holy Scripture and Commentary]. Moscow, Muravei Publ., 1998. 280 p. (In Russ.)